A black and white photograph of Keith Richards. He is sitting on a dark, ornate sofa, leaning forward with his left hand resting against his cheek and his head on his hand. He is wearing a light-colored button-down shirt over a dark t-shirt, a green vest, and a leather belt with a large buckle. He has a warm, slightly mischievous smile. The background is a plain, light-colored wall.

Самые честные рок-мемуары
за долгое время.

THE WASHINGTON POST

Китт Жизнь Ричардс

Corpus

18+

Кит Ричардс

Жизнь

«Corpus (ACT)»

2010

УДК 784(410)
ББК 85.313(3)

Ричардс К.

Жизнь / К. Ричардс — «Corpus (ACT)», 2010

Как родилась одна из величайших групп в истории рок-н-ролла? Как появилась песня Satisfaction? Как перенести бремя славы, как не впасть в панику при виде самых красивых женщин в мире и что делать, если твоя машина набита запрещенными препаратами, а на хвосте копы? В своей книге один из основателей Rolling Stones Кит Ричардс отвечает на эти вопросы, дает советы, как выжить в самых сложных ситуациях, рассказывает историю рока, учит играть на гитаре и очень подробно объясняет, что такое настоящий рок-н-ролл. Ответ прост: рок-н-ролл – это жизнь. “Жизнь” Кита Ричардса стала абсолютным бестселлером во всем мире, а автор получил за нее литературную премию Нормана Мейлера. Содержит нецензурную брань.

УДК 784(410)
ББК 85.313(3)

© Ричардс К., 2010
© Corpus (ACT), 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	46
Глава четвертая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Кит Ричардс Жизнь

© Mindless Records, LLC, 2010

© М. Колопотин, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Патриции

Глава первая

В которой меня останавливает полиция Арканзаса во время нашего американского тура 1975 года с последующим противостоянием

Зачем только мы остановились пообедать в ресторане 4-Dice в Фордайсе, штат Арканзас? Тем более когда местное население отмечало День независимости. При моем-то десятилетнем опыте автопробегов по Библейскому поясу? Крохотный городок Фордайс. *Rolling Stones* на карандаше у всей американской полиции. Каждый коп мечтает свинтить нас по любому подходящему поводу – шанс выслужиться и заодно избавить родину от этих жалких английских педиков. Стоял 1975 год, пора ожесточения и конфронтации. Охоту на *Stones* официально открыли еще в 1972-м, во время нашего тогдашнего тура, получившего название *STP*¹. Госдепартамент обратил внимание на всеамериканский разгул беспорядков (было), гражданского неповиновения (тоже было), недозволенного секса (что бы это ни значило) и насилия. И все это из-за нас, каких-то бродячих музыкантов. Мы подстрекали молодежь к бунту, мы разворачивали Америку, и потому было принято решение, что в США с гастролями нас больше не пустят. При Никсоне такие вещи стали вопросом серьезной политики. Еще раньше президент, не стеснявшийся грязных приемов, дал команду своим подручным разобраться с Джоном Ленноном, так как думал, что тот может стоить ему выборов. *Stones*, в свою очередь, – так было официально сказано нашему юристу – получили статус “самой опасной рок-н-рольной группы в мире”.

За последние недели наш героический юрист Билл Картер собственноручно вытащил нас из крупных неприятностей, в которые нас постарались втянуть полицейские управления Мемфиса и Сан-Антонио. И вот теперь вся слава должна была достаться Фордайсу, городишке в 4837 жителей, где на эмблеме школьного округа растопырился какой-то красный жук. А ведь Картер вообще советовал нам не ехать через Арканзас и уж как минимум никуда не сворачивать с федеральной трассы. В качестве устрашения он рассказал, что в конгрессе штата недавно чуть не приняли закон, официально запрещающий рок-н-ролл. (Представляю себе его формулировку: “Везде, где громко и настойчиво отбивают четыре удара на такт...”) Но нет, забыв про советы, мы спокойно катили по местным дорогам Арканзаса в новеньком желтом “шевроле импала”. Во всех Соединенных Штатах, наверное, нельзя было придумать более идиотского места для остановки в машине, забитой дурью, чем эта консервативная глушь на Юге, не очень приветливая к чужакам, особенно если они выглядят “не так”.

Вместе со мной были Ронни Вуд, Фредди Сесслер – выдающийся персонаж, мой друг, практически родной отец, который еще не раз будет фигурировать в этой истории, – плюс Джим Каллахан, долгие годы начальник нашей охраны. Нам нужно было проделать четыреста миль от Мемфиса до Далласа, где у *Stones* назавтра был запланирован концерт на стадионе “Коттон Боул”. Джим Диккенсон, парень с Юга, который играл на фоно в *Wild Horses*, убедил нас, что пейзаж Тексарканы стоит того, чтобы посмотреть на него из окна машины. Вдобавок мы чувствовали, что налетались, перепуганные недавними приключениями на пути из Вашингтона в Мемфис, когда в один момент самолет резко бросило вниз на много тысяч футов, под аккомпанемент криков и слез, с ударом головой о крышу для фотографа Энни Лейбовиц и целованием летного поля по приземлению. Пока нас швыряло в воздухе, я, как говорят, удалился в заднюю часть салона и употреблял разные вещества с большим, чем обычно, энтузиазмом, видимо, переживая, что столько добра может пропасть напрасно. Случилась эта паршивая история в знаменитом “Старшипе”, бывшем лайнере Бобби Шермана.

¹ *Stones Touring Party* – “роллинговская гулянка на гастролях”. – Здесь и далее – прим. перев., если не указано иное.

Итак, было решено добираться на машине, и мы с Ронни вели себя особенно по-идиотски. Заехав в некое придорожное место под названием *4-Dice*, все сели, сделали заказ, после чего мы с Ронни удалились в туалет. В смысле взбодриться. И взбодрились. А поскольку ни здешняя клиентура, ни еда не вызывали у нас теплых чувств, мы продолжали торчать в туалете, веселясь и добавляя дозу. Просидели мы там минут сорок. Что здесь делать было не принято, особенно тогда. Это и накалило обстановку – кто-то из персонала позвонил в полицию. Когда мы вышли на улицу, невдалеке у обочины стояла черная машина без номеров, и только мы тронулись, не проехали даже двадцати ярдов, как заорала сирена, замигал огонек, и скоро нам в лицо уставились несколько дробовиков.

На мне была джинсовая кепка с карманчиками, и в каждом из них хранился запас дури. Дурь вообще была где только можно. Даже в дверях машины: нужно было только отковырять панели, чтобы увидеть пластиковые пакеты с коксом и травой, пейотлем и мескалином. Черт, черт, черт, что же нам делать?! Менее подходящего времени для встречи с полицией было не придумать. Чудо, что в этот раз нам вообще разрешили гастролировать в США. Наши визы, добытые благодаря двухлетнему марафону Билла Картера по кабинетам Госдепартамента и Иммиграционной службы, висели на волоске соблюдения множества условий, о чем, кстати, прекрасно знала полиция всех крупных городов. Само собой, условием всех условий было то, что нас не арестовывают за хранение наркотиков, и это Картеру вменялось в личную ответственность.

В ту пору я не принимал ничего тяжелого – почистился перед гастролями. И я спокойно мог оставить свое хозяйство путешествовать в самолете. До сегодняшнего дня не понимаю, зачем было брать все это дермо с собой в дорогу и идти на такой риск. Конечно, мне надарили много наркоты в Мемфисе и совсем не хотелось расставаться с таким уловом, но и его я мог положить в самолет и отправиться в путь чистым. С чего вдруг я нагрузил машину так, будто решил заделаться дилером? Не помню, может быть, самолет улетел уже после того, как я проснулся. Помню только, что очень долго возился, отдирая панели и распихивая припасы. Притом что пейотль – вообще допинг не очень моей категории.

В карманчиках кепки были гашиш, туинал и немного кокса. Я приветствую полицию взмахом кепки, и гашик с капсулами летят в кусты. “Добрый день, офицер! (Взмах кепкой.) Ой, я что-то нарушил? Какой-то местный закон? Извините, пожалуйста, я из Англии. Ехал не по той стороне дороги, да?” Пару слов, и они уже сбавили обороты. Плюс дури больше нет. Правда, только какой-то части. На сиденье они углядели охотничий нож, который позже решили записать как доказательство “скрытого ношения оружия”², лживые ублюдки. Наконец, нам сказали следовать за ними на какую-то стоянку, расположенную под зданием местной мэрии. В дороге они, не сомневаюсь, видели, как мы выбрасывали из машины кое-что оставшееся.

Полицейские не стали обыскивать машину сразу по прибытии в гараж. Они сказали Ронни: “Так, ты иди в машину и забери свои вещи”. У Ронни в салоне осталась какая-то ли борсетка, то ли что, но он не только забрал ее, а еще и высыпал всю дурь в коробку с “Клинексом”. Вылезая, он сообщил мне: “Под водительским сиденьем”. Когда меня пустили в машину, мне забирать было нечего, нужно было только притвориться, что есть, а самому позаботиться о коробке. Но поскольку я ни хрена не соображал, что с ней делать, я просто чуть-чуть смял ее и засунул глубоко под заднее сиденье. После чего вылез и сказал, что, в общем, у меня все с собой. Почему они тут же не разобрали машину на детали, выше моего понимания.

² Скрытое ношение оружия – ношение или транспортировка личного оружия (на теле, в сумке, в автомобиле), когда оно не видно посторонним. Запрещено или регламентировано (требует лицензии) в некоторых штатах США.

К этому моменту они уже в курсе, кто у них на руках. (“Вот это да, вы посмотрите, кто нам попался, а!”) Но в следующую секунду они, видимо, перестают понимать, куда им деть международных звезд, оказавшихся под стражей в их участке. Приходится подтягивать силы со всего штата. Судя по их виду, они не знают и того, по какой статье нас оприходовать. Вдобавок они заметили, как мы дозваниваемся до Билла Картера, и это должно было напугать их, потому что здесь мы очутились прямо в его угодьях. Картер вырос в городке Ректор и лично знал в Арканзасе каждый полицейский чин, каждого шерифа и прокурора, всех видных политиков. Наши хозяева, наверное, стали жалеть, что оповестили все новостные службы о своем улове. Перед судом уже собирались корреспонденты национальных СМИ – одна далlassкая телестанция ради преимущества в скорости даже наняла себе “Лирджет”. Поскольку дело происходило в субботу после обеда, полицейские стали называть в Литл-Рок, желая получить указания от чиновников на уровне штата. Поэтому вместо того, чтобы запереть нас в клетке и пустить эту картинку путешествовать по всему миру, они оставили нас разгуливать в стенах кабинета начальника полиции, в так называемом “предупредительном заключении”. Где был Картер? Контора закрыта на выходные, сотовых телефонов еще не существует. Пока он не найдется, приходится ждать.

Тем временем мы думаем, как избавиться от оставшегося груза. Мы им просто напичканы. В 70-е я торчал качественно – на суперчистом мерковском³ кокaine, пушистом фармацевтическом порошке. Мы с Фредди Сесслером двинулись в сторону толчка, причем никто и не думал нас сопровождать. “Господиисусе, – словечко, с которого Фредди начинал любое предложение, – у меня карманы ломятся”. Он достает пузырек с туиналом. Его так трясет от мысли, что надо спустить это в унитаз, что пузырек на хрен падает, и куча бирюзово-красных капсул катается повсюду, а он в это время пытается смыть имеющийся кокс. Я бросаю в унитаз и траву, и гашиш, жму на ручку, это дермо ни хуя не смыывается, травы слишком много, я жму и жму, и вдруг из-под стенки кабинки выкатываются эти капсулы. Я пытаюсь собрать все, побросать в унитаз, но не могу, потому что между мной и Фредди пустая кабинка, так что штук пятьдесят валяются без присмотра на полу посередине. “Господиисусе, Кит!” – “Спокойно, Фредди, я у себя все собрал, ты у себя все собрал?” – “Вроде да, вроде собрал”. – “Ладно, идем в среднюю и смыываем все остальное”. Еб твою мать, дермо сыпалось у нас просто отовсюду! Что-то фантастическое, в каждом кармане, куда только ни глянь… Я в жизни не представлял, что ношу на себе столько кокса!

Главной бомбой был чемодан Фредди, который остался в еще не открытом полицией багажнике и в котором, мы знали, найдется кокайн. Просто не может не найтись. Фредди и я решили, что мы временно откращиваемся от него, от Фредди то есть, и говорим, что это подобранный нами автостопщик, но при этом мы рады, если понадобится, предложить ему услуги нашего адвоката, когда тот наконец осчастливит всех своим присутствием.

Где же был Картер? Чтобы подтянуть наши войска, ушло немало времени, в течение которого население Фордайса разрослось настолько, что впору было устраивать революцию. Не желая пропустить такое зрелище, люди прибывали отовсюду: из Миссисипи, Техаса, Теннесси. Ничего не должно было начаться, пока не найдут Картера, и он вообще-то сопровождал нас в туре, был где-то поблизости, просто взял заслуженный выходной. Так что у меня было время поразмыслить, как это я потерял всякую осторожность и забыл о правилах. Не нарушай закон и не давай полиции тебя останавливать. У копов где угодно, тем более здесь, на Юге, при желании найдется куча якобы законных поводов тебя свинтить. И тогда они без проблем могут упечь тебя на девяносто дней. Потому-то Картер и предупреждал нас не

³ То есть на кокaine производства Merck & Co. – американской фармацевтической компании, одной из крупнейших в мире.

сворачивать с федеральных трасс. Библейский пояс по тем временам был затянут куда туже, чем сейчас.

Когда-то, на первых гастролях, мы наматывали огромное количество сухопутных миль. С придорожными заведениями было интересно, никогда не угадаешь. Тебе нужно было сбраться, приготовиться и оставаться наготове. Попробовали бы вы году эдак в 1964-м, или 1965-м, или 1966-м заявиться на стоянку автофургонов где-нибудь глубоко на юге или в Техасе. Здесь было куда опаснее, чем в любых городских трущобах. Ты заходишь, вокруг солидное мужское общество, и постепенно понимаешь, что отдохнуть с комфортом здесь, на виду у всех этих дальнобойщиков с наколками и уставным полубоксом, у тебя не получится. По-быстрому, нервно подметаешь еду с тарелки: “Ой, а это, если можно, с собой”. Они нас называли девочками – из-за длинных волос: “Как дела, девчонки? Потанцуем, не?” Да уж, волосы… Мелочи, о которых не задумываешься и которые меняют целые культуры. То, как реагировали на нас в те годы в некоторых частях Лондона, несильно отличалось от того, как на нас реагировали здесь, на Юге. “Привет, красавица” и вся такая херня.

Оглядываешься назад и понимаешь, что находился под постоянным прессом, однако в то время ни о чем таком не думалось. Во-первых, каждый раз это был новый опыт, и ты не сознавал, чем он для тебя обернется или не обернется. Ты вживался во все по чуть-чуть. Лично я обнаружил, что в таких ситуациях, если противная сторона видела гитары и понимала, что мы музыканты, почему-то вдруг проблем не возникало. Так что идешь в кабак для дальнобойщиков – прихвати гитару. “Играешь, сынок?” Иногда мы и играли – брали гитары в руки и отрабатывали ужин песнями.

Впрочем, всего-то дел было – переместиться в другую часть города, как говорится, за железную дорогу⁴, и ты попадал в настоящую школу жизни. Если мы играли с черными музыкантами, они не бросали нас без присмотра. Что-то в духе “Эй, компанию на ночь не желаешь? Ей понравится. Такого, как ты, у нее еще не было”. Тебя привечали, тебя кормили, тебя укладывали в постель. Белая часть города вымирала, но по ту сторону железной дороги движуха была в полном разгаре. Когда ты знаком с лабухами, у тебя все круто. Потрясающий опыт.

Бывало, мы давали два или три шоу в день. Выступления длились недолго – три раза за день по двадцать минут или полчаса. В остальном ожидали своей очереди, потому что в основном это были ревю: черные группы, любители, местные белые знаменитости, что угодно, и, если дело происходило на юге, этому не было конца. Города и штаты проносились мимо со свистом. Это называется угаром белой полосы. Когда не спишь, проводишь время, уставившись на разделительную посередине дороги, и только изредка кто-то говорит: “Надо облегчиться” или “Есть хочется”. Тогда ты попадал в этот маленький придорожный театр – на обочинах проселочных дорог в обеих Каролинах, Миссисипи и прочих таких местах. Например, выпрыгиваешь с одной только мыслью, где бы отлить, видишь букву М, а стоящий рядом черный чувак говорит: “Только для цветных!” Озарение: “Меня же дискриминируют!” Или проезжаешь мимо одного из махоньких джук-джойнтов⁵, а оттуда гремит что-то охренительное и из окон валит пар.

- Эй, тормози!
- Может быть небезопасно.
- Да ты что, ты только послушай!

⁴ “За железной дорогой” (*across the track(s)*) – выражение, буквально обозначающее другую часть города: чаще всего бедную в противоположность зажиточной, в американском контексте – черную в противоположность белой. В переносном смысле обозначает находящуюся по соседству иную культурную среду, как правило, негритянскую культуру по соседству с белой.

⁵ Джук-джойнт (*juke-joint*) – питейное заведение в сельскохозяйственных негритянских общинах в юго-восточных штатах с живой музыкой, дансингом и азартными играми. Как правило, джук-джойнты располагались на перекрестках.

И внутри ты видел банду из трех человек, трех невъебенных черных мужиков, а вокруг крутят задницами девахи с долларовыми купюрами, заткнутыми в стринги. И когда ты входишь, на секунду все прямо застывают на месте, потому что ты первый белый, который здесь появился, но они знают, что атмосфера слишком накалена, чтобы пара-другая белых пацанов могла что-то испортить. Тем более раз мы не похожи на местных. И их все это очень интригует, и от этого нас начинает переть еще больше. Но потом нам опять нужно в дорогу. О, блин, я бы остался здесь на неделю! Приходится протискиваться к выходу, миловидные черные дамы сжимают тебя между своих огромных грудей. Выходишь весь мокрый и в чужих духах, все садятся в машину, благоухают, и музыка угасает где-то на заднем плане. Думаю, для кого-то из нас это было как оказаться на небесах – год назад мы чесали по лондонским клубам и, в общем, были довольны жизнью, но теперь, всего лишь год спустя, мы оказались в месте, куда, думали, нам попасть не светит. В Миссисипи. Раньше мы играли эту музыку, все очень чинно, но теперь-то мы нюхнули ее вживую. Растешь с мечтой стать блюзменом, следующий кадр – ты, твою мать, сам блюзмен, ты в самой гуще блюзменов, а рядом на сцене стоит Мадди Уотерс. Это происходит так быстро, что фактически нет возможности зафиксировать все впечатления, которые на тебя обрушаются. Осознание приходит только потом, вспышками памяти, а в тот момент ты просто перегружен. Ведь одно дело играть песню Мадди Уотерса и совсем другое – играть ее вместе с Мадди Уотерсом.

Билла Картера наконец отследили в Литл-Роке, где он отдыхал в гостях на барбекю у друга, очень кстати оказавшегося судьей. Билл должен был снять самолет и прилететь через пару часов с судьей под ручку. Этот приятель Картера лично знал офицера из полиции штата, который собирался обыскать нашу машину, и сообщил ему, что тот не имеет на это права, а также настоятельно порекомендовал воздержаться от обыска, пока он сам не прибудет на место. Все замерло еще на два часа.

Билл Картер еще с колледжа участвовал в местных избирательных кампаниях, поэтому знал почти всех важных лиц в штате. Кроме того, люди, на которых он работал в Арканзасе, теперь стали влиятельными демократами в Вашингтоне. Его ментором был сам Уилбер Миллс, уроженец Кенсета, – глава Бюджетного комитета Конгресса, второй самый могущественный человек после президента. Картер вырос в бедной семье, служил в авиации во время Корейской войны, армейскими деньгами оплатил себе юридическое образование, а когда деньги кончились, нанялся в Секретную службу и оказался в личной охране Кеннеди. В Далласе в тот день его не было – он проходил переподготовку, – однако он успел побывать с Кеннеди везде, где мог, планировал его поездки и знал всех ключевых чиновников в штатах, которые посещал президент. Ближний круг, одним словом. После смерти Кеннеди он работал следователем в комиссии Уоррена, а потом открыл собственную адвокатскую практику в Литл-Роке, сделавшись чем-то вроде народного заступника. Смелости ему было не занимать. Он всерьез относился к правопорядку, к необходимости поступать по закону, к Конституции – и преподавал все это на полицейских семинарах. По его словам, он пошел в адвокаты, потому что не мог смириться, что полицейские по обыкновению злоупотребляют своей властью и вертят законом как хотят – что, кстати, прямо относилось почти ко всем, кто встречался ему в разъездах вместе с *Rolling Stones*, едва ли не в каждом городе. Как адвокат Картер был для нас просто подарком.

Когда в 1973 году нам отказали в разрешении на въезд, в качестве козыря он использовал свои старые контакты в Вашингтоне. В конце того года впервые отправившись в столицу в качестве нашего представителя, он увидел, что воля Никсона беспрекословна и обязательна к выполнению на всех бюрократических этажах вплоть до самого нижнего. Ему было официально заявлено, что *Rolling Stones* больше никогда не будут гастролировать в Соединенных Штатах. Помимо нашего статуса самой опасной рок-н-рольной группы в мире, подстрекательства к беспорядкам, вызывающего поведения, пренебрежительного отношения к

закону чиновники с раздражением приводили эпизод с Миком, который однажды вышел на сцену в костюме дяди Сэма. Одного этого было достаточно, чтобы не пустить его в страну. Как же, священная звездно-полосатая тряпочка! Приходилось быть осторожным, чтобы не навлекать на себя гнев патриотов. Брайан Джонс как-то подобрал американский флаг, валявшийся за кулисами, – это случилось еще в середине 1960-х, кажется, в Сиракузах, штат Нью-Йорк. Он набросил его себе на плечо, но конец касался земли. Все происходило после концерта, мы собирались возвращаться в отель, когда полицейские из сопровождения затолкали нас в офис и начали орать: “Волочить флаг по полу! Хотите унизить мою страну? Это что, призыв к бунту?”

У меня тоже был служебный список, никуда не денешься. К тому же все хорошо знали – что еще могла писать обо мне пресса? – о моей героиновой зависимости. Я только что, в октябре 1973-го, склонялся в Британии обвинение в хранении вдобавок к такому же во Франции в 1972-м. Когда Картер начал ходить по кабинетам, Уотергейт набирал обороты – некоторые подручные Никсона уже сидели, не за горами было падение самого Никсона вместе с Холденом, Митчеллом и прочими, кое-кто из которых лично заодно с фэбээровцами участвовал в закулисной кампании против Джона Леннона.

Преимуществом Картера в переговорах с иммиграционными чиновниками было то, что он считался своим – ветераном силовых ведомств, заработавшим авторитет на службе у Кеннеди. Он выдавал им порцию: “Мужики, я знаю, что вы чувствуете” – и говорил, что просто хочет внимания к нашему делу, потому что, по его мнению, к нам отнеслись несправедливо. Он подбирался к цели мало-помалу, долгими месяцами изнурительного обивания порогов. В первую очередь он обхаживал нижестоящих, прекрасно понимая, что эти могут затормозить процесс на уровне формальностей. Чтобы доказать, что мой организм чист от наркотиков, я прошел медицинское обследование – у того же врача в Париже, который уже не раз выписывал мне справки о полном здоровье. Потом случилась отставка Никсона. И тогда Картер попросил одного высокопоставленного чиновника поговорить с Миком лично и решить вопрос по результату. Разумеется, Мик напяливает костюм и очаровывает парня по самые уши. Мик – самый разносторонний чувак на планете. За что его и люблю. Он мог бы провести философскую дискуссию с Сартром на его родном языке. И с местными Мик всегда ладит лучше других. Картер рассказал, что подал запрос на визы не в Нью-Йорке или Вашингтоне, а в Мемфисе, где атмосфера была спокойнее. Результат оказался неожиданным. Разрешения и визы были выданы быстро с одним условием: Билл Картер сопровождает *Stones* в турне и лично гарантирует властям, что массовых беспорядков не случится и за все время никто не совершил ничего противозаконного. (Они также потребовали иметь сопровождающего врача; им стал один почти литературный персонаж, который позже появится в этой истории, – жертва гастрольного графика, сам любитель препаратов, под конец сбежавший с группой.)

Картер дал им дополнительные гарантии, сообщив, что собирается организовать тур в стиле секретной службы, координируя действия с полицией. Наличие же у него других контактов означало, что, если полиция будет планировать задержание, информация об этом попадет к нему заранее. Впоследствии это не раз спасало наши шкуры.

С времен тура 1972 года ситуация в стране стала пожестче – демонстрации, антивенные марши и прочее наследие президентства Никсона. Первый звоночек прозвенел в Сан-Антонио 3 июня. Эти гастроли проходили под знаменем гигантского надувного члена. Он поднимался на сцене в момент, когда Мик пел *Starfucker*⁶. Это было шикарно, в смысле, член был шикарный, хотя мы потом за это поплатились – на каждого следующих гастролях Мику

⁶ Ввиду непристойности названия (в переводе “Звездоеб”) официально песня вышла под названием *Star Star* (исходя из текста можно перевести как “Звездо-, звездо-”).

хотелось иметь какую-нибудь бутафорию, чтобы компенсировать свои комплексы. Вспоминаю великий переполох в Мемфисе с попыткой выступать со слонами, пока те не покрушили трапы и не засрали на репетициях всю сцену, после чего идея была заброшена. На первых двух концертах тура в Баттон-Руже никаких проблем с членом не возникло. Но он стал приманкой для копов, которые потеряли надежду схватить нас в гостинице, во время переездов или в гриндерке. Единственным местом, где они могли нас достать, была сцена. В Сан-Антонио они пригрозили арестовать Мика, если член надуют принародно. Картер предупредил их, что тогда толпа просто сожжет арену. Он оценил обстановку и понял, что зрители, скорее всего, такого не потерпят. В конечном счете Мик решил прислушаться к властям, и эрекции в Сан-Антонио не случилось. В Мемфисе, когда Мику сказали, что арестуют его за припев *Starfucker, starfucker*, Картер встал в стойку и предъявил плейлист местной радиостанции, из которого следовало, что песню играли в эфире уже два года без всяких жалоб. Картер ясно видел – и был готов драться по этому поводу при любом случае, – что, где только ни показывалась полиция, в любом городе, она нарушала закон, действовала против правил, пыталась вломиться без ордера, устроить обыск без достаточных оснований.

* * *

Так что к моменту, когда Картер наконец добрался до Фордайса с судьей под мышкой, какой-то протокол на нас уже составили. В городе собрался солидный журналистский корпус, на дорогах установили блокпосты, чтобы больше никого не впускать. Полиции хотелось одного – открыть багажник, где, они были уверены, найдутся наркотики. Начали с того, что предъявили мне обвинение в опасном вождении, – это потому, что, когда я выезжал со стоянки ресторана, из под моих визжащих колес вылетал гравий. Целых двадцать ярдов опасного вождения. Обвинение номер два – “скрытое ношение оружия”: это про охотничий нож. Но багажник – другое дело, здесь им по закону требовалось указать “достаточное основание”, то есть должно было иметься доказательство или обоснованное подозрение, что было совершено преступление. В противном случае обыск противозаконен, и даже если они найдут что искали, дело не завести. Они могли бы открыть багажник, если бы увидели через окно машины какую-нибудь контрабанду, но ничего такого они не видели. Эта история с “достаточным основанием” теперь, когда вечер подходил к концу, часто становилась причиной громких переругиваний между разными присутствовавшими чинами. Картер, явившийся, первым делом заявил, что обвинение очевидно сфабриковано. В качестве достаточного основания коп, который меня остановил, додумался рассказать историю про запах марихуаны, который донесся до его носа из окна нашей машины, когда мы отъезжали, – именно поэтому они и захотели открыть багажник. “Они, наверное, думают, что я лох деревенский”, – сказал нам Картер. Копы, по сути, утверждали, что минуты между выходом из ресторана и отъездом нам хватило, чтобы раскурить косяк и заполнить машину дымом настолько, чтобы его можно было обонять на расстоянии многих ярдов. По их словам, именно по запаху они нас и арестовали. Одно это подорвало всякое доверие к доказательствам обвинения. Картер обсудил вопрос с уже рычавшим от бешенства начальником полиции, у которого, с одной стороны, имелся осажденный город, но который, с другой стороны, понимал, что может отменить завтрашний концерт на сцене *Cotton Bowl* в Далласе с уже раскупленными билетами, если задержит нас в Фордайсе. Этот человек, шеф Билл Гоубер, для нас и для Картера выглядел воплощением быдловатого копа-южанина, местным вариантом моих друзей из участка в Челси, всегда готовых подмять закон под себя и покуражиться своей властью. *Rolling Stones* задевали Гоубера лично – своей одеждой, волосами, музыкой, всем, что они символизировали, особенно же – презрением к авторитетам, его авторитетам. Никакой субординации. Даже Элвис говорил им: “Так точно, сэр”. Элвис, но не это отребье. Поэтому Гоубер напле-

вал на предупреждения Картера, что тот дойдет до Верховного суда, и дал команду открыть багажник. И, когда багажник открыли, всех ждал суперприз. Люди просто попадали от хохота.

Когда из Теннесси, тогда по большей части “сухого” штата, ты переезжал мост, ведущий в Западный Мемфис, что уже в Арканзасе, повсюду начинались магазинчики, торгующие алкоголем, фактически самогоном, в бутылках с коричневыми этикетками. В одной такой лавке мы с Ронни разошлись не на шутку – скучали любую тару с бурбоном, где только видели понтовые названия: “Летающий петух”, “Бойцовский петух” или “Серый майор” – все эти прикольные фляжки с экзотическими письменами, выведенными от руки. В багажнике таких было штук шестьдесят. Так что теперь мы ни с того ни с сего попали под подозрение в бутлегерстве. “Нет, мы их купили, мы за них расплатились”. И, я думаю, все это бухло спутало им карты. Все-таки на дворе 1970-е, и пьяницы – это совсем не то что торчки, тогда их четко отделяли друг от друга: “Хоть, как настоящие мужики, пьют виски”. А потом они достали чемодан Фредди, запертый, и он сказал им, что забыл комбинацию. Они взламывают чемодан, и там, естественно, лежат два маленьких контейнера фармацевтического кокаина. Гоубер решил, что сцепал нас намертво – или как минимум сцепал Фредди.

Какое-то время разыскивали местного судью, уже затемно, и, когда тот прибыл, выяснилось, что он провел весь вечер за гольфом и выпивкой – к этому моменту он был уже на бровях.

И вот тогда началась настоящая комедия, абсурд, кистоунские полицейские⁷: судья занимает свое место, а законники и копы со всех сторон с большим трудом стараются донести до него свое видение ситуации. Гоуберу нужно было от судьи постановление о законности обыска и допущения кокаина как улики, после чего нас всех задерживали по уголовным обвинениям – то есть бросали за решетку. От решения этого тонкого юридического вопроса, можно сказать, зависела судьба *Rolling Stones*, по крайней мере в Америке.

Дальше происходило нижеследующее, почти дословно, на основе того, что слышал я сам и что рассказал впоследствии Билл Картер. Это самый быстрый способ изложить историю, да простит меня Перри Мейсон.

В ролях:

Билл Гоубер. Шеф полиции. Мстительный, разъяренный.

Судья Уинн. Председательствующий судья в Фордейсе. Очень нетрезвый.

Фрэнк Уинн. Обвинитель. Брат судьи.

Билл Картер. Знаменитый пробивной уголовный адвокат, представляющий *Rolling Stones*. Уроженец Арканзаса, из Литл-Рока.

Томми Мейс. Обвинитель. Идеалист, недавний выпускник юрфака.

Остальные присутствующие. Судья Фэйрли, привлеченный Картером в качестве арбитра, а также на случай, если его самого придется вызволять из тюрьмы.

Снаружи здания суда:

Две тысячи фанатов *Rolling Stones*, наседающих на ограждения, выставленные по периметру здания, и скандирующие: “Свободу Киту! Свободу Киту!”

В зале суда:

Судья. Итак, полагаю, мы тут разбираем дело уголовное. Уголовное, дженнемены. Зассушаем стороны. Сспадин обвинитель?

Молодой обвинитель. Ваша честь, здесь у нас сложности с доказательствами.

⁷ *Keystone Kops* – команда некомпетентных полицейских из серии немых комедий, выпущенных *Keystone Film Company* в 1912–17 гг.

Судья. Ссех прошу прощения, одну минуточку. Я прервусь.

[Замешательство в суде. Рассмотрение останавливается на десять минут. Судья возвращается. Его задачей было забежать в магазин через дорогу, чтобы успеть купить пинту бурбона до закрытия в десять. Бутылка теперь у него в носке.]

Картер [по телефону Фрэнку Уинну, брату судьи]. Фрэнк, ты где? Давай быстрее. Том совсем пьяный. Угу. Хорошо. Хорошо.

Судья. Праалжаем, спадин... а... праалжаем.

Молодой обвинитель. Полагаю, по закону мы лишены возможности, ваша честь. У нас нет оснований их задерживать. Полагаю, нам придется их отпустить.

Шеф полиции [судье, срывааясь на крик]. Черта с два! Ты дашь этим ублюдкам просто так уйти? Знаешь что, судья, я тебя арестую. Можешь не сомневаться! Ты же под мухой. Пьяный в общественном месте. Какое право ты имеешь заседать в суде в таком состоянии? Ты позор для этого города! [Пытается стащить его с кресла.]

Судья [кричит]. Ах ты сукин сын! А ну убери от меня руки! Мне угрожать? Да я тебя к чертовой матери... [Потасовка.]

Картер [подбегает, чтобы разнять дерущихся]. Эй! Ребята, ребята, спокойней. Не будем распускать руки. Давайте продолжим как культурные люди. Не время вываливать на стол свое хозяйство, так сказать, ха-ха... У нас тут телевидение, мировая пресса снаружи. Некрасиво выйдет. Подумайте, что об этом скажет губернатор. Вернемся лучше к делу. Думаю, мы сможем о чем-нибудь договориться.

Судебный клерк. Прошу прощения, судья. У нас новости Би-би-си на прямой связи из Лондона. Спрашивают вас.

Судья. Ну хорошо. Извините, ребятки. Щас вернусь. [Прикладывается к вынутой из носка бутылке.]

Шеф полиции [по-прежнему на повышенный тонах]. Чертов цирк какой-то! Картер, черт возьми, твои пацаны нарушили закон. В их машине нашли кокаин. Тебе что, этого мало? Посажу их на фиг, и все. Будут вести себя как у нас здесь положено или пусть получают по полной программе. За сколько они тебя купили, парень? Если судья не даст добро на обыск, будет у меня сидеть за пьянство в общественном месте.

Судья [комментирует для Би-Би-Си]. Еще бы, я был в Англии во время Второй мировой. Штурман-бомбардировщик, 385-я летная группа, база была в Грейт-Эшфилде. Прекрасно проводил время у вас там... О, Англию обожаю. Поля для гольфа – одни из лучших, где я только играл... В Уэнтворт? Точно. Кстати, чтоб все знали, мы тут собираемся устроить пресс-конференцию с ребятами, расскажем, что у нас тут происходит, как Rolling Stones оказались в городе, все в таком духе.

Шеф полиции. Они сейчас в моих руках, и я их никуда не отпускаю. Эти жалкие английские педики... все, я их достану. Что они вообще о себе думают?

Картер. Хочешь, чтоб народ взбунтовался? Видел толпу на улице? Они хоть раз увидят наручники – ты с ними больше не справишься. Это Rolling Stones, не понимаешь?

Шеф полиции. И твои мальчики отправляются за решетку.

Судья [возвращается после интервью]. Что такое?

Брат судьи [отводит его в сторону]. Том, надо покумекать. У нас нет законной причины их держать. Если пойдем в обход закона в этом деле, нам такого покажут – не разгребем.

Судья. Сам знаю. Еще бы. Угу. Угу. Миссер Картер, все, подойдите сюда.

Запал постепенно вышел из всех, кроме Гроубера. Обыск не дал ничего, что можно было бы использовать по закону. Обвинять нас было не в чем. Кокаин принадлежал Фредди-автостопщику, и обнаружили его противозаконно. К этому моменту почти вся полиция штата

была на стороне Картера. После долгих обсуждений и перешептываний Картер и остальные правоведы пришли к соглашению с судьей. Очень простому. Судья пожелал оставить себе охотничий нож и снять связанное с ним обвинение – нож этот до сих пор висит в зале суда. Он также понизил обвинение в опасном вождении до мелкого правонарушения со штрафом почти как за неправильную парковку, за которое я должен был заплатить 162 доллара 50 центов. Из 50 тысяч наличными, захваченными с собой в Фордайс, Картер отдал 5 тысяч залога за Фредди и кокаин с договоренностью, что после он оспорит статус кокаина как улики на процессуальных основаниях, так что Фредди тоже мог гулять. Однако нам поставили последнее условие. До отъезда мы должны были дать пресс-конференцию и сфотографироваться в обнимку с судьей. Мы с Ронни провели пресс-конференцию прямо с судейского места. Меня, к этому моменту красовавшегося в пожарном шлеме, камеры запечатлели бьющим по столу судейским молотком и объявляющим прессе: “Дело закрыто”. Уф!

* * *

Это был классический исход для Rolling Stones. Перед властями, арестовывавшими нас, всегда стоял необычный выбор. Что тебе интереснее: посадить их в клетку или сфотографироваться с ними и отрядить кортеж для их сопровождения? Разные люди выбирали разное. В Фордайсе с превеликим трудом мы получили кортеж. В два часа ночи полиции штата пришлось везти нас через плотную толпу до самого аэропорта – там под парами поджидал наш самолет с солидным запасом Jack Daniel’s.

В 2006 году политические амбиции губернатора Арканзаса Майка Хаккаби, который собирался побороться за место кандидата на президентских выборах от Республиканской партии, коснулись и моей персоны в виде официального помилования за мелкое правонарушение тридцатилетней давности. Губернатор Хаккаби считает себя моим коллегой-гитаристом. Кажется, у него даже есть своя группа. На самом деле помиловать меня было не за что. Никакого преступления за мной в Фордайсе не числилось, но кому какая разница, помиловали, и все. Но черт, что же произошло с той машиной? Мы оставили ее в гараже, напичканную наркотиками. Хотел бы я знать, что случилось с этими пакетами. Может, никто так и не снял панели. Может, до сих пор кто-то ездит на ней, а там по-прежнему полно дури.

Я рядом с Дорис, Рамсгейт, Кент, август 1945-го.

Глава вторая

Детство, проведенное среди болот Дартфорда единственным ребенком в семье. Поездки на отдых в Дорсет с родителями, Бертом и Дорис. Приключения в компании моего дедушки Гаса и мистера Томпсона Вуфта. Гас учит меня первому гитарному проигрышу. Привыкаю к побоям в школе и позже побеждаю главного гонника Дартфордского техникума. Дорис воспитывает мой слух Джанго Рейнхардом, я открываю Элвиса на волнах “Радио “Люксембург”. Мутирую из мальчика-хориста в школьного бунтаря с последующим исключением

Долгие годы я спал в среднем по два раза в неделю. Это значит, я провел в сознании по крайней мере три жизненных срока. А до них было еще детство, которое я оттрубил к востоку от Лондона, на берегах Темзы, в Дартфорде. Там же я и родился 18 декабря 1943 года. По словам моей матери, Дорис, случилось это якобы во время авианалета. Мне тут сказать нечего, все посвященные лица навсегда умолкли. Мое собственное первое воспоминание – о том, как я лежу в траве у нас на заднем дворе, показываю пальцем на самолет, гудящий в синем небе над головой, и Дорис говорит: “Спитфайр”. Война к тому моменту уже кончилась, но в месте, где я вырос, ты заворачивал за угол, и глазам открывалась брошенная земля до самого горизонта, пустыри с сорняками и, может быть, одним-двумя чудом уцелевшими домами, выглядящими как хичкоковские привидения. Нашу улицу почти разнесло немецкой “жужжалкой”, но в тот раз нас там не было. Дорис рассказывала, что снаряд прошакал по мостовой и поубивал всех по обе стороны от дома, где мы жили. Пара кирпичных осколков приземлилась в моей кроватке. Отсюда ясно, что Гитлер охотился за мной лично. Что ж, пришлось ему перейти к плану Б. После того случая моя мамочка, мудрая женщина, рассудила, что все-таки в Дартфорде не так уж и безопасно.

Дорис с моим отцом, Бертом, переехали в Дартфорд на Морленд-авеню из Уолтемстоу, чтобы быть поближе к тетке Лил, сестре отца, пока сам отец воевал. Лил же оказалась в Дартфорде вместе с мужем-молочником, которого перевели туда по работе. Спустя немного времени, когда в наш конец Морленд-авеню угодила бомба, мы решили, что жить в этом доме рискованно, и переселились к Лил. Однажды, рассказывала Дорис, мы вышли из убежища после налета и увидели, что крыша дома Лил загорелась. Несмотря ни на что, именно здесь, на Морленд-авеню, наши семьи по-прежнему жили вместе после войны. Дом, где мы обитали, еще стоял в то время, которое я уже могу вспомнить, однако примерно третья улицы представляла собой большую воронку, поросшую травой и цветами. Это была наша игровая площадка. Меня произвели на свет в больнице Ливингстоун под звуки объявления об отбое воздушной тревоги – еще один апокриф Дорис. Придется поверить ей на слово – не то чтобы я лично отсчитывал свою биографию с самого первого дня.

Моя мать, уезжая из Уолтемстоу в Дартфорд, собиралась переселиться в место поспокойнее. И переселила нас в долину Дарента – в Бомбовую аллею! Здесь квартировал крупнейший филиал *Vickers Armstrongs* – то есть практически самое яблочки немецкой мишени – и хим завод *Burroughs Wellcome*. Заодно как раз над Дартфордом у немецких бомбардировщиков случался приступ малодушия, после которого они сбрасывали весь боезапас и поворачивали восвояси. “Как-то стремно становится...” Ба-бах! Чудо, что нас обошло стороной. От звука сирены у меня по-прежнему дыбятся волосы на затылке – наверное, это закрепилось с привычкой спускаться в убежище с мамой и остальной семьей. Когда завывает сирена, у меня это автоматическая реакция, инстинкт. Я смотрю много военных фильмов, и документальных, и художественных, поэтому слышу этот звук регулярно, и тем не менее каждый раз эффект один и тот же.

Мои самые ранние воспоминания – стандартные воспоминания о послевоенном Лондоне. Пейзаж из руин, пол-улицы сметено начисто. Кое-где картина не изменилась и через десять лет. Для меня главным влиянием войны стала сама эта присказка: “До войны”. Потому что ты все время слышал ее в разговорах взрослых: “Да, до войны такого не было”. В остальном никаких особенных влияний в голову не приходит. Наверное, отсутствие сахара, конфет и других сладостей имело положительный эффект, но мне тогда радоваться было нечему. Достать дозу – с этим у меня всегда были сложности, что в Нижнем Ист-Сайде, что в кондитерской Ист-Виттеринга недалеко от моего дома в Западном Суссексе. *Candies*, старая добрая кондитерская, – теперь в моей жизни это ближайшее подобие визита к дилеру. Одним прекрасным утром не так давно мы примчались туда к 8:30 с моим корешем Аланом Клейтоном, вокалистом *Dirty Strangers*. Мы не ложились ночью, поэтому нас одолевал сахарный зуд. Пришлось прождать у дверей полчаса до открытия, но потом мы набрали охапку *Candy Twirls and Bull's-Eyes* и *Licorice & Blackcurrant*. Ведь несолидно было бы опускаться до того, чтобы сгонять за дозой в супермаркет, правда?

Тот факт, что до 1954 года нельзя было купить себе пакет конфет, многое говорит о ненормальных условиях, в которых еще долгие годы протекала послевоенная жизнь. Должно было пройти целых девять лет, прежде чем я наконец мог при наличии денег отправиться в магазин и сказать: “Мне пакет вот этих”, обычно ирисок, и *Aniseed Twists*. А до тех пор тебя встречали вопросом: “Пайковая книжка с собой?” Звук печати, штампующей клеточки-купонь. Сколько положено, столько положено. Один коричневый бумажный пакет – пакетик – в неделю.

Берт и Дорис познакомились, когда работали на одной и той же фабрике в Эдмонтоне – Берт на печатной машине, Дорис в конторе, потом они поселились вместе в Уолтемстоу. Пока Берт ухаживал, они проводили много времени в велосипедных прогулках и вылазках на природу с палаткой. Это их сблизило. Они купили tandem и вместе с друзьями стали ездить в велопоходы в Эссекс. Так что, когда я появился, они при первой возможности начали брать меня с собой, усаживая на tandem сзади. Происходило это либо сразу после войны, либо даже еще во время. Представляю себе, как в пути их застает авианалет, они вовсю жмут на педали. Берт впереди, мама за ним и сзади я, на детском сиденье, под безжалостными лучами солнца, срыгивающий от теплового удара. С тех пор это превратилось в главный сюжет моей биографии – вся жизнь в дороге.

В первые годы войны – до моего появления – Дорис водила фургон кооперативной пекарни, хотя с самого начала честно призналась, что водить не умеет. К счастью, машин на дорогах в то время почти не было. Один раз она против правил укатила на фургоне навестить подругу и въехала в стену – но и тогда ее не уволили. Она также управлялась с лошадью и повозкой, на которой кооператив развозил хлеб по ближайшей округе, чтобы сэкономить дефицитное в войну топливо. На Дорис лежала ответственность за доставку тортов в большом районе, дюжина штук на три сотни человек, и она решала, кто их получит. “Можно мне тортик на следующей неделе?” – “Я же вам только на прошлой неделе привозила, разве нет?” Героическая война. Берт до дня победы имел гарантированную работу на производстве радиоламп. Он служил в мотосвязи в Нормандии сразу после вторжения и попал под минометный обстрел, в результате которого погибли все его товарищи. Он оказался единственным выжившим в этой конкретной атаке, получив на память серьезную отметину – синеватый шрам по всей длине левого бедра. Мне всегда хотелось иметь такой же, когда вырасту. Я спрашивал: “Па, что это у тебя?” И он отвечал: “Это спасло меня от фронта, сынок”. Еще война наградила его кошмарами на всю оставшуюся жизнь. Несколько лет подряд мой сын Марлон, еще ребенком, проводил много времени с Бертом в Америке, регулярно ходил с ним в походы. Он говорит, что Берт иногда просыпался среди ночи, крича: “Осторожно, Чарли, сейчас грохнет. Всё, нам кранты! Нам кранты! Блядь!”

Если из Дартфорда, значит, вор. Это у нас в крови. Незыблемая репутация этого места увековечена в одном старом стишке: “Саттон за баранов, Керкби за коров, Саут-Дарн за пряники, Дартфорд за воров”. Когда-то дартфордские капиталы зарабатывались поборами с дилижансов, следовавших из Дувра в Лондон по Уэйтлинг-стрит, части старой римской дороги. После скорого крутого спуска по Ист-Хилл оказывавшись внизу долины Дарента. Речка хоть и небольшая, но сразу за короткой Хай-стрит приходится подниматься по Уэст-Хилл, и там лошади сбавляют шаг. Откуда ни подъезжай, идеальное место для засады. Кучеры не останавливались и не тратили время на пререкания, поскольку дартфордская “пошлина” включалась в издержки, как страховка от неприятностей в пути. Они просто выбрасывали на ходу мешок монет. Потому что, если ты не платил, проезжая по Ист-Хилл, впередистоящие получали сигнал. Один выстрел – “Не заплатил”, – и тебя останавливали на Уэст-Хилл. Такое двойное ограбление. И никуда не деться. Промысел практически сошел на нет с распространением поездов и автомобилей, поэтому, видимо, в середине XIX века местный народец стал подыскивать что-нибудь на замену, чтобы не дать умереть славной традиции. И в Дартфорде сложилась потрясающая криминальная культура – можете побеседовать с некоторыми моими дальными родственниками. Здесь это часть жизни. Всегда есть что-нибудь, что “упало с грузовика”. Никто ни о чем не спрашивает. Если у кого-то появились недурные цацки с бриллиантами, вопрос “откуда это?” задавать не принято.

Год с лишним, когда мне было девять-десять, меня почти каждый день подстерегали на пути из школы домой по-дартфордски. Я знаю, каково быть в шкуре труса. Я *никогда* снова в нее не влезу. Как ни легко бывает дать деру, лучше подставиться под кулаки. Маме я говорил, что опять упал с велика. На что она отвечала: “Сынок, брось ты этот велосипед”. Рано или поздно мы все ограбляем от кого-нибудь. Как правило, рано. Мир вообще делится на тех, кого бьют, и тех, кто бьет. История с избиениями произвела на меня сильное впечатление, преподнесла урок на будущее – когда я уже достаточно подрос, чтобы им воспользоваться. А именно – как включать эту штуку, которая есть в распоряжении у мелких, называется “скорость”. То есть в большинстве случаев нужно убегать. Но когда все время убегаешь, становится мерзко. Такая вот классическая дартфордская западня. Сейчас у них есть Дартфордский тоннель с будками сборщиков, и через него по-прежнему должен проезжать весь транспорт на пути из Дувра в Лондон. Отбирать деньги теперь можно по закону, а гоп-стоп-щики нарядились в форму. Так или эдак приходится платить.

Моими игровыми угодьями были дартфордские болота, ничейная земля, которая тянется на три мили вдоль Темзы вверх и вниз по течению. Пугающее и одновременно притягивающее место, и совсем заброшенное. В те времена мы, пацаны, собирались и уезжали к реке на велосипедах, добираться было не меньше получаса. На другом, северном, берегу уже начиналось графство Эссекс – для нас тогда чужая земля, все равно что Франция. Мы видели дым над Дagenхэмом, то был фордовский завод, а с нашей стороны – цементный завод в Грейвсенде. Такое название зря не дадут⁸. После середины XIX века, если от чего хотели избавиться, все сваливали в районе Дартфорда: больничные изоляторы, обычные и оспенные, лепрозории, пороховые заводы, приюты для умалишенных – наборчик что надо. После эпидемии 1880-х Дартфорд стал главным местом в Англии, куда свозили людей лечить от оспы. Плавучие госпитали вплотную с кораблями на стоянке Лонг-Рич – гнетущее зрелище, что сейчас, на фотографиях, что тогда, для проплывавших по Темзе из устья в сторону Лондона. Но, конечно, главной достопримечательностью Дартфорда и окрестностей были приюты для умалишенных – разнообразные учреждения, придуманные недоброй памяти Столичным советом призрения для всяких умственно неподготовленных, или как их там сейчас называют. Для повредившихся мозгами. Приюты образовали настоящий пояс вокруг района,

⁸ Gravesend – согласно народной этимологии, расшифровывается как *graves-end* (“могильный конец”).

как будто когда-то кто-то решил: “Ага, вот здесь-то мы и соберем всех психов”. Один из приютов, огромный, очень зловещего вида, назывался Дарент-парк и до совсем недавнего времени был чем-то типа трудового лагеря для отсталых детей. Другой переименовали из Лондонского городского приюта для умалишенных в нечто более нейтральное – больницу Стоун-Хаус. Она выделялась готическими фронтонами и башней с наблюдательным постом в викторианском духе, а также имела среди бывших постояльцев по крайней мере одного из предполагаемых Джеков-Потрошителей – Джейкоба Леви. Были психушки для совсем тяжелых случаев, были и для тех, кто полегче. Когда нам было двенадцать-тринадцать, Мик Джаггер устроился на лето в один дурдом в Бексли, он назывался Мэйпуул. Заведение это, кажется, было для чокнутых с достатком – с креслами-каталками, в таком духе; Мик там работал по столовой части, разносил еду.

Почти каждую неделю в округе раздавалась сирена – сбежал еще один псих. Наутро его, дрожащего, в однойочной рубашке, находили на Дартфордской пустоши. Некоторые убегали надолго, и их можно было видеть шмыгающими в кустах. В моем детстве это было нормальной частью жизни. Ты по-прежнему думал, что идет война, потому что, когда случался побег, включали ту же самую сирену. Ребенком не понимаешь дикости окружающей обстановки. Я мог спокойно показывать людям дорогу со словами: “Пойдете мимо дурдома, только не большого, а поменьше”. И на тебя смотрели, как будто ты сам из дурдома.

Единственное, что там было еще, – это уэлсовский завод по производству фейерверков – несколько отдельно стоящих сараев на болотах. Однажды ночью в 1950-е он взорвался вместе с частью работников. Это было зрелище. Выглянув в окно, я подумал, что опять началась война. Ассортимент у заводика был небогатый: обычные двухпенсовые шутихи, обычные римские свечи и обычный золотой дождик. И еще джеки-попрыгунчики. Но все местные хорошо помнят тот взрыв – стекла повыбивало на мили вокруг.

А еще у тебя есть великий. Мы с моим дружком Дейвом Гиббсом, который жил на Темпл-Хилл, решили, что будет круто приделать на заднее колесо куски картона – тогда спицы будут давать звук как у мотора. Нам стали кричать: “Убирайтесь с этой чертовой трещоткой, не видите, люди спать легли”. Тогда мы укатывали на болота или в леса ближе к Темзе. Леса, кстати, были очень опасным местом. Тут водились мерзкие типы, и они могли начать на тебя орать. “Пошли на хуй!” и все такое. Поэтому мы снимали трещотки. Вообще это место притягивало дуриков, дезертиров и бродяг. Некоторые сбежавшие из Британской армии были немного похожи на тех японских солдат после капитуляции, которые думали, что война еще продолжается. Кое-кто квартировал в лесах уже по пять-шесть лет. Для жилья они использовали перелатанные трейлеры или сооружали себе избушки на деревьях. А еще они были злобными пакостными тварями. Когда меня в первый раз в жизни подстрелили, это был один из тех ублюдков; причем нехило подстрелили, пулькой из духового ружья в задницу. У нас были логовища, в том числе старый дот, пулеметное гнездо, которых было много раскидано по краю русла. Мы ходили туда и подбирали литературу, почти всегда – журналы с фотографиями девиц, где все страницы были с загнувшимися уголками.

Так вот, однажды мы пришли и внутри увидели мертвого бомжа, свернувшегося и всего покрытого мухами. Дохлый пара-фин⁹. Вокруг валяются непристойные картинки. Использованные гондоны. Жужжат мухи. И среди всего этого окочурился пара-фин. Он пролежал там уже несколько дней, может, даже неделю. Мы никому ничего не сказали. Мы лома-нули оттуда на хуй, только ветер в ушах свистел.

Помню дорогу от тети Лил до детского сада¹⁰ на Уэст-Хилл и как я орал во всю глотку: “Не хочу, мама, не хочу!” Выл, лягался, упирался, сопротивлялся – но шел. Они это умеют,

⁹ *Para-fin* – от *paraffin lamp* (“керосиновая лампа”), на рифмованном сленге подменяющего слово *tramp* (“бродяга”).

¹⁰ *Infant school* (буквально “школа для младенцев”) – в английской системе всеобщего обязательного образования учре-

взрослые. Без боя я не сдался, а все равно понимал, что мое дело конченое. Дорис мне сочувствовала, но не слишком: “Так в жизни бывает, сынуля, с чем-то приходится смириться”. Помню своего двоюродного брата, сына тети Лил. Большой пацан, лет пятнадцать как минимум. Он производил на всех неизгладимое впечатление и был моим героем. Он носил клетчатую рубашку! И уходил гулять когда хотел. Кажется, его звали Редж. У них еще была дочка, кузина Кей. Она выводила меня из себя, потому что из-за своих длинных ног всегда бегала быстрее меня. Каждый раз оставляла мне почетное второе место. Она, правда, была постарше. Вместе с ней мы впервые в жизни прокатились на лошади – без седла. Нам попалась большая белая кобыла, которая не совсем понимала, что происходит, и которую на старости лет оставили доживать на пастбище – если, конечно, что-то в наших местах можно было назвать пастбищем. Я гулял с парой приятелей и кузиной Кей, мы забрались на ограду и оттуда ухитрились запрыгнуть на спину лошади. И слава богу, у нее был кроткий нрав, иначе, рвани она, я бы полетел вверх тормашками – поводьев-то у меня не было.

Я ненавидел детский сад. Я ненавидел любую школу. Дорис рассказывала, что я страшно нервничал – как-то ей пришлось нести меня домой на спине, потому меня так трясло, что я просто не мог идти. И все это еще до подкарауливания и до битья. Кормили нас тогда чем-то ужасным. Помню, в детском саду меня заставляли есть “цыганскую запеканку”, от которой меня воротило. Я отказывался. Это был пирог, куда совали какую-то дрянь, не то мармелад, не то карамель. В детском саду его пробовали все, некоторым он даже нравился. Но я представлял себе десерт по-другому, а меня пичкали этим и угрожали, что накажут или оштрафуют. Прямо как у Диккенса. Я должен был выводить своей детсккой ручонкой триста раз “Я не буду отказываться от еды”. После такого испытания – “Я, я, я, я, я… не, не, не, не…” – я его проглатывал.

Считалось, что у меня норов. Как будто его больше ни у кого нет. Обзаведешься тут норовом, когда насильно кормят “цыганской запеканкой”. Оглядываясь назад, можно сказать, что британской системе образования, которая приходила в себя после войны, работать было особенно не с кем. Учитель физкультуры еще недавно тренировал спецназовцев и не понимал, почему он не может обращаться с тобой так же, как с ними, пусть даже тебе пять или шесть лет. Сплошь и рядом бывшие военные. Все эти ребята побывали на Второй мировой, а некоторые только вернулись из Кореи. Вот такие у тебя были авторитеты и такое воспитание – гаркающим голосом.

* * *

Меня могли бы наградить медалью за выживание в условиях тогдашней государственной стоматологии. Визиты к дантисту по плану проходили, кажется, дважды в год – школы обезжали с осмотрами, – и моей мамочке всегда приходилось меня туда волочь под аккомпанемент истошных криков. Она также должна была тратить какую-то часть тяжело доставшихся денег, чтобы умилостивить меня после, потому что каждый такой визит превращался в настоящий ад. Никакой пощады. “Сиди тихо, кому сказал!” Красный резиновый фартук, как в страшилках Эдгара Аллана По. Бормашины в ту пору – 1949–1950 годы – представляли собой неустойчивые конструкции с ременным приводом, а к креслу тебя пристегивали как к электрическому стулу.

Доктор, кстати, был еще одним бывшим военным. От всего этого я сильно попортил себе зубы – выработавшийся страх перед хождением к стоматологу к середине 1970-х вылился в видимые последствия, а именно в полный рот почерневших зубов. Эфир обходился дорого, поэтому тебе давали нюхнуть самую малость. Плюс они больше любили уда-

лять, чем лечить. Рвали все, что можно: дергали изо всех сил с минимальным наркозом, и ты просыпался посреди удаления, видел этот красный резиновый шланг, маску у себя на лице и чувствовал себя пилотом бомбардировщика, только без бомбардировщика. Красная резиновая маска и человек, нависающий над тобой, как Лоуренс Оливье в «Марафонце». Первый раз я встретил дьявола во плоти – так мне почудилось. Под наркозом я увидел трезубые вилы, дьявол хохотал мне в лицо, потом я отхожу, открываю глаза, а он: «Не визжи, у меня сегодня еще двадцать таких, как ты». И все, что мне тогда досталось за муки, – никому не нужный пластмассовый пистолет.

* * *

Прошло время, и городской совет выделил нам квартиру. Две спальни и гостиная над овощным магазином в небольшом торговом ряду на Честилиан-роуд – она существует до сих пор. Мик жил на соседней Денвер-роуд. Понтовый город, так мы называли этот район, хотя вся-то разница была между отдельными и полуотдельными домами. До Дартфордской пустоши было пять минут на велике, и всего через две улицы находилась моя следующая школа, та самая, куда мы ходили вместе с Миком, – Уэннвортская начальная.

Я съездил прогуляться в Дартфорд не так давно. На Честилиан-роуд в принципе осталось все как было. Вместо овощной лавки теперь цветочная под названием «Нежный кентский цвет» – ее хозяин с фотографией в рамке на подпись выскочил мне навстречу почти в ту секунду, когда я вылез из машины. Он как будто поджидал меня с этой фотографией – безо всякого удивления, как если бы я заезжал к нему раз в неделю, а между тем я не был здесь тридцать пять лет. Я оказался внутри нашего старого дома и моментально вспомнил, на сколько ступенек нужно подняться. Первый раз за пятьдесят лет я вошел в комнату, где ютился когда-то сам и где теперь ютится хозяин-флорист. Крохотная комната, точно такая же, как была, а еще в одной, напротив, через три фута лестничной площадки, обитали Берт с Дорис. Мы прожили там примерно с 1949 по 1952 год.

Напротив нашего дома были кооператив и мясной магазин – там меня покусала собака. Мой первый собачий укус, полученный от злобной псины, которая была привязана снаружи. Табачная лавка *Finlays* располагалась на противоположном углу. Почтовый ящик находился там же, где сейчас, но на Эшен-драйв раньше была огромная яма на месте падения бомбы, а теперь ее закатали. В соседнем доме жил мистер Стедман. У него имелся телевизор, и он отдергивал занавески, чтобы нам, мелкотне, тоже можно было поглазеть на это чудо. Но самое худшее воспоминание, самое болезненное, накатившее на меня, когда я стоял на нашем заднем дворике, было про день гнилых помидоров. Со мной в жизни случилось немало неприятностей, но этот день так и остался одним из самых ужасных. Хозяин магазина всегда складировал использованные ящики из-под фруктов и овощей на заднем дворе, и однажды мы с дружком нашли среди них мешок испортившихся помидоров. Мы передавили все содержимое – устроили помидорный бой и загадили что только можно, включая всего меня и всего моего дружка, окна, стены и т. д. В дом мы не заходили и продолжали швыряться друг в друга. «Получай, свинья!» – и гнилым помидором по лицу. Когда я наконец зашел домой, моя мамочка напугала меня буквально до усрачки.

– Я вызвала кого надо.

– Кого вызвала?

– Кого надо. Он заберет тебя с собой, потому что ты совсем отбился от рук.

Тут я разревелся.

– Смотри, через пятнадцать минут он будет здесь. Сейчас придет и заберет тебя в интернат.

И тогда я обкакался. Мне в ту пору было шесть или семь.

– Ма-а-ам! – я на коленях, прошу и умоляю.
– Ты мне осточертел. Ты мне больше не нужен.
– Ну мам, ну пожалуйста!
– А еще скажу отцу.
– Ну ма-а-ма-а-а!

Жесткое испытание. Дорис была неумолима – продолжала в таком духе примерно час. Пока я не уснул в рыданиях – и только потом понял, что никакого “кого надо” не существует и она мне наврала. Понять бы еще почему. Ну в самом деле, не из-за кучки же гнилых помидоров. Наверное, мне нужно было преподать урок: “Так себя вести нельзя”. Дорис никогда не была мамашей-надзирательницей. Она просто говорила: “Все будет так-то и так-то, пойдешь туда-то, сделаешь то-то”. Но уж в тот раз она нагнала на меня страху божьего.

Хотя, по правде, богообязненностью наша семья не отличалась. Среди моей родни нет ни одного, кто был бы связан с организованной религией. Вообще никого. Один мой дед был закоренелым социалистом, и бабушка, кстати, тоже. Церковь, религиозный культ считались чем-то, чего нужно остерегаться. Никто не спорил с учением Христа, никто не говорил, что Бога нет и все в таком духе. Просто подразумевалось, что от религиозных сборищ нужно держаться подальше. К священникам относились с большим подозрением: увидишь на улице человека в черном сюртуке – переходи на другую сторону. И поосторожнее с католиками, эти даже похитрее будут. У моей родни на все это не было времени. И слава Богу – по воскресеньям и так было скучно, а стало бы еще скучнее. Мы никогда не ходили в церковь и даже не знали, где она находится.

Я отправился в Дартфорд с моей женой Патти, которая никогда там не была, и дочкой Энджелой, которая нас повсюду водила, потому что, как и я, выросла в Дартфорде под присмотром Дорис. Мы стоим на Чартилиан-роуд, и вдруг из соседнего заведения – крохотной “унисекс”-парикмахерской под названием *Hi-Lites*, максимум клиента на три, – вываливается где-то штук пятнадцать молодых парикмахерш хорошо мне знакомого возраста и типажа. Жалко, что всего этого не было здесь в мою бытность. Унисекс-салон. Представляю, что бы сказал на это хозяин овощного магазина.

В следующие несколько минут происходит следующий, хорошо знакомый по опыту диалог.

Фанатка. Извините, пожалуйста, не дадите нам автограф? Напишите – для Энн и всех девушек из *Hi-Lites*. Или заходите, мы вас пострижем. Вы сейчас случайно не на Денвер-роуд, где жил Мик?

К. Р. Следующая улица, да?

Фанатка. И напишите еще для моего мужа.

К. Р. О, вы замужем? Вот черт.

Фанатка. А что такое? Может, все-таки заглянете в салон… Сейчас, только бумажку найду. Мой муж офигеет.

К. Р. А я уже подзабыл, что такое, когда на тебя нападает толпа дартфордских девчонок.

Фанатка постарше. Они все слишком молодые, ничего не понимают. Мы-то вас помним.

К. Р. Ну, помирать я еще не собираюсь. Кого вы там сейчас слушаете – никого из них без меня бы не было. Чувствую, сегодня ночью буду спать и видеть это место во сне.

Фанатка. Могли вы себе представить, сидя в этой комнатке?..

К. Р. Представить-то я себе все мог. Я только не думал, что это когда-нибудь сбудется.

Было в этих девчонках что-то необъяснимо дартфордское. Такие непринужденные, держатся стайкой. Почти как деревенские – в том смысле, что все принадлежат маленькому

тесному мирку. Но при этом от них исходит ощущение близости и симпатии. В свое время на Честилиан-роуд у меня водились подружки, хотя, конечно, отношения у нас тогда были чисто платонические. Всегда буду помнить, как одна из них меня поцеловала. Нам было лет шесть или семь. “Но, чур, не трепаться!” – услышал я от нее. Что ж, песню про это я так и не написал. Женщины всегда думают на мили вперед: “Чур, не трепаться!” То была первая история со слабым полом, но потом, еще пацаном, я водил дружбу со множеством девчонок. Моя двоюродная сестра Кей и я – мы дружили довольно много лет. После этого Патти, Энджела и я проехались мимо Хэзер-драйв, что недалеко от пустоши. Хэзер-драйв была по-настоящему респектабельным местом. Здесь жила Дебора, девчонка, на которую я сильно запал лет в одиннадцать-двенадцать. Я простоявал здесь украдкой, как вор под покровом ночи, всматриваясь в окно ее спальни.

До пустоши было пять минут на велике. Дартфорд – небольшой город, и за несколько минут, успев забыть городской пейзаж, ты мог попасть в этот уголок типично мелкорослой кентской растительности, которая была для нас чем-то вроде средневековой священной рощи, местом испытания нашего велосипедного мастерства. Горки почета. Ты как-то умудрялся промчаться по этим холмикам и глубоким рытвинам под нависающими деревьями, сделать свечу и опрокинуться вместе с великим. Горки почета, какое обалденное название. С тех пор мне перепало немало таких горок, но эти остались самыми большими. Тогда мы зависали на пустоши все выходные напролет.

В Дартфорде по тем временам, а может и сейчас, ты поворачивал в одну сторону, на запад, и оказывался в гуще города. Но если ехал на восток или на юг, тебя скоро уносило далеко в сельскую местность. Это ощущалось – то, что ты живешь на самой кромке. В те дни Дартфорд был очень дальней столичной периферией. И у него имелся собственный характер, который до сих пор никуда не делся. Он не воспринимался частью Лондона, мы не чувствовали себя лондонцами. Не могу припомнить за собой никакого городского патриотизма в ту пору, и вообще, Дартфорд был местом, из которого уезжают. В день того нашего визита во мне не шевельнулось никакой ностальгии, за исключением одного – запах пустоши. Он разбудил больше воспоминаний, чем все остальное. Я просто обожаю воздух Сассекса, где теперь живу, но есть определенная смесь в запахе Дартфордской пустоши, этот неповторимый дух утесника и вереска, который нигде мне больше не встречался. Горки почета срыты, или заросли кустами, или оказались совсем не такими большими, но прогулки по этим папоротниковым зарослям здорово расшевелили мою память.

В детстве Лондон ассоциировался у меня с конским деръемом и угольным дымом. Ведь первые пять-шесть лет после войны в Лондоне было больше гужевого транспорта, чем после Первой мировой. Мне сильно не хватает этой едкой смеси. В плане обоняния ты укладывался в нее как в постель. Надо бы взять и раскрутить эту идею, заработать на пожилом населении. Вспоминаете? Великая Лондонская Вонь.

Лондон с тех пор не сильно изменился в моем восприятии, кроме разве что запаха и того, что теперь можно разглядеть красоту некоторых зданий, например Музея естественной истории с его голубыми плиточками, которые отчистили от копоти. И еще одно – в те времена улица принадлежала тебе. Вспоминаю, что как-то рассматривал фотографии Хай-стрит в Чicheстере, снятые в 1900-х. Так вот, единственными, кто находился на улице, были играющие с мячиком дети и где-то в отдалении лошадь с телегой. Им всего-то было нужно иногда уступать дорогу проезжающим повозкам.

В годы моего детства всю зиму стоял густой туман, и если тебе предстояло идти до дома две или три мили, тебя вели собаки. Откуда ни возьмись появлялась старая дворняга с пятном вокруг глаза, и ты практически всю дорогу шел за ней. Иногда туман становился таким плотным, что видимость исчезала совсем. И старая дворняга брала тебя на буксир

и потом передавала какому-нибудь лабрадору. Животные жили на улице – теперь такого больше нет. Я бы наверняка заблудился и умер, если бы не мои четвероногие друзья.

Когда мне исполнилось девять, муниципалитет отдал нам целый дом в Темпл-Хилле, голом новозастроенном районе. На Честилиан-роуд было куда веселее, но Дорис считала, что нам сильно повезло: “У нас теперь свой дом” и вся такая лабуда. Прекрасно, теперь нужно было тащиться на другой конец города. Конечно, будем учитывать, что после войны несколько лет продолжался серьезный жилищный кризис. В Дартфорде на Принсез-роуд немало народа вообще жило в сборных домах. Чарли Уоттс все еще обитал в одной такой халупе, когда я познакомился с ним в 1962-м, – целый слой населения успел пустить корни в этих постройках с асбокементными стенами и жестяной крышей, заботливо устраивал в них свой быт. У британского правительства, по сути, не было другого выбора после войны, кроме как постараться разгрести этот бардак, частью которого был ты сам. Разумеется, себя они при этом тоже не забывали. Они давали улицам в новостройках собственные имена – всех этих деятелей лейбористской партии, прошлых и нынешних. Наверное, немного поспешно в отношении последних, учитывая, что им удалось продержаться у власти всего шесть лет, пока их снова не сместили. Эти люди считали себя героями рабочего класса, и, кстати, одним из бойцов классовой войны и верным партийцем был мой дед Эрни Ричардс, который вместе с бабкой Элейзой практически своими руками создал лейбористскую организацию в Уолтемстоу.

Район новостроек открывал в 1947 году Клемент Эттли, послевоенный премьер-министр и приятель Эрни, один из тех, в честь кого называли улицы. Его речь была записана для потомков: “Мы хотим, чтобы у людей было место для жилья, которое будет им нравиться; место, где они будут счастливы и где будут жить в добрососедстве, где будет протекать их общественная и гражданская жизнь… Здесь, в Дартфорде, вы показываете пример того, как этого можно достичь”.

“Нет, жить там было не сахар, – говаривала Дорис. – Тяжело было”. А сейчас еще тяжелее. Кое-куда в Темпл-Хилле лучше не соваться, это настоящий ад подростковых банд. Когда мы вселились, еще шло строительство. На углу стоял строительный ангар, никаких деревьев, полчища крыс. Выглядело как поверхность Луны. И хотя всего за десять минут можно было добраться до привычного мне старого Дартфорда, в том возрасте я некоторое время жил с ощущением, будто меня переселили куда-то на враждебную территорию. Я чувствовал себя десантником на другой планете не меньше года, пока наконец не познакомился с какими-то соседями. Но мать с отцом не могли нарадоваться на свой муниципальный дом. Мне ничего не оставалось, кроме как помалкивать. Для полуотдельного дома он был неплох – новенький, с хорошей планировкой, – но это был не наш дом! Я полагал, мы заслуживаем лучшего. И злился. Я считал нас благородным семейством в изгнании. У меня были претензии! И иногда я презирал своих родителей за то, что они мирятся с такой судьбой. Что было, то было. Я тогда понятия не имел, через что им пришлось пройти.

Мы с Миком уже знали друг друга, потому что одно время жили совсем рядом, в нескольких домах друг от друга, плюс немного сталкивались в школе. Но в тот момент, после переезда из района по соседству с моей школой на другой конец города, я оказался “за железной дорогой”. Ты ни с кем не видишься, тебя как бы нет. Мик переехал с Денвер-роуд в Уилмингтон, очень уютный дартфордский пригород, а я был совсем далеко, через весь город. Кстати, железная дорога в Дартфорде и впрямь проходит через центр города.

Темпл-Хилл¹¹ – имечко было немного чересчур. За все время там я не встретил ни одного храма. Но что касается холма, для ребенка это было единственное реальное развлечение. Холм был на редкость крутой. И поразительно, для чего ты, пацан, был способен

¹¹ Буквально – “Храмовый холм”.

использовать спуск холма, если готов рискнуть жизнью и здоровьем. Я, помню, брал свой “Ежегодный сборник приключений Буффало Билла на Диком Западе”, клал его поперек на роликовую конек, а потом садился и со свистом скатывался вниз по улице. Беда, если что-то попадалось на пути – тормозов-то у меня не было. А еще в конце была дорога, которую надо было пересечь, а значит, суметь вовремя увернуться от машины – разве что машин тогда было негусто. Но все равно эти безумные спуски у меня сейчас просто в голове не укладываются. Я сидел в двух дюймах от земли, может, даже меньше, и упаси боже ту женщину с коляской! Встречные только и слышали: “Берегись! Дорогу!” И меня никто ни разу не остановил. В то время такие проделки сходили тебе с рук.

У меня остался один серьезный шрам от тех времен. Как-то рядом с дорогой выгрузили плиты для мостовой – такие большие, тяжелые, – и они лежали просто так, незацементированными. И разумеется, считая себя Суперменом, я вздумал с помощью приятеля оттащить одну из них в сторону, потому что она мешала нам играть в футбол. Вспоминать – значит сочинять, и вот еще одно воспоминание об этом событии, сочиненное моей подружкой по играм Сандрай Халл и рассказанное все эти годы спустя. Она помнит, что я галантно предложил подвинуть плиту, потому что до следующей было слишком далеко, чтобы она могла между ними прыгать. Еще она помнит, сколько было кроввищи, когда плита упала и прищемила мне палец, а я побежал в дом к раковине, но кровь все текла и текла. А потом мой палец зашивали. Результат по прошествии лет – и я не преувеличиваю, – вполне возможно, повлиял на мою гитарную технику, потому что палец расплющило как будто специально под медиатор. Это происшествие, не исключено, сказалось на моем звуке. У меня появился дополнительный захват. Плюс, когда я играю перебором, это дает мне такую когтистую зацепку из-за выпирающего кусочка пальца. Так что он сплющенный и одновременно более остроконечный, и это иногда бывает кстати. И ноготь тоже не вырос обратно как надо, получился такой загнутый.

До школы и обратно добираться было долго, и, чтобы не взбираться по крутой Темпл-Хилл-стрит, я шел в обход, вокруг холма. Это называлось шлаковой дорогой, она была поровнее, но по ней нужно было идти вдоль тыльной стороны заводов, мимо *Burroughs Wellcome* и бумажной фабрики *Bowater*, мимо зловонного ручья, в котором пузырилось всякое желто-зеленое говно. В этот ручей сливалась все химикаты, какие только есть на свете, и над ним висели испарения как от горячих серных источников. Я задерживал дыхание и ускорял шаг. Зрелище и вправду было как в преисподней. Зато уж перед фасадом фабрики имелся скверик и красивый пруд, где плавали лебеди, – так ты узнавал, что такое показуха.

На наших последних гастролях, когда я уже задумывал эти мемуары, у меня с собой была записная книжка для песен и всяких мыслей. Есть в ней такая запись: “Нашел в своих закромах снимок Берта и Дорис, скачущих друг с другом когда-то в 1930-х. Слезы наворачиваются”. На самом деле на фотографиях они занимаются чем-то вроде гимнастики: Берт стоит на руках на спине Дорис, они оба ходят колесом и делают стойки, Берт особенно красуется своими мускулами. На этих старых фото они выглядят счастливыми – они прекрасно проводили время друг с другом, ходили в походы, ездили на море, имели кучу друзей. Берт выглядит настоящим атлетом. Он, кстати, был скаутом-орлом, то есть имел самый высокий скаутский ранг. Еще он занимался боксом, точнее ирландским кулачным боем. Крепкий мужик мой батя. Думаю, в этом смысле мне досталось от него это отношение, знаете: “Да ладно, хватит, что значит “нехорошо себя чувствую?””. Здоровье принимается как данность. Неважно, что ты вытворяешь со своим организмом, он должен работать; заботиться о себе – западло. Мы с ним так устроены, что возможность, что что-то сломается, не принимается в расчет. Я всегда был такой: “А, всего лишь пуля, просто царапина” – в этом духе.

Если с мамой мы были близки, то Берт в каком-то смысле исключался из этого общения просто потому, что половину времени отсутствовал дома. Он, бедолага, всю жизнь въе-

бывал как проклятый, на тот момент – далеко в Хаммерсмите, где был мастером на заводе *General Electric* за двадцать с чем-то фунтов в неделю. Берт много знал о радиолампах, как их грузить и перевозить. Но что про него ни скажи, человеком амбициозным он явно не был. Думаю, потому что вырос в Депрессию, и пределом его мечтаний было найти работу и ни в коем случае ее не лишиться. Он вставал в пять утра, возвращался в полвосьмого вечера, ложился в пол-одиннадцатого, так что на меня у него оставалось часа три в день. Он старался наверстать упущенное в выходные. Я шел с ним в его теннисный клуб, или он брал меня на пустошь немного погонять мяч, или мы работали в нашем огородике. “Сделай то, сделай се”. – “Хорошо, пап”. – “Подгони тачку, прополи здесь, повыдергивай там”. Я любил смотреть, как все растет, и знал, что отец хорошо разбирается в том, что делает: “Давай, теперь нам надо закопать картошку”. Все самое обычное: “Фасоль в этом году ничего” и прочее в том же духе. Он держался довольно отстраненно. Возможностей пообщаться как следует нам особенно не перепадало, но я был совершенно доволен. Я считал его классным мужиком. Батя, одним словом.

То, что ты единственный ребенок, заставляет тебя придумывать собственный мир. Сначала живешь в обществе двух взрослых, и поэтому определенные куски детства проходят почти исключительно под звук взрослых разговоров. Слушаешь обо всех их проблемах, страховках и квартплате, а самому обратиться не к кому. Но это вам расскажет любой единственный ребенок. Нельзя пойти поиграть с сестрой или братом. Можно пойти на улицу, и там у тебя есть приятели, но когда заходит солнце, дворовые игры кончаются. Помимо того, при таком отсутствии родных братьев и сестер или рядом живущих двоюродных – кузенов у меня полно, только все они были далеко – передо мной вставала проблема, как заводить друзей и кого выбирать в друзья. Когда ты в таком возрасте, для тебя это делается суперважным, главным жизненным вопросом.

Праздники оказывались особенно насыщенными в этом плане. Отдыхать мы ездили в Бисэндс, на девонское побережье, и жили там в туристическом трейлере. Кемпинг стоял рядом с поселением под названием Холлсэндс, которое наполовину осело в море, – разрушенная деревня представляла для меня, пацана, огромный интерес. Не отпуск, а кино, “Пятерка сходит с ума в Дорсете”. Все эти полуразвалившиеся домики, и половина из них торчит из воды – таинственные романтические руины прямо по соседству. Сам Бисэндс был старой рыбакской деревенькой, стоявшей прямо на берегу, с вытащенными на песок лодками. Для меня в том возрасте лучше места было не придумать: через два-три дня я уже всех знал. Через четыре дня я уже по-девонски картавил и гордо считал себя натуральным местным жителем. Я заговаривал с туристами. “Кингбридж в какую сторону?” – “О, туда ступайте”. Как из елизаветинских времен – здесь вообще говорят на дико старом английском.

А еще мы ходили в походы с палатками, чем Берт и Дорис занимались всю жизнь. Как зажечь примус, как натянуть полог, как разложить подстилку. Я был один с мамой и папой, и когда мы добирались до места, я мгновенно уходил искать, с кем бы потусоваться. Мне становилось немного боязно, если оказывалось, что я один, и немного завидно, когда, как было один раз, я набредал на семью с четырьмя братьями и двумя сестрами. Но в то же время такое одиночество заставляет тебя быстрее взросльть. В том смысле, что ты практически беззащитен перед взрослым миром, если не придумываешь собственный. Тогда начинает работать воображение и появляется привычка делать что-то самостоятельное. Например, дроить. Я очень сильно переживал любые знакомства. Бывало, я заводил дружбу с оравой братьев и сестер в какой-нибудь соседней палатке и всякий раз чувствовал себя убитым горем, когда приходилось навсегда расставаться.

Их, то есть моих родителей, большим увлечением были субботы и воскресенья в теннисном клубе. Он являлся придатком крикетного клуба Бексли, и из-за роскошного, очень красивого павильона XIX века, который принадлежал крикетному клубу, в теннисном ты

всегда чувствовал себя немножко бедным родственником. Тебя никогда не приглашали пососедски в крикетный клуб. В общем, если только не моросил дождь, в уик-энд ничего другого не планировалось – прямиком на корты. Бексли я знаю лучше, чем Дартфорд. Каждые выходные после ланча с кузиной Кей я садился на поезд, и родители встречали меня уже там. Большинство остальных членов клуба явно находились повыше на тогдашней английской классовой лестнице. У них были машины, а мы ездили на велосипедах. На меня возлагалась обязанность приносить улетевшие за железную дорогу мячики – с риском получить на путях удар током.

Для компании я держал домашних животных. У меня были кошка и мышка. Трудно поверить в такое сочетание – наверное, оно немного объясняет, что я за человек. Маленькую белую мышку звали Глэдис. Я брал ее с собой в школу и разговаривал с ней на уроках французского, когда становилось скучно. Я делился с ней обедом и ужином и приходил домой с полными карманами мышиных какашек. Ничего страшного в мышиных какашках нет – такие твердые катыши, ничем не воняют, не мажутся, вообще ничего такого. Надо было только вывернуть карманы и высыпать их. Глэдис была настоящим другом. Она очень редко высовывала мордочку из кармана, знала, что рискует мгновенной смертью. Но и Глэдис, и мою кошку мамаша все-таки послала на смерть. Убила всех моих зверюшек. Живность она не любила – как мне грозилась, так и сделала. На дверь ее спальни я повесил листок, где нарисовал кошку и написал: “Убийца”. За это я ее так и не простил. Дорис отреагировала в своей манере: “Не ной, не будь таким нюней. Кошка эта твоя весь дом мне обоссалла”.

В пору моего детства, почти с самого времени их изобретения, Дорис работала демонстратором стиральных машин – конкретно машин фирмы *Hotpoint* – в кооперативном магазине на Хай-стрит. У нее это получалось лучше всех, она умела показывать, как эти штуки работают, с настоящим артистизмом. Когда-то Дорис мечтала стать актрисой, танцевать, выступать на сцене. Это у нас семейное. Я, бывало, приходил в магазин и стоял в толпе, слушал ее рассказы о том, какая чудо-машина этот *Hotpoint*. У нее самой стиральной машины не было, прошли годы, прежде чем она смогла себе ее позволить. Но у нее получалось устроить целый спектакль из того, как загружать белье. Стиральные машины тогда даже не присоединялись к водопроводу, заливать и сливать воду нужно было с помощью ведра. По тем временам все это было в новинку, и люди говорили: “Конечно, прекрасно было бы стирать одежду в машине, но, боже мой, это так сложно, никаких мозгов не хватит”. И моя мама должна была объяснить: “Нет, все очень просто, вот так”. И когда потом *Stones* прозябали без гроша в этой помойке с облезающими обоями на Эдит-гроув, еще до того, как начали раскручиваться, мы всегда ходили в чистом, потому что Дорис проводила демонстрации на наших шмотках, отглаживала их и посыпала обратно со своим ухажером, таксистом Биллом. Забирала утром, к вечеру все было постирано. Мамочек просто требовался грязный материал. И мы, уж конечно, ее обеспечивали!

Годы спустя Чарли Уоттс взял привычку на целые дни укатывать к своим портным на Сэвил-роу – просто чтобы пощупать материю, повыбирать пуговицы. Меня же туда никогда не тянуло. Думаю, это вина Дорис. Она всегда ходила по магазинам тканей, охотилась за шторами. Меня не спрашивали – пристраивали на стул, банкетку, полку, куда угодно, и оттуда я наблюдал за мамой. Бывало, она наконец находила что хотела, и ей уже заворачивают, и вдруг – о нет! Она поворачивается и случайно видит еще какую-то необходимую тряпочку, постепенно доводя продавцов до предела. В магазинах кэш-энд-кэрри деньги тогда посыпали пневматической почтой в таких маленьких тубусах. Я иногда проводил там часы, дожидаясь, пока мать решит, что же она не может себе позволить. Но что ты скажешь против первой женщины в твоей жизни? Она была моя мама. Она меня воспитывала, кормила. Она без конца приглаживала мне волосы и поправляла одежду на людях. Унизительно, да.

Но мама есть мама. Я только потом понял, что еще она была мне другом. Она умела меня рассмешить. В нашем доме всегда звучала музыка. И мне без нее очень тоскливо.

* * *

То, что мои мать с отцом сошлись, – это чудо, невероятная случайность, непредсказуемое стечние противоположностей, если учесть их происхождение и характеры. Берт вырос в семействе стойких, твердокаменных социалистов. Его отец и мой дед Эрнест Г. Ричардс, известный в округе как дядя Эрни, был не просто верным лейбористом. Эрни всегда был готов драться за рабочего человека, притом он начинал еще тогда, когда не было ни социалистического движения, ни самой лейбористской партии. Он и моя бабушка Элайза поженились в 1902-м, при самом рождении партии – только что, в 1900-м, лейбористы получили два места в парламенте. И Эрни отвоевал эту часть Лондона для Кейра Харди, партийного основателя. Потом он удерживал свой бастион ради Кейра, несмотря ни на какие трудности, изо дня в день, обходя дома и рекрутируя сторонников после Первой мировой войны. Уолтемстоу был в ту пору плодородной почвой для лейбористов. Он пережил массовый исход рабочего класса из Ист-Энда и прирост населения, ежедневно мотавшегося в поезде на работу и домой, и стал линией фронта в классовой войне. Эрни был настоящим борцом, не прогибающимся и не отступающим ни на шаг. Уолтемстоу вместе с ним превратился в оплот лейбористов и надежную избирательную базу для Клемента Эттли, послевоенного лейбористского премьера, который сместил Черчилля в 1945-м и стал парламентским делегатом от Уолтемстоу в 1950-е. Когда Эрни умер, Эттли прислал от себя обращение, в котором назвал деда “солью земли”. На похоронах Эрни исполняли *The Red Flag* (“Красный флаг”) – гимн, который лейбористы только недавно перестали петь на своих партийных конференциях. Слова его меня почему-то никогда не трогали:

*Then raise the scarlet standard high,
Within its shade we'll live and die,
Though cowards flinch and traitors sneer;
We'll keep the red flag flying here¹².*

Как Эрни зарабатывал себе на хлеб? Он был садоводом, который отрубил в одной и той же продовольственной фирме тридцать пять лет. Но, если на то пошло, бабушка Элайза даже больше была солью земли, чем дед, – ее избрали в городской совет еще раньше Эрни, а в 1941 году она стала мэром Уолтемстоу. Как и Эрни, она поднялась по политической лестнице с самого низа. Она происходила из Бермондси, из семьи рабочих, и то, что в Уолтемстоу появились детские пособия, практически ее личная заслуга. Одним словом, настоящий реформатор. Наверняка характера ей было не занимать – ее сделали председателем жилищного комитета в районе, где шла одна из самых масштабных в стране программ муниципального строительства. Дорис всегда жаловалась, что Элайза из-за своей правильности не дала им с Бертом поселиться в муниципальном доме сразу после женитьбы – отказалась подвинуть их в очереди. “Не могу я выделить вам дом. Ты ж моя невестка”. Не просто строгая – несгибаемая. Поэтому я всегда недоумевал, как кто-то из этого семейства умудрился спеться с кем-то из другой, распутной половины моих родственников.

Дорис и шесть ее сестер – у меня матриархальные корни и с той и с другой стороны – выросли в Ислингтоне, в квартире с двумя спальнями: одна для них, другая для их родите-

¹² “Так поднимите выше алое полотнище, / Чтоб оно осеняло нашу жизнь и смерть, / Пусть дрожит трус и глумится предатель, / Над нами будет разеваться красный флаг”.

лей, Гаса и Эммы. Вот уж правда “стесненные условия”. Там еще была передняя комната, которую использовали только по особым дням, скромная гостиная в задней части и кухня. Вся семья ютилась в этих четырех комнатах и кухоньке; еще одна жила этажом выше.

Мой дедушка Гас, царство ему небесное. Насколько все-таки я обязан ему своей любовью к музыке. Я часто пишу ему записки и прикалываю их на стену: “Спасибо, дед”. Теодор Огастес Дюпри, патриарх в бабьем царстве, жил со своими семью дочерьми неподалеку от Севен-Систерз-роуд¹³ в квартире 7, доме 13 по Кросссли-стрит. Он добавлял: “Не только семь дочек, еще жена – с ней будет восемь”. Имелась в виду Эмма, моя долгострадалица-бабушка, в девичестве Тернер, которая была первоклассной пианисткой. Эмма со своими манерами настоящей леди и французским языком на самом деле стояла на ступеньку выше Гаса. Как он умудрился ее заполучить, даже не могу себе представить. Они познакомились на колесе обозрения на сельскохозяйственной выставке в Ислингтоне. Гас был красавчик и всегда имел в запасе какую-нибудь хохму – умел смеяться в любой ситуации. В тяжелые времена он использовал эту свою смешливость, юморной склад для необходимого оживления обстановки. В его поколении многие воспитали в себе такую привычку. Свое сумасшедшее чувство юмора Дорис определенно унаследовала от него. Плюс, конечно, музыкальность.

Нам как бы не полагалось знать, какое у Гаса происхождение. С другой стороны, мы и про себя-то никто не знаем, откуда взялись – может, прямо из преисподней. В нашем семействе гуляет теория, что это его выпендрежное имя – ненастоящее. Черт знает почему никто из нас не удосужился проверить, однако же вот оно, на переписной карточке: Теодор Дюпри, 1892 года рождения, один из одиннадцати детей в большой семье из Хакни. Его отец записан обойщиком, уроженцем Саутварка. Дюпри – гугенотская фамилия, и многие ее носители, протестанты-беженцы из Франции, когда-то прибыли с Нормандских островов. Гас бросил школу в тринадцать, освоил ремесло кондитера и нашел работу в Ислингтоне. У одного из друзей отца на Камден-пассидж он научился играть на скрипке и потом вообще сделался музыкантом на все руки. В 1930-е у него был свой танцевальный оркестрик. Поначалу он играл на саксофоне, но после того, как, по его словам, угодил в газовую атаку на Первой мировой, ему перестало хватать дыхалки. Но сам я гарантию не дам. Историй всяких было множество. Гас всегда ухитрялся окутать себя туманом неопределенности. По версии Берта, он служил в продовольственном расчете – попал туда из-за своей специальности кондитера – и ни на какой линии фронта близко не был, просто пек себе хлеб. “Если он где и отравился газом, – добавлял Берт, – то в собственной духовке”. Однако моя тетя Марджи, которая знает все и здравствует и сейчас, когда пишется эта книга, уже на десятом десятке, – так вот, она утверждает, что Гас попал под призыв в 1916 году и в войну был снайпером. Она говорит, что, когда Гас рассказывал о войне, у него в глазах всегда стояли слезы – ему не хотелось никого убивать. То ли при Пашендейле, то ли при Сомме он получил ранение в ногу и в плечо. Когда от саксофона пришлось отказаться, он снова взялся за скрипку и гитару; из-за раны его смычковая рука болела, и военный суд присудил ему пенсию по инвалидности – десять шиллингов в неделю. Еще Гас был близким другом Бобби Хоуза, звезды мюзиклов 1930-х. Они вместе служили на войне, на пару развлекали офицеров в столовых и там же для них готовили. То есть кормились лучше, чем средний солдат. Так все было по версии тети Марджи.

К 1950-м Гас собрал сквер-дансовый оркестр, *Gus Dupree and His Boys*, и неплохо устроился, разъезжая по авиабазам американцев, подыгрывая их сельским танцулякам. Днем он работал на заводе, а по ночам выступал, напялив поверх сорочки белый нагрудник – “манишку”. Он играл на еврейских свадьбах и масонских вечеринках и приносил домой

¹³ Буквально – “Дорога семи сестер”.

куски торта в скрипичном футляре – все мои тетки это помнят. Жилое ему, наверное, туга – например, он никогда не покупал новую одежду, только подержанную, и обувь, кстати, тоже.

Почему моя бабушка – долгострадалица? Это если вычесть двадцать три года пребывания на разных стадиях беременности-то? Когда-то у Гаса было одно пристрастие – играть с Эммой дуэтом: он на скрипке, она на пианино. Однако во время войны она застукала его с девицей из патруля затемнения понятно за чем. Пианино тоже участвовало, и кое-что похуже. И больше она в его присутствии к пианино не притронулась – такая была расплата. А упрямства ей хватало – вообще-то она была совсем не похожа на Гаса и подстраиваться под его артистический темперамент не собиралась. При таком раскладе он попробовал привлечь к музенированию дочерей, но получалось “все как-то не так, Кит, – говорил он мне, – все как-то не так”. Послушать его, Эмма выходила просто каким-то Артуром Рубинштейном в юбке. “Никого и близко к Эмме не было. Играла как никто”, – повторял Гас. Его память об этом превратилась во что-то типа романтической тоски по утраченной любви. К сожалению, тем случаем его неверность не исчерпывалась. В их истории было много мелких скандалов и хлопаний дверьми. Гас ничего не мог поделать со своей бабнической натурой, а Эмме просто надоело с этим мириться.

Дело в том, что Гас и его семейка были большой редкостью для того времени – можно сказать, верхом допустимой богемности. Гас и сам в чем-то поощрял пренебрежение нормами, манеру выделяться, но и гены играли роль. Одна из моих теток участвовала в труппе любительского театра. Вообще у каждой имелись артистические склонности того или иного рода – в зависимости от обстоятельств. Если вспомнить, какие тогда стояли времена, порядки в доме Гаса были заведены очень свободные – совсем не викторианские. Вот, например, одна из выходок, типичных для Гаса. Когда его дочки были подростками, к ним пришли в гости пятеро-шестеро мальчиков, и их посадили на диван лицом к окну, а девочки сидели напротив. Так вот, отец семейства тут же бежит наверх в туалет и спускает на веревочке через окно использованный гондон, и тот болтается на виду у пацанов и за спиной у дочек. Такое вот чувство юмора. Пацаны, конечно, начинают краснеть, их распирает от смеха, а девчонки сидят и не врубаются, что за фигня. Гас вообще любил устроить всем легкую встряску. И еще Дорис рассказывала, каким шоком для ее матери, Эммы, было узнать, что две сестрицы Гаса, Генриетта и Фелисия, которые жили вместе на Коулбрюк-роу, оказывается, – тут она переходила на шепот – “принимают клиентов”. Не все сестры Дорис были как она – такие же острые на язык, иначе говоря. Некоторые были благопристойные, правильные, как Эмма. Но никто из них не закрывал глаза на существование Генриетты и Фелисии.

Раньше всего я помню Гаса по нашим гуляниям, нашим пешим марш-броскам, в которые, я догадываюсь, он отправлялся со мной главным образом для того, чтобы удрать из дома. Я был хорошим предлогом – я и пес, которого звали Мистер Томпсон Вуфт. До меня у Гаса никогда не было парня в доме – ни сына, ни孙儿, – и, я думаю, мое появление стало большой вехой в его жизни, прекрасным поводом, чтобы уходить гулять и пропадать. Когда Эмма приставала к нему с домашними делами, Гас неизменно отвечал: “Я бы с удовольствием, Эм, но я тут себе уже всю задницу отсидел”. Заговорщицкий кивок в мой адрес – и ага, пора выводить пса. Мы наматывали с ним многие мили, слонялись, иногда казалось, сутками. Однажды забрались на Примроуз-хилл посмотреть на звезды – разумеется, в компании Мистера Томпсона. “Не знаю, наверное, домой мы сегодня уже не доберемся”, – сказал Гас. И мы улеглись спать прямо под деревом.

- Пойдем-ка с псом погуляем. (Это был сигнал начинать движение.)
- Пойдем.
- Плащ возьми.
- Так дождя же нет.

– Бери-бери.

Как-то во время наших гуляний Гас спросил (мне было пять или шесть):

– Есть у тебя с собой монетка?

– Есть, Гас.

– Видишь вон пацаненка на углу?

– Вижу, Гас.

– Пойди дай ему монетку.

– Но Гас!

– Иди-иди, ему хуже, чем тебе.

Я отдаю монетку.

Гас дает мне две взамен.

Урок на память.

С Гасом никогда не было скучно. Как-то поздно вечером на станции Нью-Кросс мы стояли в густом тумане, и он дал мне затянуться первым в жизни окурком: “Ничего, никто не увидит”. Или взять его привычную манеру приветствовать приятелей: “Здорово, чтоб тебе всю жизнь мудаком не оставаться”. С такой еще потрясающей невозмутимостью, очень по-гасовски. Я его обожал. Легкий шлепок мне по затылку: “Ты этого не слышал, понял?” “Что, Гас?”

Он напевал себе под нос, мог промычать целую симфонию, пока мы куда-то шли. То к Примроуз-хилл, то в Хайгейт, то по Ислингтону к центру через Арчуэй, через Энджел – блин, где мы с ним только не шлялись!

– Сосиску хочешь?

– Хочу, Гас.

– Обойдешься. Идем в *Lyons Corner House*¹⁴.

– Хорошо, Гас.

– Смотри бабушке не сболтни.

– О'кей, Гас! А как же с псом?

– У него там повар-приятель.

Мне было уютно ощущать его привязанность, теплые чувства ко мне, и я почти все время ходил, сгибаясь пополам от его шуток. Учитывая, что в ту пору в Лондоне было мало чего веселого. Правда, всегда оставалась МУЗЫКА!

– Забегу на секунду, надо струн купить.

– О'кей, Гас.

Я особенно не разговаривал, я слушал. Он в своей кепке клинышком – и я в своем детском плащике. Наверное, от него я подцепил свою любовь к бродячей жизни. “Если живешь с семьёй дочками рядом с улицей Семи сестер, а с женой вообще выходит восемь – пошатаешься тут с мое”. Ни разу не помню, чтобы он выпивал. Но чем-то таким он точно занимался. По пабам мы не ходили. Зато в магазинах он довольно часто исчезал где-то в подсобках. Я оставался один на один с выставленным товаром и изучал его с блеском в глазах. Он появлялся – с таким же блеском.

– Все, идем. Пес где?

– Здесь, Гас.

– Пошли, Мистер Томпсон.

Было невозможно угадать, куда нас занесет. Магазинчики по всему Энджелу и Ислингтону – он просто исчезал в их глубине: “Постой здесь минутку, сынок. Держи пса”. И потом он выходил, говорил: “Вот и ладненько”, и мы шли дальше и под конец оказывались в Вест-

¹⁴ *Lyons Corner House* – одно из лондонских заведений общепита среднего класса (“корнер-хаусов”) ресторанный и гостиничной сети компании “Джей Лайонс и Ко” (*J. Lyons & Co.*), просуществовавших с 1909 по 1977 год.

Энде, в мастерских при крупных музыкальных магазинах вроде центра Айвора Майранца или *HMV*. Он знал там всех мастеров, всех реставраторов. Меня он оставлял сидеть на полке. Вокруг были баки с клеем, подвешенные инструменты, мужики в длинных коричневых халатах, которые что-то kleили, и в конце цеха всегда сидел кто-то, кто испытывал инструменты, – оттуда постоянно доносилась какая-то музыка. А еще заходили тщедушные замученные люди из оркестровой ямы с вопросами: “Моя скрипка уже готова?” Я просто сидел там с чашкой чая и печеньем, и баки с клеем издавали свое “блоп-блоп-блоп” – такой Йеллоустоун в миниатюре, – и меня все это просто поглощало с головой. Я не скучал ни секунды. Скрипки и гитары, подвешенные на проволоке, ездят по цеху на конвейере, и весь этот народ что-то чинит, собирает, полирует. На меня тогда это производило очень алхимическое впечатление, как в диснеевском “Ученике чародея”. Я просто влюбился в инструменты.

Гас пробуждал во мне интерес к игре исподволь, вместо того чтобы сунуть что-нибудь мне в руки и сказать: “Смотри, делай вот так и так”. Гитара была абсолютно вне моей досягаемости. Ты мог разглядывать эту штуку, думать про нее, но потрогать руками – такое даже в голову не приходило. Я никогда не забуду гитару, которая лежала на его пианино каждый раз, когда я приезжал в гости, – лет, наверное, с пяти. Я думал, что там и есть ее место. Я думал, она жила на пианино всегда. И каждый раз глазел на нее, а Гас ничего не говорил, и через несколько лет я по-прежнему поглядывал в ее сторону. “Эй, подрастешь повыше, дам тебе на ней поиграть”, – сказал Гас. Уже после его смерти я узнал, что, оказывается, он выносил гитару и клал ее на пианино только тогда, когда поджидал меня в гости. Так что, по сути, он меня специально дразнил. Думаю, он присматривался ко мне, потому что слышал, как я пою. Когда по радио звучали какие-нибудь песни, мы все начинали подпевать на разные голоса – так у нас было заведено. Семейка подпевал.

Не могу точно вспомнить, когда он наконец снял гитару с пианино и сказал: “На, попробуй”. Мне, наверное, было девять или десять, так что стартовал я поздновато. Гитара была классическая жильнострунная испанка – такая симпатичная милая дамочка. Хотя где у нее за что хвататься, я понятия не имел. И еще этот запах. Даже сейчас, открывая кофр – если в нем старая деревянная гитара, – я просто готов залезть в него и закрыться изнутри. Сам Гас был так себе гитаристом, но основы знал хорошо. Он показал мне первые проигрыши и аккорды, аппликатуру мажоров: ре, соль и ми. Он говорил: “Разучишь *Malaguea*¹⁵ – сможешь сыграть что угодно”. Когда наконец я услышал от него: “Ну, кажется, приоровился”, я ходил по уши довольный.

Мои шесть теток – вот они, без всякого особого порядка: Марджи, Беатрис, Джоанна, Элси, Конни, Пэтти. Потрясающе, но, когда все это пишется, пять из них по-прежнему живы. Моей любимой была тетя Джоанна, которая умерла в 1980-е от рассеянного склероза. Моя подружка. Она работала актрисой, и каждый раз, когда она входила – черноволосая, с браслетами на запястьях и ароматом духов, – вместе с ней в комнату влетало облако шика и великолепия. Особенно на фоне окружающей серости и однообразия начала 1950-х – Джоанна появлялась, и это было, не знаю, как будто прибыл весь состав *Ronettes*. Она состояла в труппе театра Хайбери¹⁶, играла Чехова и тому подобное. А еще она осталась единственной, кто не завел мужа. Но мужчин у нее хватало. И конечно, как все мы, она очень любила музыку. Мы с ней увлекались пением на два голоса. Передают по радио какую угодно песню,

¹⁵ *Malaguea* – популярная инструментальная мелодия, главным образом исполняемая на гитаре, первоначально шестая часть “Андалусской сюиты” (1927) кубинского композитора Эрнесто Лекуона. Также существует несколько ее песенных версий.

¹⁶ В оригинале – *Highbury Theatre* (Театр Хайбери). Существует известный любительский *Highbury Little Theatre*, однако он находится в северном пригороде Бирмингема. Скорее всего, имеется в виду одна из главных любительских трупп Лондона, обосновавшаяся в 1952 году в Хайбери, историческом квартале Ислингтона, под именем *Tower Theatre* (Театр в башне).

мы говорим: “Давай попробуем”. Вспоминаю, как мы пели *When Will I Be Loved* братьев Эверли.

* * *

Переезд на Спилман-роуд в Темпл-Хилле, в пустыню за железной дорогой, я воспринимал как катастрофу по крайней мере год – год опасной и ужасной жизни девяти-десятилетнего пацана. Я тогда был очень малорослый – положенные габариты я набрал только годам к пятнадцати. А если ты такой мелкий шкет, ты всегда в обороне. Плюс я был на год младше всех остальных в классе, из-за того что родился в декабре, – так уж мне не повезло. Год в этом возрасте – огромная разница. Вообще-то я любил гонять в футбол, был приличным левым нападающим – шустро бегал, старался бить с подачи. Но ведь я мелюзга, так? Один толчок в спину, и я лежу в грязи. Убрать меня на поле пацану, который на год старше, запросто. Если ты такой лилипут, а они такие великаны, ты сам для них как футбольный мяч. Шкетом был, шкетом останешься. Так что я только и слышал: “О, здорово, крошка Ричардс”. Еще у меня было прозвище Мартышка из-за торчащих ушей. Ну, прозвища-то были у всех.

Дорога из Темпл-Хилла до школы – это была моя дорога скорби. До одиннадцати лет я ездил в школу на автобусе и возвращался пешком. Почему обратно пешком? *A потому что денег не оставалось!* Я тратил деньги на проезд, деньги на парикмахера, стриг себя сам перед зеркалом. Чик, чик, чик. Так что приходилось тащиться через город, в совершенно другой его конец, минут сорок пешком, и было только два пути: по Хэвлок-роуд или по Принсес-роуд. Хоть монетку бросай. Но я знал, что по-любому, как только выйду из школы, меня будет поджидать этот парень. Он всегда угадывал, куда я сверну. Я пробовал найти другие маршруты, попадался хозяевам на их участках. Я проводил весь день, соображая, как бы добраться домой и не получить пиздюлей. Очень энергозатратное занятие. Пять дней в неделю. Иногда меня проносило, но все равно сидишь в классе, а внутри крутится одно и то же: “Блин, как бы мне мимо него проскочить”. Он был неумолим. Я ничего не мог с этим поделать и проводил весь день в страхе. Куда там сосредоточиться на учебе.

Если я приходил домой к Дорис с синяком под глазом, полученным по пути, она спрашивала: “Это еще откуда?” “А, упал”. Иначе мамаша обязательно бы завелась и замучила меня расспросами о том, кто это сделал. Проще было сказать, что ты упал с велика.

Одновременно я приношу все эти ужасные отчеты об успеваемости, а Берт смотрит на меня и недоумевает: “Что происходит?” Не будешь же ему объяснять, что проводишь весь день в школе, трясясь по поводу того, как добраться до дома. Так не делается. Так ведут себя слабаки. Это вопрос, который ты должен решить самостоятельно. Кстати, само по себе битье проблемы не составляло. Я привык выдерживать удары, особенно больно мне не было. Ты учишься ставить защиту, учишься и тому, как сделать так, чтобы человек думал, что тебе досталось намного хуже, чем на самом деле. “А-а-а-а-а!” – и он уже думает: “Вот черт, я ему, наверное, что-то повредил”.

И однажды я сообразил, что делать. Жалко, что не допер до этого раньше. Был у нас один очень добродушный парень, не могу вспомнить его имени, – такой простоватый, не созданный для ученой жизни, скажем так. И он, во-первых, был здоровенный, а во-вторых, жил в нашем районе – и все время парился по поводу своих домашних работ. Я сказал: “Слушай, хуй с ним, сделаю я твою домашку, но только домой идем вместе. Тем более от меня до тебя совсем недалеко”. И вот, ценой выполнения его заданий по истории и географии, я ни с того ни с сего обзавелся личным телохранителем. Никогда не забуду первого раза: двое парней поджидают меня как ни в чем не бывало и вдруг видят, что я не один. И мы их уделали. Хватило двух-трех тычков плюс небольшое ритуальное кровопускание, и победа была нашей.

Только когда я пошел в свою следующую школу, Дартфордский техникум¹⁷, проблема наконец разрешилась благодаря непредсказуемому везению. Ко времени моего переводного экзамена Мик уже пошел в Дартфордскую гимназию – ту, про которую говорили: “У, эти ребятки в красной форме”. На следующий год была моя очередь, и я провалился с треском, хотя и не таким оглушительным, чтобы меня отселяли в школу, которая тогда называлась “средней современной”. Сейчас уже все по-другому, но при старой системе, если ты шел в такую школу, получить по окончании работу на заводе считалось удачей. Тебя не обучали ничему более серьезному, чем ручной труд. Преподаватели были никакие, их единственной задачей было держать всю эту ораву в узде. Я угодил в промежуточное заведение – техническую школу, которая, как я сейчас понимаю, специально имела такое расплывчатое название, как бы предполагавшее, что, хоть до гимназии ты недотягиваешь, какого-то образования все-таки заслуживаешь. Уже позже начинаешь врубаться, что тебя сортируют и распределяют с помощью абсолютно произвольной системы и почти никогда не принимают в расчет твой характер целиком, в лучшем случае – “Что ж, он, может быть, не очень внимательный в классе, зато у него лучше развиты навыки рисования”. Они никогда не принимают в расчет, что вообще-то тебе может быть просто скучно, потому что ты уже все про это знаешь.

Школьный двор – великий судья. Именно здесь выносятся все приговоры между сверстниками. Это место называется игровой площадкой, но оно больше похоже на поле боя, давление иногда бывает невыносимым. Вон два чувака пинают какого-то несчастного заморыша, но нет: “Фигня, это они так – пар выпускают”. В те времена дело нередко доходило до драк, хотя в основном все сводилось к тому, чтобы побольнее задеть словом “педрила” и прочее.

Мне понадобилось много времени, чтобы разобраться с ситуацией и научиться давать пиздюлей вместо того, чтобы получать их. А получать пиздюлей я был мастер, и довольно долго. Но потом мне привалила удача, и я по абсолютной случайности умудрился уделать одного жлоба. Это был один из тех самых волшебных моментов. Мне было двенадцать или тринадцать. Минуту назад я – типичная овца, но всего одно резкое движение – и гроза школы валяется на земле. Это произошло над небольшой клумбой, выложенной камнями, – он споткнулся, и в следующую секунду я уже сидел на нем. Когда я дерусь, падает красная шторка. Я ни черта не вижу, но знаю каждый свой следующий шаг. Как будто мои глаза покрывает красная пелена. Никакой пощады, чувак, пошло гасилово! С разниманием старостами¹⁸ и всем полагающимся. Но как пали сильные! До сих пор помню, как охигел, когда этот хмырь распластался на клумбе. До сих пор вижу эти декоративные камни и фиалки, в которые он грехнулся, после чего встать я ему уже не дал.

Стоило мне раз положить этого парня, вся атмосфера на школьном дворе тут же переменилась. Как будто развеялась большая черная туча у меня над головой. Заработанная дракой репутация за секунду избавила меня от всех этих стрессов и дерготни. А я ведь и не осознавал, что туча была такой огромной. Это был единственный раз, когда я начал думать про школу без отвращения, в основном из-за того, что получил возможность отплатить за добро, которое другие пацаны когда-то сделали мне. К одному страшному на лицо бедолаге по имени Стивен Ярд – мы его звали Башмаком из-за громадных ступней – школьная

¹⁷ В оригинале – “technical school” (“техническая школа”). В английской системе государственного образования того времени (“Трехчастная система”, 1944–76 гг.) в одиннадцать лет, по окончании начальной школы, учеников распределяли в зависимости от результатов переводного экзамена (11-plus) в учебные заведения следующей ступени (средняя школа, 11–15 лет). Лучших направляли в гимназии (grammar schools), в которых давалось научно-гуманитарное обучение. Незначительное число попадало в техникумы (technical schools), где преподавание велось с акцентом на научно-технические и инженерные навыки. Остальное большинство переходило в так называемые средние современные школы (secondary modern schools).

¹⁸ В оригинале – “prefects” (“префекты”). Так называются ученики, чаще всего старшие, которые несут ответственность за дисциплину в школе.

шпана особенно липла. Задирали его постоянно. Зная, что такое все время трястись, что тебя побывают, я решил заступиться, стал за ним присматривать. Все слышали от меня: “Если, блядь, тронешь Ярда...” Никогда у меня не было желания быть сильнее других, чтобы иметь возможность их лупить; я просто хотел быть сильным, чтобы отбить у других охоту наезжать на слабых.

Когда этот камень наконец свалился с моих плеч, учеба в Дартфордском техникуме пошла на лад. Меня даже начали хвалить. Дорис сохранила несколько отчетов об успеваемости с тех времен: “География – 59 %, хороший результат на экзамене. История – 63 %, очень хорошая работа”. Однако напротив точных наук в отчетном листе классный руководитель нарисовал большую объединяющую скобку, сгрудив их в одну беспросветную во всех смыслах массу, и кратко резюмировал: “Без улучшения” – ни в математике, ни в физике, ни в химии. С черчением я “по-прежнему неправлялся”. Этот отчет о точных науках скрывал под собой историю великого предательства и того, как я превратился из относительно успевающего ученика в школьного террориста и правонарушителя, насмерть озлобленного против всякого начальства.

У меня остался снимок группы школьников, стоящих перед автобусом вместе с одним из преподавателей и улыбающихся в камеру. Я одиннадцатилетний, в шортиках, в переднем ряду. Фото было сделано в 1955 году в Лондоне, куда мы приехали выступать в церкви Св. Маргариты, что в Вестминстерском аббатстве, на конкурсе школьных хоров, который проводился в присутствии королевы. Наш хор много чего добился – жалкий провинциальный состав из Дартфорда привозил кубки и призы с конкурсов национального уровня. Терри, Спайк и я – мы были тремя сопрано, звездные солисты, так сказать. Хормейстера – гения, который выковал наш маленький летучий отряд из такого бесперспективного материала, – звали Джейк Клэйр, это он на снимке с автобусом. Загадочный был человек. Только через много лет я выяснил, что до нас он работал хормейстером в Оксфорде, был одним из лучших в стране, однако его не то перевели, не то понизили за дрючку мальчиков. Так сказать, дали шанс исправиться в колониях. Не хочу марать его имя и должен добавить, что только передаю то, что слышал. Ему явно полагалось работать с материалом получше, чем мы, как его к нам вообще занесло? В любом случае с нами он рук не распускал, хотя все знали про его привычку рукоблудить через брючный карман. Он отстроил нас так, что мы, без дураков, стали одним из лучших хоров в стране. И он выбрал трех лучших сопрано из того, что ему досталось. Мы заработали школе кучу наград, которые висели в актовом зале. У меня до сих пор не было концерта солиднее в смысле престижа, чем тот в Вестминстерском аббатстве. Конечно, нас задирали: “Ой, смотри, хористы пошли. Выпендрежники”. Но меня это не трогало, я обожал петь в хоре: ты ездил в автобусные экскурсии в Лондон, тебя освобождали от физики и химии, а за это я был вообще готов душу отдать. В хоре я много узнал о пении и музыке, о том, что такое работать с музыкантами. Я узнал, как собрать группу – разницы с дальнейшим практически никакой – и как держать всех заодно. А потом наступил пиздец.

В тринадцать лет, когда голос ломается, Джей Клэйр отправил нашу троицу сопрано в отставку. Но это было не все: нас одновременно понизили, перевели на класс назад. Мы должны были остаться на второй год, потому что пропускали физику и химию, не решали примеров. “Да, но вы же сами нас отпускали заниматься в хоре. Мы же вкалывали как проклятые!” Вот такое было нам издевательское спасибо. Моя великая депрессия началась сразу после этого. Ни с того ни с сего в тринадцать лет я должен был садиться за одну парту с младшим классом, заново проходить программу за весь год. Это был удар под дых в чистейшем виде. В ту секунду, как это случилось, мы со Спайком и Терри превратились в террористов. Я был так разозлен, что просто лопался от жажды мести. У меня теперь появилась причина разнести на куски эту страну и все, что с ней связано.

Следующие три года я провел, стараясь как можно сильнее им всем нагадить. Если хотите вырастить возмутителя спокойствия, то берите пример с моей школы. Поэтому отныне никаких коротких стрижек. Всегда две пары штанов: облегающие под форменными фланелевыми, которые я стаскивал сразу, как только выходил за школьные ворота. Все что угодно, только бы им назло. Я ничего не добился, кроме вечных суровых взглядов отца, но даже это меня не останавливало. Я совсем не хотел его разочаровывать, просто... в общем, прости, пап!

Меня это до сих пор гложет – унижение. Та злость до сих пор не остыла. Именно тогда я стал смотреть на мир по-другому, не так, как они. Именно тогда я врубился, что бывают жлобы, которые хуже, чем жлобы с кулаками. Что есть *оны*, начальство. Бомба была заложена, отсчет пошел. После этого я бы мог спокойно заработать себе исключение из школы массой доступных способов, но тогда мне пришлось бы иметь дело с батей. И он бы сразу все просек – то, что я сам этого добиваюсь. Поэтому кампания предстояла затяжная. У меня просто напрочь пропал интерес к тому, что скажут взрослые и как бы хорошо выглядеть в их глазах. Школьные отчеты? Пишите что хотите, я все равно исправлю как мне надо. “Справляется плохо”. Я умудрился достать такие же чернила и переделал это в “Справляется неплохо”. Батя смотрел на отчет и спрашивал: “Справляется неплохо? Почему он тогда тебе поставил четыре с минусом?” Тут я, конечно, немного искал судьбу. Но никто не замечал моих подделок. Я вообще-то надеялся, что меня раскусят, потому что тогда мне бы пришел конец, исключение за подлог. Но у меня, видимо, слишком хорошо получалось – либо они решили, что “нет, парень, так легко не выкрутишься”.

После того как хор накрылся медным тазом, мне стало вообще наплевать на учебу. Черчение, физика, математика? Большой зевок. Потому что пусть они хоть сдохнут, вколачивая в меня алгебру, *не понимаю я ее*, и все тут, и не понимаю, почему должен понимать. С пистолетом у виска я бы понял, или на хлебе и воде под угрозой порки. Я бы выучил ее, я бы смог, но что-то внутри меня говорит: “Все это тебе без толку, а если правда понадобится, выучишь сам”. Поначалу, когда сломался голос и нас спихнули в младший класс, я очень плотно дружил с пацанами из хора, потому что в нас бушевала одна и та же ненависть. Мы им навыигрывали все эти медали и побрякушки, которые они всегда с таким понтом вывешивали в актовом зале, а теперь в благодарность они о нас ноги вытирают.

Начинаешь стричься как-нибудь с вызовом, наперекор. На Хай-стрит был магазин Leonards, где продавали очень дешевые джинсы – тогда как раз джинсы становились джинсами. И еще там продавали флуоресцентные носки – году эдак в 1956–1957-м – рок-н-рольные носки, которые светятся в темноте, “чтобы она меня не потеряла”, розовые или зеленые, с черными нотами. У меня было по паре тех и других. Еще наглее: на одной ноге я носил розовый, на другой – зеленый. Это было, не знаю, умереть как круто.

Было еще такое кафе-мороженое, *Dimashio's*. Сын старшего Димашио ходил с нами в школу, здоровый, жирный итальянский парень. Но он всегда мог заполучить в друзья кого угодно, стоило только отвести их в отцовское заведение. В *Dimashio's* стоял музыкальный автомат, так что народ там зависал. Джерри Ли Льюис и Литтл Ричард, не считая кучи всякого отстоя. Это был единственный кусок Америки в Дартфорде: небольшой зальчик, стойка по левую сторону, музыкальный автомат, несколько столиков со стульями, мороженый агрегат. А еще минимум раз в неделю я ходил в кино, обычно на утренние показы по субботам, либо в “Жемчужину”, либо в “Гранаду”. Быть как капитан Марвел. ШАЗАМ! Если правильно произнести, может получиться. Я с дружками в центре поля повторяю: “ШАЗАМ! Нет, неправильно!” Другие пацаны смеются за спиной. “Посмеяетесь мне, когда получится. ШАЗАМ!” Флэш Гордон в реденьких клубах дыма – у него были обесцвеченные волосы. Капитан Марвел. Никогда не мог запомнить, в чем же там дело, главное было в преображе-

нии, в истории самого обычного парня, который произносил одно слово – и вдруг его уже здесь нет. “Вот мне бы так, – думал ты. – Если бы только унестись куда-нибудь отсюда”.

Когда мы подросли и слегка заматерели, мы начали понемногу пользоваться своим положением старших. Абсурд, но Дартфордский техникум всегда старался изображать из себя публичную школу (так у нас в Англии называют частные школы). Старосты ходили с золотыми кисточками на форменных кепи, у нас был Восточный корпус и Западный корпус. Тут пытались реставрировать вымерший мир, в котором как бы и не было никакой войны, – мир крикета, кубков и призов, ученической доблести. Преподаватели как один никуда не годились, но и они тоже равнялись на этот идеал, как будто работали в Итоне или Винчестере, как будто на дворе были 1920-е, или 1930-е, или даже 1890-е. Посреди всего этого и где-то посередине моего срока в техникуме, вскоре после катастрофы, наступил период анархии, который, по ощущениям, длился очень долго, – затяжной период хаоса. Может быть, это был только один семестр, когда непонятно почему народ стал сбиваться дикими стаями и ходить на спортивные поля. Нас было сотни три, все бесятся и скачут. Сейчас кажется странным, но никто никого не останавливал. Может, нас было слишком много, носящихся по полям. И ни с кем не случилось ничего страшного. Правда, от такой анархии мы слегка распустились, и поэтому, когда в один прекрасный день на поле заявился главный староста и попробовал-таки прекратить шабаш, его окружили и линчевали. Это был один из всегдашних любителей дисциплины – капитан команды, председатель школы, круглый отличник. Он любил подавить авторитетом, строил из себя большого начальника перед младшими, и мы решили его проучить. Фамилия его была Суэнтон – он мне хорошо запомнился. Шел дождь, погода была мерзейшая, мы содрали с него одежду и гонялись за ним, пока он не забрался на дерево. Мы оставили его там в его шапке с золотыми кисточками, и больше на нем ничего не было. Суэнтон потом спустился с дерева и доучился до профессора средневековой филологии в Университете Эксетера, написал фундаментальный труд “Английская поэзия до Чосера”.

Из всех учителей единственным, кто не повышал на нас голоса, был преподаватель религиозного воспитания мистер Эджингтон. Он обычно носил бледно-голубой костюм со следами спермы на брючине. Эджингтон-дрочила. Религиозное воспитание, сорок пять минут, “перейдем к Луке”. Либо он обоссался, шептались мы, либо только что трахал в соседнем классе миссис Маунтджой – преподавательницу изо.

У меня выработался преступный склад ума – что угодно, лишь бы им нагадить. Мы побеждали в школьном кроссе три раза, но ни разу его не пробежали. Мы стартовали, сматывались на часок покурить, а потом, ближе к финишу, подстраивались к бегущим. На третий или четвертый раз они поумнели и расставили наблюдателей вдоль всего маршрута, и на семимильном участке нас никто не видел бегущими. “Он систематически показывал низкий уровень успеваемости” – резюме из шести слов в конце моего школьного отчета за 1959 год, из которого можно было сделать вывод – совершенно правильный, – что для достижения этого результата я приложил определенные усилия.

* * *

В ту пору я впитывал массу всякой музыки, толком ничего о ней не зная. В Англии туман – привычное явление, и такой же туман существовал тогда между людьми, только словесный. Люди не показывали эмоций. Люди вообще не особенно много разговаривали. Разговор все время вился вокруг, одни условности и эвфемизмы; о некоторых вещах не говорилось, на них даже не намекалось. Такое викторианство, которое просочилось в быт, – его просто гениально передают все эти черно-белые фильмы начала 1960-х: “В субботу вечером, в воскресенье утром”, “Такова спортивная жизнь”. И жизнь реально была черно-белой:

цветное кино уже не за горами, только в 1959-м его время еще не пришло. Но людям всегда необходим прямой контакт, им нужно достучаться до чужого сердца. И для этого существует музыка. Если не можешь сказать, спой. Послушайте песни того периода: всплеск, романтика – люди стараются выговорить то, что нельзя было сказать в обычной жизни и даже на бумаге. Погода чудесная, 7:30 пополудни, ветер утих. Р. С. Я тебя люблю.

Дорис отличалась от всех – она, как и Гас, была меломаном. После конца войны, когда мне было три-четыре-пять лет, рядом со мной звучали Элла Фитцджеральд, Сара Воэн, Биг Билл Брунзи, Луи Армстронг. Я был просто открыт этому, я слушал их всех, потому что их ставила мама. И конечно, мой слух привел бы меня туда так и так, но именно мама показала ему дорогу в черную половину города, сама того не понимая. Я еще не разбирал, какие люди это поют: белые, черные или зеленые. Но по прошествии времени, если у тебя было хоть немного музыкального чутья, ты начинал ловить разницу между *Ain't That a Shame* Пэта Буна и *Ain't That a Shame* Фэтса Домино. Не то чтобы Пэт Бун как-то плохо пел – певец он был совсем недурной, – просто его версия была такой оберточной, прилизанной, а у Фэтса, наоборот, все выходило так естественно. Дорис нравилась и гасовская музыка. Он советовал ей слушать Стефана Грапелли, *Hot Club* Джанго Рейнхардта – очаровательную свинговую гитару – и Бикса Байдербека. Ей вообще нравился приджазованный свинг. Через много лет она пристрастилась ходить слушать бэнд Чарли Уоттса, когда тот выступал у Ронни Скотта¹⁹.

Поскольку у нас очень долго не было проигрывателя, большая часть музыки доходила до нас по радио, в основном по Би-би-си, – мамочка была мастерица крутить ручку настройки. В ту обойму входили несколько великих британских джазменов, какие-то танцевальные оркестры с севера плюс все, кто участвовал в варьетеших программах. Реально крутые музыканты. Никаких халявщиков. Когда передавали что-то хорошее, Дорис обязательно это находила. Так что я рос, а она охотилась за музыкой. И комментировала, кто хороший, а кто так себе, даже специально для меня. Она была музыкальна до мозга костей. Например, звучал какой-то голос, и она говорила: “Пискля”, притом что для всех остальных это могло быть “превосходное сопрано”. Все это происходило еще до телевизоров. Я вырос под очень качественную музыку, в том числе под кусочки Моцарта и Баха на заднем плане, которые тогда мне казались слишком сложными, но я впитал и их. Фактически я был музыкальной губкой. И мне жутко нравилось смотреть на людей, которые что-то играют. Если я встречал их на улице, меня сразу тянуло к ним. Это мог быть пианист в пабе, кто угодно. Мои уши поглощали музыку ноту за нотой. Неважно, если играли нестройно, главное, здесь рождались ноты, носились ритмы и гармонии, и они начинали носиться у меня в голове. Это было очень похоже на наркотик. Наркотик, который на самом деле помощнее героина. С героином я смог завязать, с музыкой мне завязать нереально. За одной нотой приходит другая, и никогда толком не знаешь, что придет дальше, и, главное, не хочешь знать. Как будто идешь по волшебной проволоке.

Кажется, первая пластинка, которую я купил, была *Long Tall Sally* Литтл Ричарда. Фантастическая вещь и сейчас, через столько лет. Хорошие записи с возрастом становятся только лучше. Но штука, которая реально меня вставила, взорвала – однажды ночью, когда я слушал “Радио “Люксембург” на своем приемнике, вместо того чтобы спать в постели, – *Heartbreak Hotel*. Это был шок. Я никогда такого раньше не слышал, даже ничего похожего. Я и про Элвиса-то ничего не знал. Но ощущение было такое, как будто я ждал, что это случится. Проснувшись на следующее утро, я уже был другим человеком. Меня вдруг как захлестнуло: Бадди Холли, Эдди Кокран, Литтл Ричард, Фэтс. *Radio Luxemburg* славилось неустойчивым приемом. У меня была маленькая антенна, и я ходил по комнате, прижимая приемник к уху и поворачивая антенну в разные стороны. Стараясь не делать слишком громко, чтобы не

¹⁹ Джаз-клуб в Лондоне.

разбудить мать с отцом. Если сигнал ловился хорошо, я мог взять радио в постель под одеяло, выставить антенну наружу и покручивать ее там. Я при этом должен спать, мне завтра утром в школу. Куча реклам про *James Walker*, “ювелирный магазин на каждом проспекте” и про ирландскую лотерею, с которыми у *Radio Lux* был какой-то контракт. Рекламы ловились отлично, “а теперь у нас Фэтс Домино с *Blueberry Hill*” – и, черт, сигнал начинал гулять.

И после этого – “*Since my baby left me...*”²⁰. Это был звук точного попадания. Это была последняя капля. Первый услышанный мной рок-н-ролл. Абсолютно другое исполнение, абсолютно другое звучание, лобовое, выжженное, никакой ерунды, никаких скрипочек, женских подпевок и прочих соплей – абсолютно другое. Ощущение чего-то оголенного, до самых корней, которые, ты чувствовал, где-то там должны были быть, но которые еще не были знакомы твоим ушам. За это я должен снять перед Элвисом шляпу. Тишина – это твой холст, твоя рама, то, на чем ты творишь, – не старайся ее заглушить. Этому я научился у *Heartbreak Hotel*. Я впервые услышал что-то настолько откровенное. Теперь мой долг был отыскать все, что этот крутой чувак записал раньше. Слава богу, я успел поймать его имя. Сигнал *Radio Luxembourg* опять стал четким: “Это был Элвис Пресли с песней *Heartbreak Hotel...*” Твою мать!

Где-то в 1959 году, в мои пятнадцать, Дорис купила мне первую гитару. Я уже умел играть, когда ее заполучил, но, пока у тебя нет собственного инструмента, ты, считай, только балуешься. Вещь производства *Rosetti*, стоила примерно десять фунтов. У Дорис не было кредита, чтобы купить ее в рассрочку, поэтому она кого-то попросила вместо себя, и, когда тот человек перестал платить, случился крупный переполох. Для нее и Берта десять фунтов были огромной суммой. Впрочем, без Гаса там, наверное, тоже не обошлось. Гитара была акустическая. Я начинал оттуда, откуда должен начинать любой хороший гитарист, – с акустики, с жильных струн. Перейти на проволоку всегда успеется. В любом случае электрическую гитару я себе тогда позволить не мог. Но обнаружил, что освоение этой испанки, старой трудяги, дало мне хорошую базу для всего остального. Тогда ты переходишь на стальные струны, и наконец – ого! Электричество! Я хочу сказать, родись я на несколько лет позже, я бы, наверное, сразу взялся за электрогитару. Но если хочешь подняться на вершину, нужно начинать с самого низа, как и во всем. Спросите любую мадам в борделе.

Я брался за гитару, как только выпадала свободная минута. Про меня тогдашнего рассказывают, что я потерял контакт с окружающим миром – я садился в угол комнаты во время вечеринки или на семейном мероприятии и без конца играл. Показатель любви к моему новому инструменту – рассказ тети Марджи о том, что, когда Дорис лежала в больнице и я какое-то время жил у Гаса, я ни на секунду не расставался с гитарой. Я брал ее с собой везде и засыпал с ней в обнимку.

У меня осталась тетрадка с рисунками и записями того времени. Она почти вся датируется 1959-м – переломным годом, большую часть которого мне было пятнадцать. Она заполнена старательными чистенькими буквами, выведенными синей шариковой ручкой. Страницы поделены на столбики с заголовками, и вторая (следующая за первой, с важной информацией о скаутских делах, о которых позже) называется “Список пластинок. 45 об/мин”. Первая строчка: “Название: *Peggy Sue Got Married*, Артист(ы): Бадди Холли”. Пониже, более небрежным почерком, обведенные имена девочек: Мэри (перечеркнуто), Дженин (галочка), Джанет, Мэрилин, Вероника. И так далее. В разделе “Долгоиграющие”: *The Buddy Holly Story*, *A Date with Elvis*, *Wilde about Marty* (это Марти Уайлд, разумеется, если кто не знает), *The “Chirping” Crickets*. В списках все как обычно: Рикки Нельсон, Эдди Коулран, *Everly Brothers*, Клифф Ричард (*Travellin’ Light*), – но еще и Джонни Рестиво (*The Shape I’m In*), который в одном из них стоит третьим, *The Fickle Chicken* в исполнении *Atmospheres*,

²⁰ “С тех пор как от меня ушла подружка...” – первая строчка *Heartbreak Hotel*.

Always Сэмми Тернера – забытые сокровища. Все это архивный каталог Великого Пробуждения – рождения рок-н-ролла на британских берегах. Элвис в тот момент возвышался над остальным пейзажем. В тетради у него целый свой раздел. Самый первый купленный мной альбом. *Mystery Train, Money Honey, Blue Suede Shoes, I'm Left, You're Right, She's Gone*. Самые сливки его сановского периода²¹. Постепенно я прикупил еще несколько штук, но этот был мне как родное дитя. Элвис, конечно, меня потряс, но еще больше я балдел от Скотти Мура и остальной группы. С Рикки Нельсоном было то же самое: я покупал диск не Рикки Нельсона, я покупал диск Джеймса Бертона. Подыгравшие составы интересовали меня не меньше, чем фронтмены. Бэнд Литтл Ричарда, который практически совпадал с бэндом Фэтса Домино, на самом деле был бэндом Дайва Бартоломью. Я был в курсе всего этого. Меня просто впечатляла ансамблевая игра: как эти парни взаимодействовали друг с другом, их естественный драйв и абсолютно – по виду – расслабленная подача. Я чувствовал в них какую-то неотразимую легкость. И конечно, еще больше это относилось к бэнду Чака Берри. В любом случае для меня с самого начала дело было не только в солисте. Кроме вокала на меня должны были произвести впечатление музыканты.

Но были у меня и другие увлечения. Из самого хорошего, что тогда со мной произошло, хотите верьте, хотите нет, главным было вступление в бойскауты. Основатель движения Баден-Пауэлл – на самом деле славный мужик, который неплохо разбирался в том, чем любят заниматься малолетние пацаны, – так вот, он серьезно считал, что без его скаутов империя развалится. И тут как раз подоспел я – член Бобрового патруля Седьмого Дартфордского отряда. Правда, империя все равно трещала по швам, и закалка характера и вязание узлов здесь были ни при чем. В любом случае моя скаутская карьера началась, кажется, непосредственно перед тем, как я всерьез занялся гитарой – либо перед тем, как мне ее купили, – потому что, когда я начал играть всерьез, это происходило в другом, параллельном мире.

Скаутские дела существовали отдельно от музыки. Мне хотелось научиться выживать в диких условиях, и я прочитал все баденпауэлловские книжки. И теперь настало время освоить эти вещи на практике. Я хотел знать, как определять, где я нахожусь, как приготовить что-нибудь в земляной яме. С чего-то вдруг мне понадобились навыки выживания, казалось важным им научиться. Я и раньше, бывало, ставил палатку в нашем садике за домом и просиживал там часами, поедая сырую картошку или что-то такое. А теперь хотел еще узнать, как оципать птицу. Как выпотрошить добычу. Какие части вынимать, а какие оставлять. И нужно ли сохранять кожу? Сгодится она на что-нибудь? На хорошую пару перчаток? Это было что-то вроде спецназовской подготовки для малолетних. В основном, конечно, шанс покрасоваться с ножом на ремне – для многих из нас это была главная приманка. Но ты не получал ножа, пока не зарабатывал несколько значков.

У Бобрового патруля был свой штаб – заброшенный садовый сарай чьего-то отца, который отдали нам на растерзание. Здесь патруль собирался для планирования ближайших дел: у тебя хорошо получается это, у тебя – то. Мы садились в кружок, трепались, иногда перекуривали и потом отправлялись в поход до Бекслихита или Севеноукса. Вожатый отряда Басс был школьным учителем – он казался нам уже старым, хотя тогда, наверное, ему было лет двадцать. Он здорово умел воодушевлять народ. “Так, сегодня – вязание узлов. Колышка, беседочный, беседочный скользящий – вперед”. Приходилось отрабатывать приемы дома. Как разжечь огонь без спичек. Как сложить походную печку; как сделать, чтобы костер не дымил. Всю неделю я практиковался у нас на участке. Тереть друг о друга две палки – не вариант. Только не в этом климате, разве что где-нибудь в Африке или другом невлажном

²¹ На самом деле *Money Honey* и *Blue Suede Shoes*, которые вышли на первом альбоме Пресли *Elvis Presley* (1956), были записаны уже после его перехода на RCA. *Mystery Train* и *I'm Left, You're Right, She's Gone* – записи сановского периода, однако в альбомном формате они вышли на более позднем сборнике *For LP Fans Only* (1959).

месте. Поэтому куда деться, все кончалось увеличительным стеклом и сухими ветками. Но вдруг, через каких-то три-четыре месяца, я уже собрал четыре или пять значков, и меня производят в старшего патруля. У меня эти значки были повсюду, атас полный! Не знаю, где сейчас та скаутская рубашка, но она просто увешана всякой фигней: шевроны, шнурки, значки – где только можно. Смотрелось так, будто я фанат садо-мазо.

Все это подстегнуло мою уверенность в себе в критический момент, после изгнания из хора, – а особенно то, что меня так быстро повысили. Наверное, вообще весь скаутский период значил в моей жизни больше, чем я раньше представлял. У меня была хорошая команда. Я знал, кто чего стоит, и мы держались заодно. Дисциплина была слабовата, это да, но когда доходило до дела – “На сегодня задача такая...” – мы доводили его до конца. Еще помню большой летний лагерь в Кроуборо, мы только что заняли первое место по строительству переправы – в ту ночь мы упились виски и устроили драку в большом шатре. Темно, хоть глаз выколи, света нет вообще, все только машут кулаками, разбивают что попало, особенно что-нибудь себе. Первый раз я сломал себе кости как раз тогда – посреди ночи со всей дури долбанувшись о палаточный шест.

Один-единственный раз я злоупотребил властью, и на том моя скаутская карьера кончилась. Сначала появился новый рекрут – редкий козел, никто не мог с ним нормально общаться. Я бесился: “У меня тут элитное звено, а я должен возиться с этим говнюком? Я сопли подтирать не нанимался. Какого хера вы его на меня спихиваете?” Он что-то опять сделал, и я ему врезал. На, чмо! Не успел я опомниться, меня уже вызвали на ковер – разбирать на дисциплинарном совете. “Командиры рук не распускают” и вся такая лабуда.

Недавно, когда *Stones* были на гастролях в Санкт-Петербурге, сижу я в своем номере, и вдруг по телевизору показывают церемонию празднования столетнего юбилея бойскаутов. Это было на острове Браунси, где Баден-Пауэлл основал первый лагерь. Один на один с самим собой в комнате я встал по стойке, отдал трехпалцевый салют и гаркнул: “Старший патрульный, Бобровый патруль, Седьмой Дартфордский отряд, сэр!” Чувствовал, что просто должен отрапортовать.

Летом, чтобы не тратить зря время, я где-нибудь подрабатывал, как правило, за прилавком в разных магазинах либо на разгрузке сахара. Вот этого никому не посоветую – торчать на задах супермаркета. Сахар развозят в неподъемных больших мешках, и еще он, сука, режется и ко всему липнет. За день наразгружаешься – оттянешь себе мешками плечо, и под конец все руки в крови. А потом сахар еще надо фасовать. Только этого должно было хватить, чтобы я бросил заниматься такой херней, но я не бросил. До сахара я фасовал масло. Это сейчас ты приходишь в магазин, и там лежат аккуратненькие брускочки, а раньше масло привозили громадными блоками. И мы сидели в подсобке, нарезали его и заворачивали. Тебя учили, как делать двойной загиб, как отмерять точный вес, и ты относил кусок на полку – “Ну разве не красавчик!” А в подсобках в это время резвились крысы и было полно всякой другой нечисти.

Была у меня примерно в то же время, в тринадцать-четырнадцать, еще одна работа. Я приходил в пекарню по выходным и облезжал окрестности с развозкой – настоящая школа жизни в этом возрасте. У пекарни был электрический фургончик, при котором состояло два человека, и по субботам и воскресеньям я отправлялся с ними выжимать деньги из клиентов. И я понял, что, пока они уходили звонить в дверь – “Миссис такая-то, уже две недели прошло”, – меня держали как сторожа, на шухере. Иногда я сидел в фургоне, стучал зубами от холода и ждал, и через двадцать минут появлялся пекарь с красным лицом, на ходу застегивая ширинку. До меня медленно доходило, что кто-то расплачивался не так, как остальные. А еще существовал определенный контингент бабушек, которым явно было настолько скучно, что приезд хлебовозки становился кульминацией всей недели. Они наливали чай, подавали кексы, которые у нас же и покупали, садились поболтать, и вдруг ты понимаешь –

черт, ты там торчишь уже целый час, и, пока закончишь объезд, успеет стемнеть. Зимой я ждал, пока попаду к ним в гости, потому что это было немножко как в “Мышьяке и старых кружевах” – старушенции, которые обитают в абсолютно своем отдельном мире.

Пока я упражнялся с узлами, я совсем не замечал – я вообще-то восстановил всю картину много-много лет спустя – некоторые крутые перемены в жизни Дорис. Примерно в 1957 году она сошлась с Биллом, ныне Ричардсом, моим отчимом. Он женился на Дорис в 1998-м, прожив с ней все эти годы начиная с 1963-го. Ему тогда было меньше тридцати, ей – уже за сорок. Я помню только то, что Билл всегда околачивался где-то рядом. Он работал таксистом и постоянно везде нас возил, был готов помочь в чем угодно, если речь шла о машине. Он даже отвозил нас на отдых – меня, маму и батю. По мелкости, я, конечно, не понимал, какие у них отношения. Билл для меня существовал просто как дядя Билл. Что по этому поводу думал Берт, я не знал и не знаю до сих пор. Я думал, Билл – это друг Берта, друг семьи.

В общем, он просто возник на горизонте, и у него была машина. Во многом это-то и соблазнило Дорис тогда, в 1957-м. Он познакомился с ней и со мной в 1947-м, когда жил напротив нас на Честилиан-роуд и работал там же, в кооперативе. Потом он устроился в фирму, организованную таксистами, и больше не появлялся, пока один раз Дорис не увидела его, выходя из дартфордского вокзала. Сама Дорис рассказывала так: “Я его только знала, когда мы жили напротив, и однажды он сидит в такси, а я выхожу из вокзала и говорю: “Привет”. Он выбежал за мной и говорит: “Давайте я вас до дома подвезу”. А я говорю: “Ну хорошо, я не против”, потому что иначе бы пришлось ждать автобуса. И он отвез меня домой. И тогда все началось, а мне просто не верилось. Это было такое нахальство”.

Биллу с Дорис приходилось что-то сочинять, и если Берт знал, я ему сочувствую. Большим везением для них была страсть Берта к теннису, из-за этого они могли встречаться где-то вне дома. К концу отпущенного времени, как рассказывал Билл, они ухитрялись приехать в место, откуда было видно, когда Берт поедет из клуба на своем велосипеде, чтобы сразу помчаться на такси обратно и доставить Дорис домой до его прихода. Дорис еще вспоминала: “Когда Кит начал играть со *Stones*, Билл его повсюду возил. Если бы не Билл, он бы вообще никуда не попал. Потому что Кит обычно говорил: “Мик сказал, надо быть там-то и там-то”. А я ему: “Как ты туда собираешься добираться?” И Билл тут как тут: “Я его отвезу”». Это, кстати, до сих пор невоспетая роль Билла в основании *Rolling Stones*.

Впрочем, батя по-прежнему был батя, и я страшно ссал, как он отреагирует, когда придет время и меня исключат, – потому-то кампания и должна была быть затяжной, нельзя было покончить со школой одним махом. Приходилось потихоньку накапливать плохие оценки, пока до начальства наконец не дойдет, что момент настал. Но боялся я не того, что мне достанется физически, а батиного неодобрения – потому что тогда все, бойкот. Раз – и ты один, сам по себе. Не разговаривать со мной и даже не замечать моего присутствия – такая у него была форма внушения. За этим ничего не следовало, мне не грозило получить от него по заднице или что-нибудь в таком духе – об этом и речи не было. Но от мысли, что из-за меня батя может расстроиться, мне хочется расплакаться даже сейчас. Не оправдать его ожиданий – меня бы это просто раздавило.

Так что достаточно было один раз пережить этот бойкот, и второго раза уже не хотелось. Ты чувствовал себя пустым местом, все равно что не существовал. Он только говорил: “Что ж, на пустошь сегодня не идем” – по выходным мы обычно ходили туда погонять мячик. Когда я узнал, как обращался с Бертом его собственный отец, я подумал, что мне очень повезло, потому что Берт меня вообще ни разу пальцем не тронул. Давать выход эмоциям было не в его натуре. За что я даже благодарен. В те разы, когда я его серьезно доводил, окажись он не таким сдержаненным, меня бы ждала взбучка – для большинства остальных детей того времени это было привычное дело. Единственной, от кого я периодически получал сзади по ногам, была моя мамочка, и получал я по заслугам. Но я никогда не жил

в страхе телесного наказания, только психологического. Даже перед нашим историческим воссоединением после двадцати лет вресь, когда я не видел Берта столько времени, я все с тем же страхом ждал его реакции. За прошедшие годы в моей жизни случилось многое всякого, чего он мог бы не одобрить. Но об этом позже.

Финальное выступление, за которое меня наконец отчислили, случилось, когда мы с Терри решили не пойти на школьное собрание в последний день учебного года. Мы уже сто раз ходили на эти собрания, и нам хотелось курить, поэтому мы просто смылись. Думаю, это стало окончательным гвоздем в крышку гроба моего пребывания в техникуме. Разумеется, когда батя услышал эту новость, он чуть не взорвался. Но к тому моменту, я думаю, он уже списал меня как бесполезного члена общества. Потому что я уже вовсю играл на гитаре, а Берт не был любителем искусства – а единственное, что у меня хорошо получается, это музыка и рисование.

Кого мне здесь точно нужно поблагодарить – человека, спасшего меня от помойной ямы, пожизненной каторги, – это преподавательницу изо, потрясающую миссис Маунтджой. Она замолвила за меня словечко перед директором школы. Меня собирались выпихнуть на биржу труда, и директор спросил: “Он хоть что-то умеет?” “Ну, он неплохо рисует”. В результате я попал в Сидкапский художественный колледж, набор 1959 года – музыкальный набор.

Берту это не понравилось: “Найди себе нормальную работу”. “Что, типа лампочки штамповывать, да, пап?” И меня пробило на саркастический тон. Теперь, конечно, жалею. “Трубки с лампочками штамповывать, да?”

К тому моменту у меня уже были большие планы, хоть и ни малейшего понятия, как их осуществить. Для этого мне еще нужно было повстречать кое-кого. А тогда я просто чувствовал, что у меня достаточно мозгов, чтобы каким-нибудь способом выкарабкаться из коллективной клетки, из жизни, расписанной наперед. Мои родители выросли в годы Депрессии, когда, если у тебя что-то было, ты этим дорожил, держался обеими руками, вот и вся наука. Берт был самый нечестолюбивый человек на свете. С другой стороны, я был совсем пацаном и ни о каком честолюбии даже не задумывался. Я просто чувствовал рамки. Общество и вообще вся среда, в которой я вырос, – мне было там слишком тесно. Может, конечно, это были заурядные подростковые гормоны и напряги, но что надо как-то отсюда выбираться – это я знал точно.

Я в 1959-м, в пятнадцать лет, с моей первой гитарой, купленной Дорис.

Глава третья

В которой я иду в худколледж, ставший моей гитарной школой. Первый раз играю на публике и сразу нахожу себе девушки. Встречаю Мика с дисками Чака Берри на дартфордском вокзале. Мы начинаем играть – как Little Boy Blue and the Blue Boys. Знакомимся с Брайаном Джонсом в Илингском джаз-клубе. В пабе Bricklayers Arms я получаю добро от Иэна Стюарта, и Stones формируются вокруг него. Мы хотим переманить Чарли Уоттса, но не можем его себе позволить

Я не знаю, как бы все повернулось, если бы меня *не* отчислили и не послали в художественный колледж. Сидкап оказался гораздо больше школой музыки, чем школой изящных искусств. В те дни он и все остальные худколледжи южного Лондона массово производили на свет пригородных битников, и в эту же массу предстояло влиться мне. Собственно, настоящее искусство в Сидкапском колледже практически отсутствовало. Через какое-то время ты получал представление о том, к чему тут всех готовят, – к Леонардо да Винчи это не имело никакого отношения. Раз в неделю к нам приезжала партия упакованной молодой швали из *J. Walter Thompson* или какой-нибудь другой крупной рекламной фирмы в вечных галстуках-бабочках, чтобы по ходу дела поглумиться над жалкими студентами и, если получится, склеить каких-нибудь девиц. С нами они строили из себя больших людей и заодно показывали, как делать рекламу.

Когда я только попал в Сидкап, это было нереальное ощущение свободы. “Да ты что, правда можно курить?” Общаешься с кучей всяких художников, пусть даже они не совсем художники, разные точки зрения, разные повадки – для меня это было очень важно. Одни – настоящие эксцентрики, другие – выпендрежники, но все они – любопытная публика, и, слава богу, совершенно другой породы, чем те, к кому я привык. Плюс мы попали туда прямо из раздельных мужских школ и вдруг оказались в одном классе с девчонками. Моментально все начали растить волосы – просто потому, что уже было можно, возраст позволял и почему-то это нравилось. А еще можно было наконец одеваться как хочешь – всем не терпелось вылезти из школьной формы. Ты даже начинал вставать утром в предвкушении и спешил сесть на поезд до Сидкапа. Тебя даже самого туда тянуло. В Сидкапе меня знали как Рикки.

Теперь я понимаю – то, что нам давали, было ошметками благородной традиции художественного образования, как оно существовало в довоенный период: гравюра, литография, разложение света по спектру – все это добро, выброшенное на рекламу джина *Gilbey's*. Было очень интересно, и, поскольку я и раньше любил рисовать, мне это нравилось, я учился каким-то новым вещам. Еще не было осознания, что на самом деле из тебя штампуют так называемого дизайнера-графика, какого-нибудь наклейщика переводных букв – все это было в далекой перспективе. Традиции изящных искусств у нас поддерживали перегоревшие идеалисты вроде преподавателя натурного класса мистера Стоуна, когда-то учившегося в самой Королевской академии. Каждый раз во время перерыва на обед он опрокидывал несколько пинт “Гиннесса” в кабаке *Black Horse* и приходил в класс с большим опозданием и под градусом, зимой и летом в сандалиях на босу ногу. Вообще натурные занятия часто напоминали цирк. Какая-нибудь милая местная пожилая леди солидных габаритов без одежды – у-у-у, ого, сиськи! – и воздух, пропитанный пивным выхлопом, и еще рядом покачивающийся учитель, который держится за твой табурет. В подражание высокому искусству и авангарду, на который равнялись педагоги, директор придумал сделать общий школьный снимок, где нас расставили как фигуры в геометрическом саду из знаменитой сцены “В прошлом году в Мариенбаде” Алена Рене – верх экзистенциалистского шика и пафоса.

Распорядок там был ненапряжный. Ты отсиживал свои классы, доделывал практические задания и шел в туалет, где постоянно протекала кулачная жизнь – народ сидел и играл

на гитаре. Как раз эти посиделки и подстегнули меня упражняться с инструментом по-настоящему, и слава богу, потому что в таком возрасте все схватываешь на лету. В нашем туалете перебывала масса играющего народа. Вообще в тот период, когда рок-н-ролл по-британски набирал обороты, худколледжи дали миру несколько достойных гитаристов. Эта среда была чем-то вроде гитарной мастерской, почти целиком на фолковом материале типа того, что играл Джек Эллиот. Поскольку у нас в колледже никто не отлавливал посторонних, Сид-кап стал приютом для местной музыкальной тусовки. Сюда заглядывал сам Уизз Джонс с прической и бородкой под Иисуса. Классный фолк-гитарист, вообще классный музыкант, и, между прочим, до сих пор играет – я встречаю афиши его концертов, на них он все такой же, только безбородый. Лично мы едва знали друг друга, но в моем представлении тогда Уизз Джонс был как... не знаю – Уиз-з-з-з! В смысле, этот парень уже вовсю светился на фолковой сцене, выступал в клубах – ему платили! Короче, он играл в профлиге, а мы играли в каком-то туалете. По-моему, как раз у него я перенял *Cocaine* – не нюхалово, а песню, точнее, важнейший в то время пальцевый проигрыш. Никто, кроме него, буквально никто, не умел играть этим южнокаролинским перебором. Он сам подцепил *Cocaine* у Джека Эллиота, но задолго до всех остальных, а Джек Эллиот подцепил его у преподобного Гэри Дэвиса в Гарлеме. Уизз Джонс был фигурой, за которой в то время следили в том числе Эрик Клэптон и Джимми Пейдж, как они говорят.

Моя репутация в туалете была заработана исполнением *I'm Left, You're Right, She's Gone*. Меня иногда доставали – я продолжал любить Элвиса, и Бадди Холли тоже, и окружающим было не понять, как я вообще могу быть студентом-художником, въезжать в джаз и блюз и еще что-то в этом находить. Рок-н-ролл, глянцевые фото, дурацкие костюмы –ходить в эту сторону определенно не рекомендовалось. Но для меня это была только музыка. Вообще тогда на все существовала своя иерархия – то было время модов против рокеров. Битники тоже четко делились на тех, кто зависал на английском варианте диксиленда (так называемом традиционном джазе), и тех, кто любил ритм-энд-блюз. Лично я спокойно перебегал на другую сторону ради Линды Пуатье, писаной красавицы, которая ходила в черном свитере, черных чулках и густо подводила глаза на манер Жюльетт Греко. Я выдерживал лошадиные дозы Акера Билка – иконы трад-джаза, – лишь бы полюбоваться, как она танцует. Была еще одна Линда – в очках, худющая, но с неотразимыми глазами, предмет моих неловких ухаживаний. Сладкий поцелуй, странное ощущение. Иногда поцелуй впечатывается в тебя намного глубже, чем все, что после. Силия – с ней я познакомился во время одного ночного бдения в клубе Кена Койлера. Девушка из Айлуорта. Мы провели вместе всю ночь, ничем таким не занимались, но в то короткое мгновение у нас была любовь. В чистом, незамутненном виде. У ее семьи был отдельный дом, даже близко не мой калибр.

* * *

Я по-прежнему иногда бывал у Гаса. К этому времени, после двух или трех лет моих занятий с гитарой, он сразу говорил: “Давай, изобрази *Malaguea*”. Я играл, он хмыкал в ответ: “Смотри-ка, освоил”. А потом я начинал импровизировать, потому что *Malaguea* – гитарное упражнение, и он вскакивал: “Да нет, там все не так!” А я говорил: “Дед, ну да, но и так *може* можно”. “Ну, приоровился уже”.

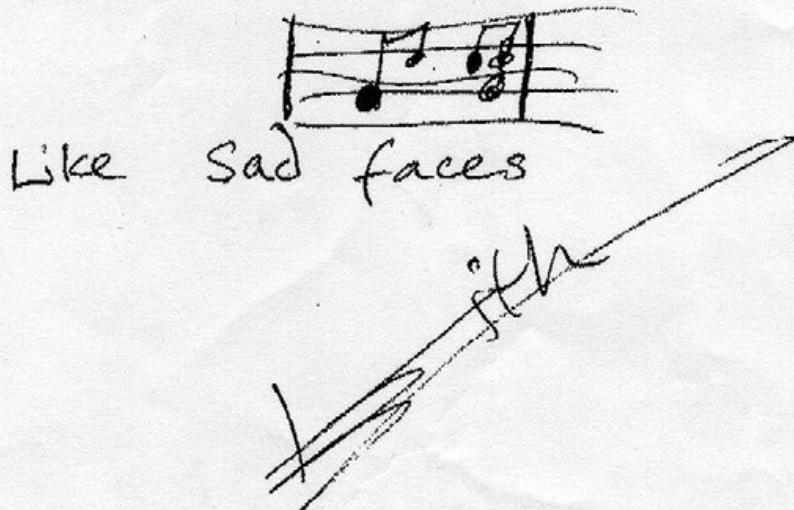
На самом деле вначале у меня не было специального желания быть гитаристом. Гитара была просто средством – инструментом, который производит звуки. Но по ходу дела мне становилась все интересней сама игра, извлечение конкретных нот. Я твердо убежден: если хочешь стать гитаристом, нужно начинать с акустики и только потом переходить на электричество. Не думай, что превратишься в Тауншенда или Хендрикса просто потому, что твой инструмент умеет делать “вэу-вэу вау-вау” и все остальные электронные фокусы. Сперва

полюби эту штучку. Ложись с ней в постель. Если ты один, без девушки, прямо с ней и спи. Формы у нее как раз подходящие.

* * *

Всему, что я знаю, я выучился с пластинок. Выучился благодаря возможности воспроизвести что-то напрямую, без всей этой кошмарной принудиловки нотной записи, без тюремной решетки тактовых черт и пяти линеек. Возможность слушать записанную музыку дала свободу массе музыкантов, которым так или иначе не повезло освоить музыкальную нотацию, таким как я. До 1900 года в твоем распоряжении были Моцарт, Бетховен, Бах, Шопен, канкан. С появлением грамзаписи наступила вольница. Теперь, стоило только тебе или твоему соседу обзавестись аппаратом, ты получал возможность слушать музыку, которую играли люди, а не механические устройства или симфонические оркестры. Ты реально мог слышать слова, которые они говорят, почти как будто они рядом. Что-то из этого могло быть полным хламом, но что-то было по-настоящему хорошо. Произошло освобождение музыки. Если бы не оно, единственной возможностью для людей было бы ходить в концертный зал – а многим это по карману? Определенно, никакая не случайность, что джаз и блюз начали завоевывать мир в тот же момент, когда начала развиваться звукозапись – ни с того ни с сего, в пределах нескольких лет. Блюз – универсальная штука, он до сих пор с нами именно поэтому. Так вот, сама его выразительность, его живая эмоция смогли дойти до людей благодаря звукозаписи. Как будто кто-то раздвинул слуховые шторы. Эта вещь была доступна – и слуху, и кошельку. Больше не было такого, что музыка ограничена рамками одной группы людей здесь и другой группы там, и вместе им не сойтись. И разумеется, такая ситуация выводит другой, совершенно непохожий тип музыкантов – за одно поколение. Мне не нужны эти листки. Я буду играть прямо от ушей, прямо отсюда, прямо от сердца к пальцам. Никто не должен переворачивать страницы.

I forgot to mention that to play
the blues was like a jailbreak
out of those meticulous bars with
the notes crammed in like prisoners.

Забыл сказать, что играть блюз – это было похоже на побег из клетки ровненьких линеек и черточек, в которых ноты – как сгрудившиеся арестанты. Как кучка грустных физиономий.

В Сидкапе на тебя обрушивалось море всякого – как часть этого невообразимого взрыва музыки, музыки как стиля жизни, любви ко всему американскому. Я ходил в публичную библиотеку и выискивал книги об Америке. Народ вокруг слушал фолк-музыку, другие – современный джаз, еще одни – традиционный джаз, были и те, кто тащился от всего блюзоподобного – то есть, считай, протосоул. Все эти влияния присутствовали в Сидкапе. А еще были эпохальные звуки – музыкальные скрижали, тогда услышанные в первый раз. Был Мадди. Была *Smokestack Lightning* Хаулин Вулфа, был Лайтнин Хопкинс. И пластинка под названием *Rhythm & Blues. Vol. 1*. На ней появился Бадди Гай с вещью *First Time I Met the Blues*, был там и один трек Литтл Уолтера. Что Чак Берри – черный, я узнал года через два после того, как его услышал, и это определенно произошло задолго до того, как я посмотрел фильм, сподвигший многих музыкантов, – “Джаз в летний день”²², – где он играл *Sweet Little Sixteen*. И черт знает сколько времени прошло, пока я узнал, что Джерри Ли Льюис – белый. Тогда увидеть чьи-нибудь фотографии можно было, только если их вещи попадали в американскую первую десятку. Единственные, кого я знал в лицо, были Элвис, Бадди Холли и Фэтс Домино. Но разве это имело значение? Что имело значение, так это звук. Ведь, когда я в первый раз услышал *Heartbreak Hotel*, у меня не засвербило внутри стать новым Элвисом Пресли. Тогда я понятия не имел, кто это такой. Дело было только в звуке, в эффекте совершенно другого типа записи. Которую, как я выяснил, сделал Сэм Филлипс, первопроходец из *Sun Records*. Эхо-эффект. Никаких внешних добавок. Ты чувствовал, что находишься с

²² *Jazz on a Summer's Day* – документальный фильм (1960) о Ньюпортском джазовом фестивале 1958 г.

ними в одной комнате, что слушаешь ровно то, что происходит в студии, – без наворотов, без лака, без ничего. На меня это повлияло колоссально.

* * *

На том элвисовском лонгплее была вся сановская начинка плюс пара треков, сделанных на *RCA*. *That's All Right*, *Blue Moon of Kentucky*, *Milk Cow Blues Boogie* и все остальное. То есть для гитариста, точнее для начинающего гитариста, манна небесная. С другой стороны – что за черт, что здесь происходит? Я, может, и не хотел стать Элвисом, но насчет Скотти Мура – тут я не уверен. На Скотти Мура я молился. Он играл с Элвисом на всех сановских вещах. И на *Mystery Train*, и на *Baby Let's Play House*. Теперь я с ним знаком, я с ним джемовал. Я лично знаю весь состав. Но в то далекое время просто отыграть без запинки всю *I'm Left, You're Right, She's Gone* – это была вершина гитарного мастерства. А еще *Mystery Train* и *Money Honey*. Я бы умер, лишь бы суметь такое изобразить. Блин, как же оно делается? С таким багажом я и попал в туалет Сидкапа, где показывал выученное на чужом хефнеровском арчтопе²³ с дырками-“эфами”. Это еще до того, как музыка привела меня обратно к элвисовским и баддихоллиевским корням, то есть к блюзу.

Есть у Скотти Мура один проигрыш, который я до сих пор не могу поймать, а он мне не показывает. Эта штука бегает от меня уже сорок девять лет. Скотти прикидывается, что не может вспомнить место, о котором я говорю. Не то что он от меня что-то скрывает, говорит он мне, “просто не пойму, какой кусок у тебя на уме”. Этот проигрыш – на *I'm Left, You're Right, She's Gone*. Кажется, в ми-мажоре. Когда доходит до септаккорда, он делает пробежку: 2-я, 5-я, 6-я струна – что-то такое похожее на йодль, что я так и не сумел толком зафиксировать. Тот же самый проигрыш есть на *Baby Let's Play House*: когда доходишь до “*But don't you be nobody's fool / Now baby, come back, baby...*”²⁴, и как раз вместе с последней строчкой – вот там этот проигрыш и сидит. Возможно, это какой-нибудь элементарный приемчик. Но он играется слишком быстро, и, кроме того, в нем задействована куча нот: какой палец представлять, а какой не надо? Я не слышал ни одного, кто бы его повторил. *Creedence Clearwater* записали свою версию этой песни, но, когда слушаешь нужное место – нет, у них там что-то другое. А Скотти – хитрая лиса, его не раскусишь: “Ну, юноша, времени еще полно, разберешься”. Каждый раз, когда я его встречаю, слышу: “Проигрыш-то тот уже освоил?”

* * *

Самым модным парнем Сидкапского художественного колледжа был Дейв Честон, местная знаменитость того периода. Даже Чарли Уоттс знал Дейва через какие-то свои джазовые круги. Это был арбитр вкуса, уже по ту сторону богемности, настолько в теме, что мог работать начальником проигрывателя. Когда у тебя появлялась новая сорокапятка, ты крутил и крутил ее раз за разом, почти закольцовывал – как потом, когда придумали “лупы”. У Дейва задолго до остальных появился первый Рэй Чарлз – он даже был на его концерте, и я впервые услышал Рэя во время одной из таких пластиночных сессий в обеденный перерыв.

В то время для каждого самым главным было то, как он выглядел. По фотографии моего набора, первого курса 1959-го, этого еще не понять – тогда все только начиналось. Парни в стандартных пулloverах с треугольным вырезом смотрелись как в униформе, а девчонок одевали под пятидесятилетних дам – не отличить от нескольких преподавательниц

²³ Арчтоп – вид акустической гитары со стальными струнами и выгнутой декой (англ. arch top).

²⁴ “Но ты никого не слушай / И, детка, возвращайся, детка...”

на том же снимке. Но в остальной жизни все, оба пола, носили тогда совершенно несоразмерной длины черные свитера – все, кроме Брайана Бойла, эталонного мода, который менял наряды каждую неделю. Мы дружно не понимали, откуда у него на это деньги. Приталенный пиджак из гленчека с хлястиком, мощный начес на голове. А еще у него была *Lambretta* с прицепленным сзади пушистым, твою мать, беличьим хвостиком! Брайан совершенно спокойно мог сам быть прародителем мод-движения, которое как раз вышло из худколледжей южного Лондона. Он одним из первых стал ходить в *Lyceum*²⁵ и обзавелся модовскими прибамбасами. У него тогда был период сумасшедшей шмоточной гонки – он первым избавился от драпового пиджака и надел короткую куртку. Он серьезно опережал всех в обуви: острый нос вместо круглого, кубинский каблук – настоящая революция. Рокеры доперли до остроносой обуви сильно позже. Брайан специально пошел к сапожнику, чтобы тот нарастил ему носы на четыре дюйма, и из-за этого ходить ему стало совсем затруднительно. В таком нескончаемом самоперещеголянии было что-то напряженное, даже какая-то отчаянность, но со стороны смотреть было интересно, да и сам Брайан был парень прикольный.

Я себе беличьих хвостов позволить не мог. Дай бог наскрести на пару брюк. По другую сторону баррикад от моднической тусовки были классово близкие рокеры-моторциклисты. Но так меня никто и не присвоил. Как-то мне удалось встать одной ногой в один лагерь, а другой – в другой и при этом не порвать мошонку. У меня имелся собственный камуфляж, что зимой, что летом: ранглеровская куртка, фиолетовая рубашка и черные дудочки. Я славился нечувствительностью к холоду, поскольку гардероб у меня никогда особенно не менялся. Что касается препаратов, мое золотое время тогда еще не наступило, может быть, за вычетом нескольких утащенных таблеток, которые Дорис покупала, чтобы принимать во время месячных. Кое-кто в ту пору начал глотать эфедрин, но штука была кошмарная, поэтому мода на него долго не протянула. И еще были ингаляторы для носа, в которые тогда щедро замешивали декседрин и которые пахли лавандой. Ты снимал колпачок, вытаскивал ватку и лепил из нее пильульки. Подумайте, а, декседрин от простуды!

* * *

Персонаж, с которым мы стоим рядом на общем снимке, – это Майкл Росс. Я теперь не могу слушать определенные вещи без того, чтобы не начать вспоминать Майкла. С ним я впервые выступил на публике – мы дали пару школьных концертов. Незаурядный был парень – экстраверт с массой талантов, всегда готовый на какую-нибудь рискованную авантюру. К тому же реально одаренный иллюстратор – он научил меня уйме всяких хитростей с карандашом и чернилами. И еще он был меломан на всю катушку. Нам с Майклом нравилась музыка одного и того же типа – что-то, что можно разучить самим. И нас, естественно, тянуло к кантри и блюзу, потому что мы могли играть это без посторонней помощи. Для такого одного-то достаточно, а уж вдвоем – просто супер. Он познакомил меня с Сэнфордом Кларком, матерым кантри-певцом точно того же типа, что Джонни Кэш, который имел за плечами хлопковые поля и службу в BBC и попал в американский топ с песней *Fool*. Мы играли другую его вещь, *Son of a Gun*, в том числе потому, что на нее единственную хватало наших двух инструментов, но и сама песня была классная. Нас подписали на один школьный концерт где-то в окрестностях Бексли, в спортивном зале – мы пели много кантри-вещей изо всех своих тогдашних сил, под две голые гитары. Что мне больше всего запомнилось о нашем первом концерте – это то, что мы ушли с него с парой цыпочек и проторчали с ними до утра в парке неподалеку, в одной из этих беседок, где одни скамьи и какая-то хилая крыша

²⁵ *Lyceum* – старый лондонский театр, в 1951-м под именем *Lyceum Ballroom* переоснащенный в зал для выступлений биг-бэндов с большой танцплощадкой.

над головой. На самом деле ничего не было. Я максимум потрогал ее грудь, и то не помню. Всю ночь мы только сосались – одни языки, скользящие везде, как угри. А потом мы просто заснули и проспали до утра, и я подумал: “Первое мероприятие – и я уже подцепил девчонку. Неслабо! Наверное, для меня тут есть перспективы”.

Мы с Россом продолжали выступать. Процесс протекал сам собой, никто ни о чем не задумывался, но ты снова выходишь играть на следующие выходные и обращаешь внимание: народу-то прибавилось… А ведь нет ничего, что могло бы сравниться с аудиторией, которая тебя ждет и подбадривает. Думаю, где-то там в толпе я углядел проблеск будущего.

* * *

Всю свою школьную жизнь я провел в ожидании того, что придется отбывать национальную службу. Это сидело в мозгу: я иду в худшколу, а потом я иду в армию. И вдруг, как раз перед моим семнадцатым днем рождения, в ноябре 1960-го, объявляют, что призыву конец, службу отменили навсегда. (*Rolling Stones* скоро стали называть единственной причиной ввести ее снова.) Но в тот еще безгрешный день, я помню, в колледже ты почти слышал этот всеобщий вздох облегчения, который пронесся по школе. Ни про какие занятия в тот день никто уже не думал. Помню, как все мои пацаны-ровесники переглядывались друг с другом, пока до нас доходило, что все, нас больше не пошлют стоять под шквальным ветром на палубе какого-нибудь миноносца или маршировать в гарнизоне под Олдершотом. Билл Уаймен отрубил свой срок в Национальной службе в Королевских ВВС в Германии и остался вполне доволен. Но он старше меня.

И при этом одновременно внутри клокотало: “Вот суки!” Мы жили все эти годы с такой тучей над головой. Некоторые пацаны в школе специально начали развивать у себя всякие тики, иногда доводя дело до серьезных психических расстройств, чтобы только не служить. Это была целая отдельная тема, все совещались друг с другом, как бы откосить, когда придет время. “У меня мозоли, мне на стройподготовку нельзя”.

Служба меняла людей. Я видел моих старших двоюродных братьев, старших приятелей, которые через нее прошли. Если в целом, они возвращались домой другими людьми. Левой-правой, левой-правой. Муштра промывает мозги. Ты, блин, уже почти во сне можешь маршировать. Кое у кого доходило и до этого. У них менялась психика, ощущение самих себя, того, на каком они свете. “Мне показали, кто я такой, и я теперь знаю свое настояще место”. “Получил капрала и не рыпайся, не думай, что в жизни прыгнешь выше”. Я очень хорошо это чувствовал с теми, кто успел отслужить. Было видно, что жизненной энергии у них поубавилось. Они возвращаются после двух лет, выброшенных на Национальную службу, и они все еще школьники, но при этом им уже двадцать лет.

В общем, было чувство, что ни с того ни с сего в твоей жизни образовалось два свободных года. Но, конечно, это была полная иллюзия. Ты и понятия не имел, что делать с этой лишней парой лет, потому что планировалось, что в восемнадцать ты исчезнешь. Все произошло так неожиданно. Моя жизнь тянулась как ни в чем не бывало, и тут такая новость – призыв отменили. Я мог забыть о том, чтобы выбраться из этого проклятого болота: муниципального дома, тупиковых перспектив. Конечно же, если б меня призвали, я бы сейчас уже, наверное, дослужился до генерала. Прирожденного вожака не остановишь. Я такой: если впрягся – значит впрягся. Стоило мне попасть в скауты, я уже через три месяца был старшим патрульным. Организовывать и командовать – это точно мое. Дайте мне взвод, я справлюсь со взводом. Дайте мне роту, я справлюсь еще лучше. Дайте мне дивизию, я с ней вообще сотворю чудеса. Я люблю мотивировать народ, и это как раз пригодилось, когда появились *Stones*. У меня реально хорошо получается собирать людей в одну команду. Если я умудрился сколотить из кучки раздолбаев-растаманов рабочий коллектив, и еще вспомним

моих *Winos*, абсолютно неуправляемую банду, – значит, у меня явно есть к этому талант. И дело не в том, чтобы размахивать хлыстом, а в том, чтобы не бросать поводья, просто быть, работать, чтобы они всегда чувствовали твое присутствие, что ты их ведешь впереди, а не погоняешь сзади.

И для меня никогда не стоял вопрос, кто на первом месте, меня волновало только, что работает, а что нет.

* * *

Незадолго до того, как книга пошла в печать, всплыло одно мое письмо, которое почти пятьдесят лет хранилось у тети Пэтти и которое за пределами семьи никто не видел. Она еще была жива тогда, в 2009 году, когда я его получил из ее рук. В нем помимо прочего рассказываетя, как в 1961 году я встретил на вокзале в Дартфорде Мика Джаггера. Письмо было написано в апреле 1962-го, всего четыре месяца спустя, когда мы уже ошивались вдвоем и пробовали придумать что-то на будущее.

6 Спилман-роуд

Дартфорд

Кент

Дорогая Пэт!

Жутко извиняюсь, что раньше не писал (прошу оправдания по причине невменяемости) голосом блюботла²⁶. Уходит направо под оглушительные аплодисменты.

Очень надеюсь, что твое здоровье в полном порядке.

Вот мы и пережили еще одну достославную английскую зиму. Интересно на какой день в этом году выпадет начало лета?

О моя дорогая тетушка я был тааак занят после Рождества, и это кроме школы. Ты знаешь, что я поклонник Чака Берри, и я думал, что я единственный фанат на много миль вокруг но однажды утром на Дартфордском в-ле (это чтобы не писать длинное слово вокзал) я стоял и держал в руках одну пластинку Чака, когда один парень которого я знал в начальной школе 7–11 л. ну ты знаешь подошел ко мне. У него есть вообще все записанное Чаком Берри и у всех его приятелей тоже, они все фанаты ритм-энд-блюза, я имею в виду настоящий ритм-энд-блуз (а не Дайну Шор, Брука Бентона и прочее баражло) Джимми Рид, Мадди Уотерс, Чак, Хаулин Вулф, Джон Ли Хукер все чикагские блузмены настоящая животная вееръ, просто чудесно. Но Диддли еще один великий блузмен.

В общем парень на вокзале, его зовут Мик Джаггер, и все девочки с мальчиками собираются каждое воскресенье по утрам в Carousel каком-то заведении с муз. автоматом в общем однажды утром в янв. я шел мимо и решил заглянуть поискать его там. Все на меня набрасываются приглашают примерно на 10 вечеринок. А еще Мик величайший певец ритм-энд-блюза по эту сторону Атлантики и я не шучу. Я играю на гитаре

²⁶ Блюботл – персонаж “Шоу тупиц” (*The Goon Show*), популярной юмористической радиопрограммы на Би-би-си, просуществовавшей с 1951 по 1960 год. Блюботл – бойскаут с очень гнусавым, тонким голосом, который часто произносил вслух относящиеся к нему сценические ремарки (например: “Входит Блюботл. Останавливается в ожидании аплодисментов”) и появление которого по традиции сопровождалось аплодисментами.

(электро) в стиле Чака мы взяли басиста, ударника и ритм-гитару и репетируем вечерами 2–3 раза в неделю. СВИНГУЕМ.

Конечно они все купаются в деньгах живут в огромных отдельных домах, с ума сойти, у одного даже есть дворецкий. Я был там с Миком (на машине конечно Мика не моей разумеется) О ГОСПОДИ АНГЛИЙСКИЙ ТАКОЙ СЛОЖНЫЙ ЯЗЫК.

- Что-нибудь желаете, сэр?
- Водки с лаймом, пожалуйста
- Разумеется, сэр

Я чувствовал себя совсем лордом, почти попросил подать мне родовую корону когда уходил.

Здесь у нас все прекрасно.

Правда никак не могу остановиться с Чаком Берри, недавно купил один его лонгплей прямо у Chess Records в Чикаго обошлось дешевле, чем английский диск.

Конечно у нас тут еще есть старики сама знаешь Клифф Ричард, Адам Фэйт и 2 новых кошмара Шейн Фентон и Джон Лейтон ТАКОГО БАРАХЛА ТЫ ЕЩЕ НЕ СЛЫШАЛА. Не считая этого итальянки Синатры ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Все-таки скучать мне теперь не приходится. В это воскресенье иду на ночную вечеринку.

*“I looked at my watch
It was four-o-five
Man I didn’t know
If I was dead or alive”²⁷*

Слова Чака Берри
“Reeling and a Rocking”

12 галл. пива Бочонок сидра, 3 бут. виски вино. Ее папа с мамой уехали на выходные собираюсь закрутиться до упаду (замечу с радостью).

На следующее воскресенье мы с Миком ведем 2 девушки в наш любимый ритм-энд-блюзовый клуб это в Илинге, Мидлсекс.

У них играет парень на электрогармошке Сирил Дэвис фантастика всегда полупьяный небритый играет как сумасшедший, просто чудесно.

Что ж не могу придумать, чем тебе еще надоедать, поэтому прощаюсь, доброй ночи дорогие телезрители.

БОЛЬШАЯ УХМЫЛКА

Люблю

Kiss xxxx²⁸

Кто еще будет писать такую фигню²⁹

²⁷ “Я посмотрел на часы, / Было четыре ноль пять. / Блин, я не мог понять, / Мертвый я или живой”.

²⁸ X – в письмах стандартное обозначение слова kiss (“поцелуй”, “целую”).

²⁹ Это и второе (см. ниже) письмо тете Пэтти написаны в подражание Найджелу Моулсуорту – герою серии юмористических книг (1953–58) Джейффири Уилланса с иллюстрациями Рональда Серла, рассказывающих о жизни начальной школы-пансиона Сент-Кастардс. Найджел – ученик, от имени которого ведется повествование, и комический эффект

Завязалось у нас знакомство? Садишься в вагон с парнем, который держит в руках чакберриевские *Rockin' at the Hops* выпуска *Chess Records*, и еще под мышкой у него *The Best of Muddy Waters*, – заведешь знакомство как миленький. Он – владелец сокровищ Генри Моргана. Настоящих трофеев. Сам я не представлял, где такое берется. Теперь я понимаю, что один раз я его уже раньше встречал – снаружи здания дартфордской мэрии, где он устроился на лето продавать мороженое. Ему должно было быть лет пятнадцать, как раз перед окончанием школы – за три года до того, как мы наконец замутили *Stones*, потому что он только что случайно упомянул, что иногда выплясывал в этом месте, распевая Бадди Холли и Эдди Кокрана. У меня в тот день что-то щелкнуло, и я вспомнил. Я купил у него шоколадное. Наверное, в вафельном рожке, не знаю – прошу оправдать за давностью содеянного. И потом он больше мне на глаза не попадался – до той судьбоносной встречи на вокзале.

Так вот, и он садится в поезд с этим богатством. “Блин, ты где это достал?” Как всегда, все разговоры только о дисках. С моих одиннадцати-двенадцати так повелось: у кого что есть, с тем и тусуешь. Это были наши драгоценности. Прибавлять к коллекции два-три новых сингла каждые полгода или около того – я на большее не рассчитывал. А он говорит: “Ну, у меня тут адрес есть”. Он к тому времени уже писал прямо в Чикаго, и анекдот в том, что заказы попадали к Маршаллу Чессу, который тогда подрабатывал летом у отца в отделе корреспонденции, а потом, в будущем, стал президентом *Rolling Stones Records*. В общем, это был посылторг, как в *Sears Roebuck*³⁰. Мик где-то добрался до их каталога, про который я ничего не знал. И мы заговорили. Вроде он тогда еще пел в маленькой группе, снимавшей вещи Бадди Холли. Я ничего о них не слышал. Я сказал: “Ну, я тоже тут поигрываю”. Потом: “Заходи к нам, сыграешь с нами что-нибудь новенько”. Я чуть ни проехал Сидкап, потому что переписывал матричные номера дисков Чака Берри и Мадди Уотерса, которые оказались у Мика с собой. *Rockin' at the Hops: Chess Records, CHD-9259*.

Мик даже ходил на Бадди Холли, когда тот играл в *Woolwich Granada*³¹. И кстати, из-за таких вещей я к нему и привязался. А также потому, что он имел намного больше контактов, и потому, что у этого парня была коллекция реальных ништяков! Ведь я тогда болтался где-то на периферии процесса. По сравнению с Миком я был пусты и не полный, но пентюх. А у него уже было все схвачено в Лондоне… он учился в Лондонской школе экономики, ассортимент знакомых тоже был пошире моего. А я сидел без денег, да, в общем, и без информации. Максимум почитывал журналы типа *New Musical Express*: “Эдди Кокран выступает с Бадди Холли”. О, круто! Вырасту – сам куплю себе билет. Конечно, к тому времени они уже все загремели на тот свет.

Почти сразу после нашей встречи мы стали собираться вдвоем, он начинал петь, я начинал играть, а дальше: “Эй, неплохо, а?” Причем не было никакого напряга: нам было не на кого производить впечатление, кроме самих себя, а впечатлять самих себя мы и не думали. В самом начале, когда нас было только двое, мы брали, допустим, новую вещь Джимми Рида, я выучивал аккорды, Мик выучивал слова, мы что-то изображали, а потом просто сидели и разбирали получившееся, как это могут делать между собой два человека. “Здесь вот так?” – “Да, так и есть, точняк!” И нам это нравилось. Думаю, мы оба понимали, что это такое наше образование, и здесь нам самим хотелось учиться, потому что это в десять раз лучше, чем школа. Видимо, главное для нас тогда было – разгадать, как же это сделано и как самим получить такой же звук. Когда начинаешь, есть только неуемное желание сыграть так же

книг во многом достигается за счет манеры его письма: сумбурной, местами псевдоглубокомысленной, пренебрегающей орфографией и пунктуацией, передающей восклицания фразами из прописных букв, изобилующей междометиями и своеобразным школьным жаргоном. Ричардс отступает от этой манеры только в соблюдении орфографии.

³⁰ Одна из старейших американских розничных сетей, начинавшая свою деятельность в конце XIX века с обслуживания заказов по фирменным каталогам, а затем открывшая универсальные магазины по всей стране.

³¹ Кинотеатр в южном Лондоне.

круто, так же в тему. Дальше ты сталкиваешься с парнями, которые живут точно тем же. И через них завязываешься с другими музыкантами, другими людьми и тогда начинаешь понимать, что это реально, что у тебя тоже все получится.

Пока *Stones* потихоньку собирались – и до этого, – мы с Миком проводили так время около года, вместе охотясь за пластинками. Тогда было немало таких же охотников, которые рыскали здесь и там и пересекались друг с другом в пластиночных магазинах. Если не было денег, ты просто торчал там и поддерживал беседу. Но Мик еще имел свои блюзовые контакты. Тогда существовало несколько собирателей, у которых задолго до остальных был налажен канал связи с Америкой. Был такой Дейв Голдинг в Бекслихите, который контактил со *Sue Records*, благодаря чему мы слышали, правда, уже чуть позже, людей вроде Чарли и Инес Фокс, классической соул-пары, которые прогремели с песней *Mockingbird*. У Голдинга была репутация обладателя крупнейшей коллекции соула и блюза в юго-восточном Лондоне и даже за его пределами, и Мик завел с ним знакомство. Так что он, так сказать, вращался в кругах. Он не воровал пластинки, кассет и бытовых магнитофонов еще практически не существовало, но иногда можно было найти способ, договориться, чтобы кто-то сделал для тебя копию того-то или того-то на катушечном *Grundig*. И что за замороченный народ. Тусовка блюзовых всезнаек в 1960-х – это, конечно, была картина. Они собирались группками, как первые христиане, только в другом антураже – в гостиных юго-восточного Лондона. И между ними совсем не обязательно имелось что-то общее, кроме их страсти, там терлась публика всех возрастов и профессий. Чудноватое ощущение, когда входишь в комнату, где никому ни до чего нет дела, кроме того, что вот, чувак принес и поставил нового Слима Харпо, и этого достаточно, чтобы всех сплотить.

Постоянно обсуждались матричные номера, начинались эти приглушенные разговоры о таком-то и таком-то шеллаковом пласте, и тот, который у тебя, – он из оригинального, фирменного тиража или нет. Постепенно доходило до споров с пеной у рта по этому поводу. Мы только переглядывались с Миком через всю комнату и ухмылялись, зная, что мы-то пришли сюда, только чтобы побольше разведать о новой партии дисков, которая прибыла накануне и о которой мы успели пронюхать. Реально нас притягивало другое: “Черт, вот если б мне так играть!” Но с кем же приходилось общаться, чтобы заполучить последнего Литтл Милтона! Настоящие блюзовые туристы были очень занудным и консервативным народом, пузырившимся от неодобрения, все эти ботаники в очках, которые решали, что настоящий блюз, а что фуфло. Я имею в виду – кто эти чувачки, они что-то могут знать? Сидят себе посреди Бекслихита в Лондоне, на дворе холодрыга с дождем, и тут же *Diggin' My Potatoes*?³² Половина песен, которые тут ставят, – они понятия не имеют, о чем в них поется, а если бы вдруг до них дошло, они бы в штаны наделали. У них была своя идея, что такое блюз, в их представлении играть блюз могли только черные люди от сохи. Что ж, плохо ли, хорошо ли, такая у них была страсть.

И конечно же, это была и моя страсть, только разговаривать про нее я был не готов. Я не начал ничего доказывать, я просто говорил: “Можно мне копию сделать? Я в курсе, как это играется, просто самому надо проверить”. В принципе это все, для чего мы жили. На том этапе было весьма маловероятно, чтобы из-за какой-нибудь самой сногшибательной цыпочки я мог упустить шанс послушать нового Би Би Кинга или Мадди Уотерса.

* * *

На выходных Мик иногда забирал родительский “Триумф Хералд”, и, я помню, один раз мы с ним отправились в Манчестер, чтобы попасть на большое блюзовое шоу: тут тебе

³² Блюзовый стандарт; в переводе – “У меня воруют картошку”.

были и Сонни Терри, и Брауни МакГи, и Джон Ли Хукер, и Мадди Уотерс впридачу. На него мы хотели посмотреть особенно, но Джон Ли тоже был в приоритете. Там участвовали и другие типа Мемфиса Слима – это было целое ревю, которое каталось по всей Европе. И когда вышел Мадди – акустическая гитара, репертуар из дельты Миссисипи, – он выдал фантастические полчаса. А потом был перерыв, и он возвращается с электрическим составом. И его чуть не прогнали со сцены ором и гиканьем. Он пропахал их как танк, почти как примерно годом позже это сделал Дилан в Манчестерском зале свободной торговли. Однако принимали его враждебно – и тогда я понял, что люди на самом деле не музыку слушать пришли, им просто хотелось быть частью этой узколобой мафии. А Мадди с бэндом играли отлично. Коллектив был феерический: с ним тогда играл Джунior Уэллс, и Хьюберт Самлин, по-моему, тоже. Но для этой публики блюз был блюзом, только если на сцену поднимался кто-то в потертом синем комбинезоне и пел о том, как от него ушла женщина. Никто из этих пурристов не мог сыграть и ноты, но их правильный негр должен был ходить в комбинезоне и говорить: «Слушаю, босс». А в реальности они просто были городские ребятки, которые настолько глубоко в теме, что просто света белого не видно. При чем здесь вообще электричество? Мужик играет все те же ноты, просто теперь погромче и понапористей. Но нет: «Идите на хуй со своим рок-н-роллом». Им хотелось застывшего времени, они не понимали, что все, что они слушают, это только часть общего процесса – что бы ни происходило раньше, в будущем все опять поменяется.

Время было такое – страсти кипели вовсю. Дело не ограничивалось модами против байкеров или брезгливыми взглядами, которые бросали на нас, рок-н-ролльщиков, насторожившиеся трад-джазеры. Вспыхивали такие микросклоки, которые сейчас почти немыслимо представить. В 1961 году Би-би-си делала прямую трансляцию с джазового фестиваля в Бьюли, и им пришлось реально обрубить вещание, потому что фанаты трад-джаза и современного джаза начали мочить друг друга со всей дури, и толпа стала неуправляемой. Пуристы воспринимали блюз как часть джаза, поэтому, завидев электрогитару, начинали подозревать измену – целая богемная субкультура считала, что ей угрожает шпана в кожаных куртках. Во всем этом явно была и политическая подоплека. Аллан Ломакс и Юэн Мак-Колл – исполнители и знаменитые собиратели фольклорных песен, которые были патриархами и одновременно идеологами бурного фолк-движения, – по-марксистски считали, что музыка принадлежит народу и ее нужно защищать от разлагающего влияния капитализма. Вот почему «коммерческое» сделалось в то время таким грязным словом. Вообще взаимный лай в тогдашней музыкальной прессе напоминал всамделишные политические баталии со словечками типа «продажный», «поставщики отбросов», «установленное убийство». Велись совершенно дурацкие дискуссии о том, что подлинное, а что не очень. И все-таки правда заключалась в том, что у блюзовых артистов в Англии действительно имелась своя аудитория. В Америке большинство из них были приучены играть кабаретные номера, которые, как они быстро обнаружили, не очень здорово принимаются в Соединенном Королевстве. Но здесь можно было играть блюз. Биг Билл Брунзи просек, что может зашибить немного бабла, если бросит чикагский стиль и будет выдавать перед европейской публикой сельского блюзмена. Половина этих черных парней так и не вернулась в Америку – они видели, что если дома их держат за говно, то в какой-нибудь Дании бабы просто в очередь выстраиваются, лишь бы их ублажить. Что они там забыли, дома? После Второй мировой стало ясно, что в Европе, в Париже уж точно, они могут рассчитывать на приличное обращение – вспомнить хоть Джозефин Бейкер, Чемпиона Джека Дюпри или Мемфиса Слима. Немудрено, что в 1950-е Дания превратилась в порт приписки для стольких джазовых музыкантов.

* * *

У нас с Миком было абсолютно одинаковое музыкальное чутье. Между собой нам не требовалось ничего переспрашивать или объяснять, все происходило без слов. Мы слышали что-то достойное и моментально переглядывались. Главное было в звуке. Слушали что-нибудь сразу: это не то. Туфта. А вот это – вещь. Было либо оно, либо не оно, неважно, о какой музике шла речь. Мне сильно нравилась кое-какая поп-музыка, если это было оно. Но существовала четкая политика: это тема, это ложа, все очень строго. Поначалу для нас с Миком, я думаю, история выглядела так, что нам типа нужно еще набраться знаний, еще полно всего неслышанного, потому что потом мы забурились в ритм-энд-блуз. Притом мы любили попсовые вещи. *Ronettes, Crystals*, да побольше, побольше – я мог их слушать ночами напролет. Но, как только мы выходили на сцену и пробовали изобразить что-нибудь эдакое, все сразу чувствовалось. Типа “иди в свой чулан со швабрами и больше не вылезай”.

Я искал во всем этом самое нутро – экспрессию. Не случилось бы никакого джаза без блюза³³, то есть без тоски, рожденной в рабстве, причем при конкретной, последней версии рабства, потому что, к примеру, страдания нас, бедных кельтов, под римским сапогом здесь ни при чем. Этих людей обрекали на жизнь в мучениях, и не только в Америке. Но выжившие и их потомки произвели на свет что-то очень первозданное. Это не то, что ты выпускаешь в себя через голову, это то, что воспринимаешь нутром. Это уже по ту сторону музыкальной формы, которая сама, кстати, очень разнообразна и изменчива. Вариантов блюза уйма. Есть очень легкий тип блюза, есть очень тягучий болотный блюз, и болото – это в принципе именно то место, где я обитаю. Послушайте Джона Ли Хукера. Его манера игры очень архаична. Аккордовая последовательность почти никогда не соблюдается – подразумевается, но не играется. Если он играет с кем-то еще, то этот другой переходит на следующий аккорд, а Джон Ли остается где был, уперто давит свое. И чувствуется, что его не сдвинуть. И еще одной важнейшей вещью, кроме обалденного голоса и его неотвязной гитары, было это знаменитое притоптывание, крадущийся королевский змей³⁴. Он специально возил с собой деревянный брускок, чтобы усиливать отдачу от ноги. Бо Диддли был еще один упертый, который любил выдавать только один корневой аккорд, и единственное, что меняется, – это то, как ты его играешь, плюс вокал. Вообще-то я во всем этом начал понимать только потом. Тогда тебя просто брала мощь голоса – Мадди, Джона Ли, Бо Диддли. Он не обязательно был громкий, он просто шел откуда-то совсем из глубины. В пении участвовало все тело, они пели даже не сердцем, они пели печенькой. Меня это всегда впечатляло. Вот, кстати, почему есть такая разница между блюзовыми вокалистами, которые не играют на инструменте, и вокалистами играющими, будь то пианино или гитара, – потому что им приходится вырабатывать свой собственный стиль вопроса-ответа. Тебе нужно что-то пропеть и потом нужно сыграть фразу, которая отвечает на строчку либо задает еще один вопрос, и тогда ты разрешаешь мелодическую фигуру. Из-за этого твой тант и твоя фразировка трансформируются. Если ты солируешь как вокалист, тебе свойственно сосредотачиваться на пении, и чаще всего, дай бог, это к лучшему, но иногда где-то это может зайти слишком далеко, оторвать тебя от музыки.

Как-то раз, совсем скоро после нашего нового знакомства, мы с Миком отправились на море и играли там в местном пабе. Мы тогда присоединились к моим родителям, которые на выходные уехали отдыхать в Девон. Для рассказа об этом необычном происшествии пона-

³³ Первое значение слова *blues* – подавленность, тоска.

³⁴ Имеется в виду *Crawling King Snake* – название одной из самых известных песен Джона Ли Хукера, где важной частью акустической инструментовки является отбивающий (ладонями, ногой) ритм.

добится вызвать призрак Дорис, потому что сам я мало чего помню. Но мы с Миком наверняка что-то видели для себя в перспективе, иначе зачем бы мы вообще стали это делать.

Дорис: В одно лето, когда Мику с Китом было по шестнадцать или семнадцать, они приехали к нам в Бисэндс, в Девон, погостить на выходные. Добирались из Дартфорда на автобусах. Кит приехал со своей гитарой. А Мику у нас была скука смертная. Он только говорил: “Женщин нет вообще, ни одной женщины”. Там у нас было совсем безлюдно. Прелестное место. Мы снимали коттедж на берегу. Мальчики выходили и ловили макрель прямо напротив входа в дом. Продавали ее по шесть центов за рыбину. Заняться им особо было нечем. Купаться разве... Они решили сходить в паб, потому что у Кита была с собой гитара. Местные все удивлялись, как он уже хорошо играет. Потом мы отвезли их домой на машине. Обычно на “Воксхолле” это было восемь – десять часов ходу. А потом, разумеется, сел аккумулятор, да ведь? Фары не светили. Помню, мы подъехали к дому миссис Джаггер на Клоуз³⁵. Она на него набросилась: “Где ты был? Почему так поздно?” Да уж, обратный путь был просто жуткий.

Мик тусовался с Диком Тейлором, своим приятелем по гимназии, который теперь тоже учился в Сидкапе. Я пристроился к их компании в конце 1961-го. С ними еще был Боб Бекуит, гитарист, у которого имелся собственный усилитель, что делало его суперважным человеком. На заре нашего музыкантства такое бывало довольно часто: один усилитель пропускал через себя три гитары. Мы назывались *Little Boy Blue and the Blue Boys*. Моя гитара, на этот раз хефнеровский арчтоп с “эфами” и стальными струнами, была *Blue Boy* – слова, написанные на деке, – и поэтому я был *Boy Blue*³⁶. Мой первый инструмент со стальными струнами. Ее можно увидеть только на фото с клубных концертов, еще до нашего взлета. Я купил ее подержанной в магазине Айвора Майранца рядом с Оксфорд-стрит. Что она уже побывала в чьих-то руках, было ясно по потертостям и отметинам от пота на накладке грифа. В таких случаях всегда видишь, что он либо играл над самой декой, топтался пальцами между ладами, либо был аккордным игроком. Это как карта, как сейсмограмма. И я посеял ее потом в лондонском метро, то ли на ветке “Виктория”, то ли на “Бейкерлу”. Но где еще ей было лучше обрести последний покой, как не на “Бейкерлу”? Моя долго не заживавшая рана.

Собирались мы в гостиной у Боба Бекуита в Бекслихите. Один-два раза Дик Тейлор пускал нас к себе. На том этапе Дик очень прилежно штудировал блюз, его даже можно было принять за туриста, что, правда, не помешало ему через пару лет стать одним из *Pretty Things*. Он был что надо, хороший музыкант с правильным звуком. Но он относился к блюзу очень по-академически. С другой стороны, это было неплохо, потому что нас всех немного болтало в стороны. Мы влегкую могли завести *Not Fade Away*, или *That'll Be the Day*, или *C'mon Everybody*, или сразу *I Just Want to Make Love to You*³⁷. В наших глазах все это было по сути одно и то же. У Боба Бекуита имелся Grundig, и на нем мы сделали первую в истории пленочную запись наших коллективных усилий, впервые попробовали на себе, что такое “писаться”. Мик как-то подарил мне копию этого дела – выкупил ее на аукционе. Древняя бобина, качество звука ужасное. В нашу первую подборку входили чауберриевые *Around and Around* и *Reelin' and Rockin'*, *Bright Lights, Big City* Джимми Рида плюс украшение всей сессии – *La Bamba* со словами на миковском псевдоиспанском.

³⁵ *The Close* – тупиковая улица, застроенная частными особняками, в дартфордском пригороде Уилмингтоне.

³⁶ *Little Boy Blue* – одно из традиционных английских стихотворений для детей (*nursery rhymes*). В названии группы обыгрывается слово “блюз”.

³⁷ Две первые песни, принадлежащие Бадди Холли, и третья, принадлежащая Эдди Кокрану, – рок-н-роллы, четвертая, принадлежащая Мадди Уотерсу, – чикагский электрический блюз.

* * *

Ритм-энд-блюз был нашими воротами в большой мир. Сирил Дэвис и Алексис Корнер стали первыми работать в клубном формате – им удалось выбрать один вечер в неделю у илингского джаз-клуба, где теперь могли кучковаться фанаты ритм-энд-блюза. Без них, может, ничего бы и вообще не было. Туда наконец смогла ходить вся блюзовая община, все коллекционеры Бекслихита. Люди читали рекламу в журналах и съезжались аж из Манчестера и Шотландии, лишь бы пообщаться с братьями по вере и послушать корнеровский *Blues Incorporated*, в котором, кстати, стучал юный Чарли Уоттс и иногда сидел за клавишами Иэн Стюарт. Именно там я в них двоих и влюбился! В то время почти никто не пускал к себе играть такую музыку. Только в Илинге у нас была возможность встречаться, чтобы обмениваться идеями и пластинками или просто так зависать. Ритм-энд-блюз в 1960-е имел очень важный смысл. Тогда ты либо был из блюзово-джазовых, либо из рок-н-рольных, но рок-н-ролл умер и опопсели – его выпотрошили начисто. И мы вцепились в ритм-энд-блюз, потому что под этой рубрикой проходили очень мощные блюз-джамповые группы из Чикаго. Он ломал перегородки. Мы теперь могли умаслить туристов, которым нравилась наша музыка, но было боязно это показать, – мы говорили им, что это не рок-н-ролл, это ритм-энд-блюз. Абсолютно идиотская классификация, учитывая, что это одна и та же херь – зависит только от того, как сильно ты бьешь в слабую долю или насколько яркая у тебя подача.

Алексис Корнер был папой лондонской блюзовой сцены. Сам он был игрок невеликий, но щедрая душа и настоящий покровитель начинающих талантов. И еще что-то вроде интеллектуала от музыки. Он читал лекции по джазу и блюзу в таких местах, как Институт современного искусства. Он работал на Би-би-си – диджеил и брал интервью у музыкантов, что практически означало, что у него был личный контакт с Богом. Свою музыку он знал вдоль и поперек и знал каждого музыканта, кто хоть чего-то стоил. Происхождение у него было частично австрийское, частично греческое, а вырос он вообще в Северной Африке. Лицом Алексис сильно смахивал на цыгана, особенно при длинных баках, но разговаривал таким очень густым, очень четким аристократическом голосом.

Бэнд у Алексиса был шикарный. Сирил Дэвис играл как черт, один из лучших харперов за всю историю. Сирил начинал трудовой путь рихтовщиком в автомастерской в Уэмбли, и то, как он вел себя, какое он производил впечатление, было в точности тем, чего ты ожидал от рихтовщика из Уэмбли, плюс, конечно, ненасытная тяга к бурбону. У него была особенная аура, потому что он успел побывать аж в самом Чикаго, где видел и Мадди, и Литтл Уолтера и откуда приехал с нимбом над головой. Сирилу никто не нравился. Ему не нравились мы, потому что он чувствовал ветра перемен и, естественно, сопротивлялся. Он очень скоро умер, в 1964-м, но еще до смерти, в 1963-м, успел убежать от Алексиса и собрать *R&B All-Stars* с еженедельным ангажементом в *Marquee*.

Илингский клуб был заведением трад-джазеров, который по субботам оккупировали *Blues Incorporated* и его присные. Затхлый зальчик, в котором на полу иногда было ступить некуда от накапавшего конденсата. Он располагался под илингской станцией метро, и крыша над сценой представляла собой один из этих вымощенных толстыми стеклянными блоками полов, поэтому у тебя над головой всегда кто-то ходил. Время от времени Алексис говорил: «Не хотите выйти поиграть?» И ты играешь на электрогитаре по щиколотку в воде и только надеешься, что все как следует заземлено, потому что иначе будет фейерверк. Мое хозяйство всегда держалось на честном слове. Электроструны, когда я до них дослужился, обходились недешево. Если одна рвалась, ты имел в запасе обрывок другой, приматывал его, прилаживал обратно – и оно работало! Если струна хотя бы дотягивала до верхнего порожка, ты делал

узел сразу за ним и наращивал ее, чтобы достать до колка. От этого даже менялась настройка! Полструны здесь, полструны там. Спасибо тебе, Господи, за скаутские вязальные навыки!

В моем хозяйстве была такая штука, которая называлась датчик ДеАрмонда. Уникальная штука. Можно было закрепить ее над декой и передвигать вверх-вниз по направляющей. У тебя не было отдельно звучка для низов и звучка для верхов. Если ты хотел звук помягче, ты придвигал эту херовину выше к грифу – здесь получалось больше басов. Если ты хотел звук попронзительней, ты сдвигал его по штырю обратно вниз. И конечно, проводам от этого ерзанья лучше не становилось. Я раньше носил с собой паяльный набор на случай аварии, потому что, когда все время двигаешь звучок туда-сюда, он долго не выдерживает. И я что-то вечно перелатывал и перепаивал с обратной стороны усилителя – у меня был *Little Giant* размером с радиоприемник. Я, кстати, обзавелся комбиком в первых рядах. До того мы все использовали магнитофоны. Дик Тейлор вообще втыкал гитару в сестринский бушевский проигрыватель. А моим первым усилителем стало радио – я разобрал его на части. Мать разозлилась жутко. Радио не работает, потому что я его расковырял и сижу втыкаю – 3-3-3-3, – надеясь, что зазвучит. В одном отношении это была хорошая школа на будущее – подгоняешь себе звук, подбираешь, какая гитара идет к какому усилителю. Мы же начинали на голом месте, с ламп и трубок. Иногда вынешь эту лампу, и получается такой сальный, грязный звук, потому что грузишь аппарат и он должен впахивать сверхурочно. Если вставить обратно двухдиодную лампу, звук выходит поприятнее, почище. Потому-то меня всю дорогу и долбало током – вечно забывал отрубить эту херотень от сети перед тем, как лезть внутрь.

* * *

Брайана Джонса мы в первый раз встретили тоже в Илингском джаз-клубе. Он там представлялся Элмо Льюисом – хотел быть вторым Элмором Джеймсом. “Ага, парень, только сначала загори как следует и подрасти на пару дюймов”. Но слайд-гитара в Англии была настоящей экзотикой, а Брайан как раз в тот вечер вышел с ней. Он исполнил *Dust My Broom*³⁸, и это было мощно. Играли он на зависть, мы остались под большим впечатлением. Мик, кажется, первый поднялся к нему, заговорил и выяснил, что у Брайана свой состав, большая часть которого рассосалась в следующие несколько недель.

Мы с Миком приходили в клуб и на пару исполняли чакберриевские номера, что вывело из себя Сирила Дэвиса, который считал, что все это рок-н-ролл и в любом случае он такое не играет. Когда начинаешь играть на публике и играешь с кем-то, кто делал это раньше, ты болтаешься где-то внизу иерархии и всегда чувствуешь, что тебя проверяют. Ты всегда должен приходить вовремя, твоя техника всегда должна работать – что в моем случае было редкостью. Ты должен соответствовать. Незаметно для себя ты оказался в солидной компании и можешь забыть о том, как валял дурака по школьным спортзалам. Блин, ты теперь профи. Ну как минимум полупрофи – профи минус заработка.

* * *

Где-то тогда же закончилась моя худшкола. После выпуска преподаватель говорит: “Что ж, по-моему, совсем недурно”, и тебя посыпают в *J. Walter Thompson*. Ты договариваясь о собеседовании, но на подходе уже в принципе знаешь, что тебя ждет: три-четыре пижона в дежурных бабочках. “Кит, да? Очень приятно. Ну-с, покажите, что вы нам привнесли”. И ты достаешь им свою потасканную папку. “М-м-м. Что ж, мы все внимательно

³⁸ Одна из самых известных вещей в исполнении Элмора Джеймса.

просмотрели, и, надо сказать, кое-что довольно перспективно. А кстати, как насчет приготовить чайку – справитесь?” Я сказал, что справлюсь, только не для них. Встал и вышел, прихватив свое портфолио – зеленого цвета, как сейчас помню, – а внизу у входа сунул его в урну. Это была моя последняя попытка вписаться в общество на его условиях. Отставка номер два. У меня не было ни терпения, ни способностей, чтобы заделаться поденщиком в рекламном агентстве. Заварщик чая – здесь это был мой потолок. Я держался не особенно любезно на собеседовании. Фактически мне нужен был предлог, чтобы самого себя выпроводить, чтобы оставить себе единственный выход – музыку. Я думал: о'кей, у меня два свободных года, армия побоку. Буду блюзменом.

На первую репетицию того, что потом стало *Stones*, я отправился в незнакомое мне злачное место в Сохо под названием *Bricklayers Arms*. Это было, если память не врет, в мае 1962-го, в один по-летнему погожий вечер. Место за углом от Уордор-стрит – Стриптиз-аллеи так называемой. Добираюсь, с гитарой в нагрузку. И как раз паб только-только открылся. Типовая барменша в летах с выцветшим пергидром, вокруг едва-едва клиентов, выдохшееся пиво. Завидев мою гитару, она бросает: “Тебе наверх”. И тут я слышу это буги-пианино, эту охуенную тему – не то Мид Лакс Льюис, не то Алберт Аммонс³⁹. И внезапно я как бы в другой реальности. Я чувствую себя музыкантом, хотя даже еще никуда не дошел! Я все равно что оказался посреди Чикаго или Миссисипи. Надо бежать наверх и познакомиться с человечищем, который такое играет, и я обязательно должен играть с ним вместе. И если мне окажется не по зубам, то все, надо завязывать. Я вправду все это чувствовал, пока поднимался по тем ступенькам, скрип-скрип-скрип. В каком-то смысле я поднялся по тем ступенькам и спустился уже другим человеком.

Иэн Стюарт был один в комнате, в качестве основной мебели – кушетка с конским волосом, лезущим из треснувшей обивки. Сам Иэн в тирольских кожаных шортах. Он играет на пианино, а спиной развернут ко мне, потому что смотрит в окно на свой мотоцикл, который пристегнут цепью к парковочному счетчику, проверяет, чтоб не сперли. И тут же наблюдает за бегающими между дверями клубов стриптизершами с круглыми шляпными картонками и напяленными париками: “У-у-у, класс”. И параллельно из-под его пальцев гремит этот леройкарровский галоп⁴⁰. А на пороге стою я со своим пластиковым гитарным кофром. Как вкопанный. Ощущение, что меня вызвали к директору школы. Все, на что я мог надеяться, – это что мой комбик на сей раз не закапризничает.

Стю попал в Илингский клуб, когда увидел объявление, которое Брайан Джонс напечатал в *Jazz News* весной 1962-го для музыкантов, хотевших собрать ритм-энд-блюзовую группу. Брайан и Стю начали пробовать репетировать с кучей разных музыкантов, и каждый вносил два фунта в оплату комнаты над пабом. Увидев пару наших с Миком номеров в Илингском клубе, он пригласил нас присоединиться. Точнее говоря, по воспоминаниям Стю, Мик – надо отдать ему должное – приходил на репетиции и раньше, но заявил, что, если Кит не участвует, он тоже не участвует. И вот: “О, смотри-ка, добрался наконец”. Мы заговорили, и он тут же выдает: “Ты ведь не собираешься мне тут рок-н-ролл лабать, а?” У Стю имелись огромные сомнения, на рок-н-ролл он смотрел очень косо. Я говорю “ага” и начинаю играть Чака Берри. Стю удивился: “О, ты знаешь Джонни Джонсона?” – это был пианист у Берри, – и дальше мы пустились во все тяжкие, завели буги-вуги. Больше ни на что не отвлекались. Чуть погодя стали подтягиваться остальные. Не только Мик и Брайан. Джейфф Брэдфорд, очень недурной блюзовый слайд-гитарист, который успел поиграть с Сирилом Дэвисом. Брайан Найт, фанат блюза, со своим главным номером *Walk On, Walk On*⁴¹ – он

³⁹ Пианисты, исполнители джазового буги.

⁴⁰ Лерой Карр – пианист, исполнитель блюзового буги.

⁴¹ Песня Сонни Терри и Брауни МакГи.

делал его как надо, самое оно. Так что Стю мог бы спокойно играть со всеми этими чуваками – мы вообще-то стояли в хвосте кандидатской очереди, Мика и меня позвали только на пробу, прицениться. Остальные играли по клубам с Алексисом Корнером, они были в теме. На их фоне мы с Миком выглядели салагами. И до меня дошло, что Стю надо принять решение, хочет ли он связываться с этими настоящими умельцами традиционного фолк-блюза. Потому что к тому моменту я сыграл ему немного горячего буги-вуги и немного Чака Берри, комбик не подвел. И к концу вечера я уже знал, что нашей группе быть. Никто ничего не сказал, но я знал, что Стю за меня зацепился. Джейф Брэдфорд и Брайан Найт стали очень успешным блюзовым бэндом после *Stones*, они назывались *Blues by Six*. Но они по сути были традиционалистами, которые не собирались играть ничего другого, кроме того, что знали: Сонни Терри и Брауни МакГи, Биг Билл Брунзи. Видимо, в тот день – после того как я спел ему *Sweet Little Sixteen* и *Little Queenie* и он мне подыграл – Стю стало ясно, что соглашение между нами достигнуто, без единого сказанного слова. Мы просто пришли друг другу по душе. “Ну так что, мне приходить?” – “До вторника”.

Иэн Стюарт. Я до сих пор работаю на него. Для меня *Rolling Stones* – его группа. Если бы не его знания и организаторские подвиги, если бы он не оставил вдруг то, к чему привык, чтобы рискнуть начать играть с этой бандой малолеток, где бы мы были? Я не знаю, что нас притягивало друг к другу. Но он абсолютно точно был главной движущей силой происходящего. Я считал Стю намного старше себя – на самом деле всего на три-четыре года, но тогда впечатление было другое. И еще он всех знал. Я не знал никого. Я только-только слез с дерева.

Думаю, ему начало нравиться в нашей компании. Он что-то чувствовал, какое-то энергетическое поле вокруг нас. Так что блюзовые мастера по ходу отвалились, и остались только Брайан, Мик, Стю и я плюс Дик Тейлор на басу. Поначалу это был костяк, и мы подыскивали барабанщика. Мы сказали: “Блин, вот бы заполучить этого Чарли Уоттса, если только это реально”, – потому что все считали Чарли ударником от бога. Стю пошел закидывать удочку. И Чарли сказал, что готов на любые концерты, которые ему предложат, но без денег он свои барабаны на метро таскать не будет. Он пообещал: если мы придем снова и скажем, что гарантируем пару оплачиваемых вечеров в неделю, он вписывается.

Стю был мощным, внушительного вида парнем с массивной выдвинутой челюстью, хотя при этом довольно привлекательным. Я уверен, что главным, что сформировало его характер, был как раз этот вид и то, как люди на него реагировали с самого детства. Он был такой отстраненный, очень себе на уме, без фантазий и при этом постоянно выдавал всякие несуразные фразочки. Например, быстро ехать у него называлось “идти на большой скорости узлов”. Его изначальное старшинство над нами, которое так навсегда и осталось, выражалось обращениями типа “давайте, ангелочки”, “чудиши мои трехаккордные” или “моя дермовая кучка”. Он ненавидел кое-что из моего рок-н-рольного репертуара. Джерри Ли Льюиса не выносил долгие годы: “Да ну, работа на публику одна”. В конце концов он подобрал к Джерри, пришлось ему сломаться и признать, что у Джерри Ли одна из самых лучших левых, которые он слышал. Но внешние эффекты и актерство были не по его части. Если ты играл в клубах, всякий выпендреж был побоку.

Днем Иэн в костюме и галстуке ходил на работу в *Imperial Chemical Industries* в районе набережной Виктории, и позже благодаря этому у нас были средства платить за репетиционную точку. Он отвечал кошельком за свои слова – точнее, за свои чувства, потому что разговаривать об этом он особо не любил. У него была одна-единственная фантазия, которая не давала ему покоя: он доказывал всем, что является истинным наследником владетелем Питтенуима – это такой рыбацкий городок через залив от гольфовых полей Сент-Эндрюса⁴².

⁴² На самом деле Питтенуим расположен на другой от Сент-Эндрюса стороне юго-восточного выступа полуострова

Он всегда чувствовал себя обманутым, обойденным из-за какого-то финта в шотландской генеалогии. С таким парнем не поспоришь. Почему фоно не вытягивало по громкости? Слушай, ты с кем разговариваешь? – с лэрдом Питтенуима. Другими словами, не стоит лезть с такими делами, понимаешь? Я однажды спросил: “Ну и какой тартан у клана Стюартов?” Он говорит: “О, черная клетка на белом с какими угодно цветами”. Всегда эти шуточки с бесстрастным лицом. Стю умел видеть вещи со смешной стороны. И именно ему приходилось разгребать говно после всевозможных наших заварух. Существовала масса народа, которая с технической точки зрения была в десять раз лучше, но при таком инстинкте, как у его левой руки, им никогда было за ним не угнаться. Может, он и был лэрдом Питтенуима, но его левая происходила прямо из Конго.

* * *

Брайан к тому времени уже сделал три ребенка трем разным женщинам и жил в Лондоне с последней, Пэт, и их дитем, наконец сбежав из Челтнема под свистящими вдогонку пулями. Они обитали в приснопамятном сыром подвале на Поус-сквер, где стены под потолком были все в грибке. Там-то я впервые и услышал Роберта Джонсона, после чего сделал Брайана своим наставником и погрузился с ним обратно в блюз. То, что я услышал, меня ошарашило. Гитарная игра, сочинение песен, подача – у Джонсона все это было поднято на немыслимую новую высоту. И в то же время у нас мешались мозги, потому что это игралось не ансамблем, это был один человек. Как у него вообще это получается? Тут мы стали врубаться, что народ, который мы снимали, Мадди Уотерс и остальные, тоже выросли на Роберте Джонсоне и просто перевели его музыку в бэндовый формат. Другими словами, они были его естественным продолжением. Роберт Джонсон был оркестр сам по себе. Кое-что из его лучших вещей сконструировано почти на баховском уровне. К сожалению, он накуролесил лишнего с женщинами и рано умер. Но какой выплеск вдохновения! Он давал тебе платформу, откуда можно плясать – и то же самое, однозначно, случилось раньше с Мадди и другими людьми, которых мы слушали. Что я понял про блюз и музыку вообще, копаясь в прошлом, так это то, что ничто не начинается из самого себя. Какая бы великая штука перед тобой ни была, это никогда не дело рук гения-одиночки. Чувак кого-то слушал, и то, что он выдает, – это его вариация на тему. И так ты вдруг понимаешь, что все переплетены между собой. Не бывает такого, что один бесподобен, а остальные – туфта, они все взаимосвязаны. И чем дальше ты забирался в музыку и историю, а с блюзом ты доходишь до 1920-х, потому что в принципе речь идет о записанной музыке, ты думаешь: слава богу, что есть звукозапись. Это лучшее, что с нами случилось с изобретения письменности.

Однако реальность тоже иногда вторгалась в нашу жизнь: в данном случае Мик как-то зашел навестить Брайана поддавший, обнаружил, что его там нет, и трахнул его женщины. Это вызвало сотрясение сейсмических масштабов, сильно перепахало Брайана и кончилось тем, что Пэт его бросила. Также Брайана вытурили из квартиры. Мик чувствовал, что немного виноват, поэтому он нашел жилье в одном занюханном коттедже в Бекенеме на одноэтажной пригородной улице, и мы все съехались туда жить. В это-то место я и перебрался в 1962 году, когда ушел из дома. Расставание было постепенное. Сначала я иногда оставался с ночевкой, потом пропадал на недели, потом выбыл с концами. Никаких торжественных проводов, никакого захлопывания калитки на прощанье.

Вот что по этому поводу сообщила Дорис.

Дорис: С восемнадцати до того, как он ушел из дома в двадцать, Кит сидел без дела – никакой работы, и потому отец его постоянно шпионал.

Постригись да найди себе работу. Я ждала, не переезжала, пока Кит не начал жить самостоятельно. Я бы не стала разъезжаться, пока Кит был там, – не могла же я его бросить, правда? Он бы сильно расстроился. И в тот день, когда я ушла, Берт был на работе, Кита со мной не было. Помню, держала в руках квитанцию на свет – я пошла и бросила ее обратно в почтовый ящик! Пусть Берт с ней разбирается. Мило я поступила, да? Билл купил квартиру на первом этаже, потому что я ему сказала, что собираюсь съезжать. Эти новые квартиры – их только еще отделяли, но он пошел, договорился со строителями, и мы въехали. У Билла водились кое-какие деньги, так что он заплатил все сразу. У меня в этой квартире появился первый в жизни телефон. Как-то вечером звоню я Киту. Он говорит: “Да?” А я говорю: “Кит, мы переехали в новую квартиру. У меня теперь телефон, правда здорово?” Но Кит явно не сильно обрадовался.

Как раз здесь, в Бекенеме, у нас непонятным образом начал собираться небольшой, но преданный коллективчик первых фанаток, среди которых была Халима Мохамед, моя первая любовь. Недавно один человек продал мне обратно дневник, который я вел в 1963-м, – кажется, единственный дневник за всю мою жизнь, скорее, это даже бортовой журнал нашей ранней, нищенской карьеры. Я, наверное, оставил его в одной из этих съемных квартир, с которых мы постоянно съезжали, и кто-то нашел его и хранил при себе все это время. Сзади, в обложечном кармане, оказалась крохотная фотка Ли – я ее так называл. Она была красавица, с чем-то индийским в наружности. Что меня всегда пробирало – это ее глаза и улыбка, и на фотке осталось и то и другое – так, как я ее запомнил. Она была по крайней мере на два или три года младше – пятнадцать, максимум шестнадцать – и англичанка по матери. Я никогда не видел ее отца, но помню, как повстречался с остальной семьей – заезжал за ней в Холборн и просто зашел поздороваться.

Я был влюблена в Ли. Наши отношения были до умиления невинными – может быть, потому, что если бы мы стали настоящей парой, нам пришлось бы делить комнату с другими, например Миком и Брайаном. И она была совсем еще девочка, которая жила с родителями в Холборне, единственный ребенок, как и я. Ей, наверное, много чего пришлось перенести при всех ее чувствах ко мне. Судя по всему, у нас был один разрыв, и потом мы помирились. “По второму кругу”, – уязвленно сообщает дневник.

Она была из ватаги девчонок, которые приились к нам в 1962 году. Откуда они взялись, так и не прояснилось, хотя из моего дневника понятно, что по крайней мере один раз мы пересекались в клубе Кена Койлера. В те дни никакого фан-клуба у нас не существовало, это был дофандлубовый период. Я даже не уверен, давали мы уже концерты или нет. Мы просто торчали у себя, упражнялись, осваивали что-то новенькое. И как-то скоро у нас осела компания из пяти-шести малолеток из Холбона и Бермондси. Они разговаривали на роскошном кокни-сленге, словами-перевертышами. Совсем юные девчонки, которые решили, что будут о нас заботиться. Они приходили, занимались стиркой, готовкой, а потом оставались на ночь и делали остальное. На самом деле не бог весть что – секс тогда в основном выглядел так: что-то холодновато, двигайся ко мне, газ кончился, шиллингов больше не осталось⁴³. Я был влюблена в Ли очень долго. Она так невозможно мило ко мне относилась. Это не было каким-то грандиозным сексуальным притяжением, мы просто прикипели друг к другу, что ли. В какой-то вечер мы, наверное, напились, и, кроме того, все ведь накапливается: случайно ловишь взгляд друг друга, и не отрываешь глаз, и понимаешь, что между

⁴³ В то время в Великобритании было распространено газовое отопление, расплачиваться за которое нужно было с помощью установленных в квартирах монетных счетчиков.

вами что-то есть, вопрос в том... можно перепрыгнуть эту пропасть? И в конце концов это обычно происходит. Плюс дневник утверждает, что она ко мне еще раз вернулась.

Она, наверное, была в тот вечер, когда мы давали первый концерт в качестве *Rollin' Stones* – название, которым Стю был сильно недоволен. Брайан, прикинув, сколько это будет стоить, позвонил в *Jazz News*, еженедельный журнальчик формата “кто где играет на неделе”, и сообщил: “Мы тут играем в...” “Мы – это кто? Вы же себя как-то называете?” Мы устали от друг на друга. “Мы?” Потом: “Это?” А денежка за звонок капает. Мадди Уотерс, выручай! Первый трек на *Best of Muddy Waters – Rollin' Stone*⁴⁴. Обложка валяется на полу. В отчаянии Брайан, Мик и я выпаливаем: *Rolling Stones*. Уф-ф! Сэкономили целый шестипенсовик.

Концерт! Алексиса Корнера с бэндом подрядили играть в живом эфире на Би-би-си 12 июля 1962 года, и он спросил, не сможем ли подменить его в *Marquee*. За барабанами в тот день сидел Мик Эвори, а не Тони Чэпмен, как это почему-то вошло в историю, Дик Тейлор был на басу. Роллинговское ядро: Мик, Брайан и я – мы отыграли наш сет-лист: *Dust My Broom, Baby What's Wrong? Doing the Crawdaddy, Confessin' the Blues, Got My Mojo Working*⁴⁵. Когда садишься с чуваками, и играешь с ними, и говоришь себе: “О-о-о, кайф!” – лучше этого чувства нет ничего на свете. После какого-то момента ты понимаешь, что реально ненадолго оторвался от земли и что ты сейчас неприкасаемый. Ты возносишься, потому что с тобой заодно люди, которые хотят того же самого. И если все сходится, блин, у тебя отрастают крылья. Ты знаешь, что тебя занесло туда, куда большинство никогда не попадет, – в очень особенное место. И потом тебе хочется туда снова, взлетать и приземляться, и, когда приземляешься, такой облом. Но тебе всегда хочется обратно ввысь. Это как пилотирование без лицензии.

⁴⁴ *Rolling stone* – буквально “катящийся камень”, отделившаяся часть пословицы *Rolling stone gathers no moss* (“Катящийся камень не обрастает мхом”), употребляется в значении “непостоянный, непоседливый человек”. Апостроф отражает особенность произношения.

⁴⁵ Песни, известные в исполнении соответственно Элмора Джеймса, Джимми Рида, Бо Дидали, группы Джая МакШенна и Мадди Уотерса.

Ранние Rolling Stones, клуб Marquee, 1963 год, с Иэном Стюартом, нашим создателем (верхний ряд, справа).

Dezo Hoffmann / Rex USA

Глава четвертая

Лето 62-го, Мик, Брайан и я на Эдит-гроув. Осваиваем чикагский блюз. Клубы: Marquee, Илингский, Crawdaddy. Сражения за территорию с трад-джазерами. Появляется Билл Уаймен со своим Vox. Башляют инягу в отеле Station. Мы заполучаем Чарли. Эндрю Луг Олдэм добывает нам контракт с Decca. Первый британский тур с Everly Brothers, Bo Diddley и Little Richardом; наша музыка утопает в визге и исступлении аудитории. Beatles дарят нам песню. Эндрю записывает меня и Мика на кухне, и мы сочиняем свою первую вещь.

Rolling Stones провели первый год своей жизни, шляясь по разным местам, воруя еду и репетируя. Мы сами платили за то, чтобы быть *Rolling Stones*. Место, где мы, то есть Мик, Брайан и я, жили – номер 102 по Эдит-гроув в Фулхэме, – было по-настоящему омерзительным. Мы почти сделали своим профессиональным долгом поддерживать его в таком состоянии, поскольку для того, чтобы поддерживать его в другом состоянии, наших средств не хватало. Мы въехали туда летом 1962-го и прожили год, в ходе которого перетерпели самую холодную зиму с 1740 года, как утверждают анналы. Шиллинги, которые мы скармливали счетчику за тепло, электричество и газ, доставались нелегко. У нас были матрасы и практически никакой мебели, один вытертый ковер. Фиксированная очередность использования двух кроватей и пары матрасов отсутствовала. Но в общем это значения не имело, потому что обычно мы все втроем просыпались на полу рядом с громадной радиолой, которую Брайан приволок с собой, – шикарной нагревавшейся бандурой эпохи 1950-х.

Мы просиживали штаны, занимаясь музыкой, в *Wetherby Arms*, что на Кингз-роуд в Челси. Я привычно отправлялся на зады кабака, прихватывал их пустую посуду и им же ее сдавал. За пивную бутылку можно было получить пару пенсов. По тем временам сумма довольно жалкая. Мы воровали бутылки и тогда, когда удавалось попасть куда-нибудь на вечеринку. Сначала проникал один, за ним остальная шайка.

Номер 102 по Эдит-гроув был веселым заведением. Три девицы под нами на первом этаже – студентки-педагогини из Шеффилда. Два гомика из Бакстона сверху. Мы занимали этаж посередине. Какого хрена мы делаем в Челси, живя между этими северянами? Просто какая-то открытка “Добро пожаловать в Лондон” – ни одного лондонца.

Педагогини из Шеффилда теперь, наверное, уже школьные директрисы. А в те дни это были греховодницы еще те. На что лично у нас времени особенно не было. Быстро влез, быстро вылез. Мик и Брайан спускались туда к ним, но я в эти дела никогда не впутывался – не нравились они мне. С другой стороны, я обнаружил, что они могут быть кстати. Если попросить, они могли кое-чего для тебя постирать. Либо же моя мамочка присыпала с Биллом наши чистые шмотки после ее демонстраций со стиральными машинами. Два начинавших гомика пропадали в пабах Эрлз-корта, общаясь с австралийскими гомиками, которых там тогда водилось несметно. Эрлз-корт был практически маленькой Австралией. И многие из них любили выставлять хозяйство напоказ, потому что в Лондоне можно было вести себя голубее, чем в Мельбурне, Сиднее или Брисбене. Парни сверху возвращались со своих вылазок в Эрлз-корт и начинали болтать с акцентом и словечками австралийцев. “Парни, я вообще-то думал, вы из Бакстона”.

Нашего сожителя звали Джеймс Фелдж – от него происходит половина нашего первого авторского псевдонима, Нанкер Фелдж. Нанкером называлось то, как выглядит лицо, когда его по-всякому растягивают и перекручивают с помощью пальцев, засунутых во все доступные отверстия, на что Брайан был великий мастер. Мы бросили клич со сцены Илингского клуба, что ищем соседа взять на себя долю квартплаты. Фелдж, скорее всего, предчувствовал, во что он вписывается. Он оказался, наверное, единственным человеком на планете, который был способен прижиться в этом хламовнике и даже перещеголять нас по части

непристойного поведения. В любом случае, видимо, никто больше не согласился бы жить с этой братией, которая колобродит ночи напролет, постоянно дроится со своими песнями и ищет, кто бы их пустил поиграть. Наедине друг с другом мы просто превращались в придурков. Ведь мы оставались еще в тинейджерском возрасте, пусть и на выходе из него. Все время брали друг друга на слабо: кто вытворит что-нибудь еще мерзотнее, чем остальные. Думаешь, меня от тебя стошнит? Смотри, показываю, как это делается. Мы возвращались домой с концерта, и Фелдж мог ждать наверху лестницы – “Добро пожаловать” – совсем голый, со своими вонючими трусами, надетыми на голову. Или ссать на тебя, или харкаться. Фелдж был умелец харкаться. Мокрота из всех мест, откуда он только мог ее собрать. Он любил заходить в комнату с огромной соплей, которая свисала из носа до подбородка, но в остальном держаться просто очаровашкой: “Привет, что поделываем? А это Андреа, а это Дженифер...” У нас были свои имена для каждого типа сморчков: Зеленый Гилбертс, Красный Джекинс. Габардин Хелмсман – это тот, о котором люди не подозревают: высморкнут, и он висит на лацкане, как медаль. Это был сморчок-победитель. Желтый Хамфри – еще один. Летучим Ви⁴⁶ назывался тот, который летел мимо носового платка. Люди в то время вечно ходили простуженные, у них постоянно что-то текло из носа, и они не знали, что с этим делать. И это точно был не кокаин, для него было еще рановато. Видимо, просто поганая английская зима.

Так как делать нам особо было нечего, концерты случались совсем редко, мы занимали себя изучением людей. И мы постоянно тырили что-нибудь из чужих квартир. Беги вниз и поройся в ящиках у соседок, пока их нет, может найдешь один-два завалявшихся шиллинга. Сортир мы оснастили микрофоном. Надо было только щелкнуть тумблером, если кто-то туда шел, особенно если одна из девиц снизу говорила: “Можно мне в ваш туалет?” – потому что их был занят. “Да, конечно”. “Быстро, включай!” И дальше, после “выступления”, когда дергали за цепочку, все звучало как грандиозная овация. Мы потом ее ставили. Финал каждого визита давал эффект как воскресный концерт в *London Palladium*.

Самый гнетущий ужас, по крайней мере у гостей, вызывала гора немытой посуды на “кухне”: субстанции, которые прорастали из этих залежей, замерзший жир на сваленных кастрюлях и сковородках – пирамиды мерзости, до которых было немыслимо дотронуться. И все-таки однажды, как это ни неправдоподобно, мы окинули взглядом этот срач, Фелдж и я, и подумали, что, наверное, нам ничего не остается, кроме как его разгрести. Учитывая, что Фелдж был одним из самых нечистоплотных людей на свете, решение было воистину историческое. Но в тот день нас элементарно задавили масштабы этого безобразия, так что мы сбегали вниз и стащили у педагогинь бутылку моющей жидкости.

На том этапе нищета казалась законом, чем-то незыблемым. Зима 1962-го стала крутым испытанием. Холодно было – жуть. И Брайану вдруг приходит в голову шикарная идея привлечь своего приятеля Дика, который состоял в территориальной армии⁴⁷ и получал какую-то денежку. Брайан его третировал безжалостно. Мы не возражали, потому что нам от этого тоже перепадало. В карманах-то у всех – полный голяк, хуевой монеты не отыщешь. Дик Хэтрелл – так его звали, родом из Тьюксбери. И Брайан чуть его насмерть не загонял. Он заставлял его таскаться за собой и за все платить. Жесть нечеловеческая. Он мог оставить его ждать снаружи, пока мы ели и расплачивались его деньгами. Даже меня с Миком передергивало, а мы с ним были твари довольно бессердечные. Иногда он допускал его к десерту. В Брайане реально сидела эта жестокая черта. Дик Хэтрелл – старый школьный кореш, а бегал за Брайаном как собачонка. Один раз Брайан запер бедолагу снаружи раздетого, а при этом идет снег, и тот умоляет, а Брайан только заливается, а я не могу подойти к окну – ломает от

⁴⁶ Flying V – название модели гитар с корпусом в виде буквы *V*, выпущенной на рынок в 1958 году фирмой Gibson.

⁴⁷ Territorial Army – добровольческая часть Британских вооруженных сил, привлекаемая на временной основе.

хочота. Этот парень – как он мог вообще позволить себя загнать в такое положение? Брайан утащил все его шмотки и потом выпер на улицу в одних трусах. В метель! “Какие еще двадцать три фунта? Ничего я тебе не должен, иди на хуй!” Он только что платил за нас весь вечер – мы пировали по-королевски. Ужас, ужас один. Я сказал: “Брайан, блин, это уже беспредел”. Брайан, бессердечная злобная сука. Только еще белесая и низкорослая. Интересно, что потом с этим Хэтреллом случилось. Если он пережил такое, он должен был пережить все что угодно.

Мы могли быть циничными, язвительными и грубыми, смотря по обстоятельствам. Мы ходили в одну местную забегаловку, которую прозвали “Эрни”, потому что там у всех было имя Эрни, по крайней мере так казалось. Скоро “Эрни” превратилось в погоняло для всего. “О господи, Эрни хуев”. Любой, кто считал, что должен выполнять свою работу, и упорно не хотел делать нам одолжения, становился “Эрни хуев”. Эрни был любой трудящийся человек. Думал только об одном, видите ли, – как бы денежку заработать.

Если б меня спросили, за какой трехмесячный период роллинговской истории я хотел бы найти дневник, я бы выбрал этот – момент, когда группа только вынашивалась. И я таки нашел этот дневник, с января по март 1963-го. Настоящим сюрпризом было то, что я вообще как-то фиксировал события в то время. Решающий отрезок истории: и появление Билла Уаймена, точнее, появление его воксовского усилителя с прикрепленным к нему Биллом, и еще как мы старались заарканить Чарли Уоттса. Я даже вел счет деньгам, которые мы зарабатывали на концертах: фунты, шиллинги, пенсы. Часто в дневнике просто стояло “0” – это когда мы играли за пиво на жалких ученических танцульках в конце триместра. Но среди записей также имеются 21 января, Илингский клуб – 0; 22 января, *Flamingo* – 0; 1 февраля, *Red Lion* – 1 ф. 10 ш. То есть, ну хоть дали поиграть, и то ладно. Когда есть концерты, жизнь прекрасна. Кто-то взял, позвонил, позвал играть! Ого, ничего себе! Не такие уж, значит, мы и лохи. Ну а в остальное время – привычный быт: магазинное воровство, собирание пивных бутылок, голодуха. Приходилось скидываться, чтобы купить гитарные струны, починить усилитель, заменить лампы. Даже чтоб держаться на нашем жалком уровне, затраты выходили непомерные.

Дневник – карманного формата. Внутри обложки чернилами жирно выведены слова: “Чак”, “Рид”, “Диддли”. Говорит само за себя. Это все, что мы тогда слушали. Только американский блюз: либо ритм-энд-блюз, либо сельский блюз. Кроме сна дома мы проводили каждый день и каждый час у колонок, старясь разобраться, из чего же эти блюзы сделаны. Ты валился на пол от утомления, но гитару из рук не выпускал. В этом был весь смысл. Осваивать инструмент не перестаешь никогда, но на том этапе перед нами вообще было поле непаханое. Чтобы быть гитаристом, нужно было научиться звучать. Конкретно нам нужно было звучать как чикагские блюзмены, как можно ближе, – две гитары, бас, барабаны и фоно. И мы сидели и вслушивались в каждую чессовскую запись, какая только существовала. Да уж, чикагский блюз долбанул нас в самое темечко. Рок-н-ролл – мы тоже на нем выросли, как и все остальные, но сосредоточены мы были на Чикаго. И вообще, пока мы тусовались без всех остальных, мы даже могли притворяться, что мы черные. Мы впитывали музыку, но цвет кожи от этого у нас не поменялся. Кое-кто даже еще больше побледнел. Брайан Джонс был белобрысым челтнемским Элмором Джеймсом. А почему нет? Ты можешь происходить откуда угодно, быть какого угодно цвета. До нас эта истина дошла позже. Хотя, конечно, Челтнем – это перебор; блюзмены из Челтнема – их вообще-то не густо. А еще у нас не было желания зарабатывать. Мы презирали деньги, презирали чистоплотность, мы просто хотели быть черными сукиными детьми. К счастью, нас вовремя вынесло. Но мы прошли и через эту школу, мы зародились из этой грязи.

* * *

Тогда же в моей жизни начались занятия волшебным искусством двухгитарного плетения. Тебе открывается, как много ты можешь, когда играешь на гитаре с кем-нибудь вдвоем, и то, на что вы способны вместе, – еще на порядок больше. Потом ты добавляешь и других музыкантов. В этом есть что-то приятно обволакивающее и возвышающее – находиться в компании людей, которые заняты совместным музицированием. Сказочный маленький мир, который неуязвим для окружающего. Настоящее коллективное творчество, один за всех и все за одного, и все ради единой цели, и до поры до времени никаких ложек дегтя. Дирижера тоже нет, все по твоему разумению. В общем-то, это обыкновенный джаз – выдаю великую тайну. Рок-н-ролл – это всего лишь джаз с жесткой слабой долей.

Джимми Рид был для нас большой образец. Та же самая двухгитарная тема. Посмотреть со стороны – какая-то тупая долбёжка, но это пока не врубился. А еще ведь у Джимми Рида было где-то двадцать биллбордовских хитов – и каждый раз практически одна и та же песня. Всего два темпа, один или другой. Но он понимал магию однообразия и то, как, из него может рождаться гипнотическая пульсация, что-то вроде транса. Брайан и я – мы погружались в это с головой. Мы тратили любое свободное время на то, чтобы добыть из своих гитар джиммиридовский звук.

Джимми Рид бухал не переставая. Был один знаменитый случай, когда он уже, скажем, на час сорок пять опаздывает на концерт, наконец его выводят на сцену, и он говорит: “Эта песня называется *Baby What You Want Me to Do?*” – после чего заблевывает два первых ряда. Наверное, не единственный случай. Он вечно возил с собой жену, которая шептала ему в ухо слова песен. Иногда это даже можно услышать на записях – *Going up... going down*⁴⁸, – но с пользой для дела. Его всегда любили на Юге черные, и иногда во всем остальном мире. Это была музыка малыми средствами, и мы не могли оторваться.

У минимализма есть свое обаяние. Думаешь: “Как-то оно монотонно”, но когда “оно” кончается, ты хочешь, чтоб оно продолжалось. В однообразии нет ничего ужасного, каждому приходится с ним жить. Классные названия – *Take Out Some Insurance* (“Возьми на меня страховку”). Не самое заурядное название для песни. И все всегда сводится к тому, как они собачатся с женщиной или в этом духе. *Bright Lights, Big City* (“Яркие огни, большой город”), *Baby What You Want Me to Do?* (“Детка, ну что ты от меня хочешь?”), *String to Your Heart* (“Бечевка для твоего сердца”) – ядовитые песни. В одной строчке Джимми поет: “Не садись на метро, по мне, так лучше садись на поезд”⁴⁹, что на самом деле значит “не зависай на дури, не уходи в подполье, уж лучше, если ты будешь бухой или под кокаином”. Сам я расшифровал это через много-много лет.

И я сильно фанател от маддиутерсовского гитариста Джимми Роджерса и еще от двух ребят, подыгрывавших Литтл Уолтеру, братьев Майерс. Вот где гитарное плетение в его древней форме – они были мастера этого дела. Половина бэнда Литтл Уолтера играла у Мадди Уотерса, в том числе и он сам. Но он записывался не только с ними, у него был еще один составчик: Луис Майерс и его брат Дэвид, основатели *Aces*. Два великих гитариста. Пэт Хейр тоже поигрывал с Мадди Уотерсом и записал несколько треков с Чаком Берри. Одна из его собственных невыпущенных вещей называлась *I'm Gonna Murder My Baby* (“Пойду пристрелю мою детку”) – ее откопали в архивах *Sun* уже после того, как он сделал ровно это самое и в придачу застрелил полицейского, вызванного на место преступления. Он получил пожизненное в начале 1960-х и умер в тюрьме в Миннесоте. Еще Мэтт Мерфи и Хьюберт

⁴⁸ “Хожу туда… хожу сюда” – слова из песни *Baby What You Want Me to Do?*

⁴⁹ *Don't pull no subway, I rather see you pull a train* – слова из песни *My First Plea*.

Самлин. Все это были чикагские блюз-гитаристы, кое-кто чуть больше по сольной части, кое-кто меньше. Но если не растекаться, взять конкретно командную игру, братья Майерс определенно на самом верху списка. Джимми Роджерс с Мадди Уотерсом – тоже два потрясающих плетельщика. Чак Берри – фантастический чувак, но он занимался плетением с самим собой. Он кайфово накладывал собственные гитарные партии, потому что обычно жмотился нанять еще одного гитариста. Но это только на записях – вживую такое не воспроизведешь. И все-таки его *Memphis, Tennessee* – там такие неимоверные финты наложения и студийного химиченья, каких я мало где слышал. Не говоря уже о том, что это просто классная песня. Вообще не переоценить, как он был важен для моего развития. Мне до сих пор не верится, что чувак ухитрился насочинять в одиночку столько песен и разыграл их так стильно и так изящно.

В общем, сидели мы в своей квартире, мерзли и препарировали записи, пока позволял счетчик. Вышел новый Бо Диддли – вперед под скальпель. Можно изобразить это “вау-вау”? Что там играли ударные, насколько мощно... что там делали маракасы? Ты должен был разобрать все по косточкам и сложить снова, как ты это видел. Обязательно нужен ревер, раз уж мы теперь серьезно в теме, нужен усилитель. Бо Диддли был слишком навороченный. Джимми Рид был попроще, без прибамбасов. Но разобрать, что он там вытворяет, – атас полный. У меня ушли годы, чтобы понять, что он все-таки делал на V ступени в ми мажоре – с си-аккордом, последним из трех перед возвращением обратно, разрешающим в 12-тактовой блюзовой сетке – доминантным, как его называют. Когда Джимми доходит до него, он выдает такой повисающий рефрен, заунывный диссонанс. Даже для негитаристов стоит объяснить, в чем тут фокус. На V вместо того, чтобы взять привычным баррэ *B7* – это требует небольшого усилия левой руки, – он вообще не запаривается с *B*, то есть с си. Он оставляет открытую 5-ю струну – ля – звенеть и просто съезжает пальцем вверх по 4-й, ре, доводя интервал до септимы. И получает эту повисающую ноту, резонирующую с открытой ля. То есть ты не используешь “корень” аккорда, ты просто бросаешь все дело на септиме. Поверьте мне, это, во-первых, самое ленивое, самое пофигистское, что можно сделать в такой ситуации, а во-вторых, одно из самых блестящих музыкальных изобретений в истории. Вот почему Джимми Рид мог себе позволить играть одну и ту же песню тридцать лет подряд, и ему ничего за это не было. Эту науку мне преподал белый парень по имени Бобби Голдсборо, у которого в 1960-е было несколько собственных вещей в чартах. Он когда-то работал с Джимми Ридом и пообещал показать мне несколько приемчиков. Все остальные ходы я знал сам, но так и не раскусил этот трюк с V, пока он мне не продемонстрировал – это было в середине 1960-х на борту гастрольного автобуса где-то посреди Огайо. Он сказал: “Я с Джимми Ридом годами разъезжал. Твоя V у него делается так”. “Твою мать! И все?” – “Все, хули. Живи и учись”. Не ждал не гадал, и вот тебе подарок! Эта неотвязная, гудящая нота. Полное наплевательство на любые музыкальные законы. И полное наплевательство на публику и кого угодно еще. “Делается так”. В чем-то мы больше обожали Джимми как раз за такое отношение, чем за его игру. И конечно, за проедающие мозг песни. Они могли строиться вроде бы на совсем примитивном основании – но вы попробуйте изобразить его *Little Rain*.

Одним из первых открытий, которые я сделал, снимая чужую игру, было то, что на самом деле никто из этих парней не работал с “правильными” аккордами. Обязательно какой-нибудь привесок, какой-нибудь взбрык. Стандартный мажор отсутствует как класс, все пихается в один мешок: что-то срезано, что-то торчит, одно зацеплено за другое. Здесь нет “как положено”. Только как ты сам чувствуешь, как ориентируешься. В общем, у нас тут сплошной бардак. Например, про себя я обнаружил, что как гитарист почти всегда тянусь играть то, что положено играть другим инструментам. Меня постоянно заносит попробовать изобразить на гитаре партии духовых. Когда я разбирал по косточкам эти песни, я выяснил,

что часто есть одна особенная нота, благодаря которой работает вся вещь. Обычно дело в аккорде с “задержанием”. Это не полный аккорд, это смесь, и у меня это до сих пор любимый прием. Когда играешь правильный аккорд, на следующем шаге нужно, чтобы имелось что-то кроме. Если берешь ля, то там будет кивок в сторону ре. Либо же, если песня с другим настроением, для ля должна где-то нарисоваться соль, из чего получится септина, которая выведет тебя дальше. Читатели при желании могут пропустить “Гитарную мастерскую Кифа”, но я просто делясь элементарными секретами, благодаря которым, кстати, позже появились мои риффы на открытых аккордах, например в *Jack Flash* или в *Gimme Shelter*.

Есть люди, у которых цель – играть на гитаре. Есть другие люди, и для них цель – получить определенный звук. В ту пору, когда мы с Брайаном репетировали на Эдит-гроув, лично я охотился за звуком. То есть когда три-четыре парня с легкостью выдают что-то такое, где все на своих местах, всего хватает – и нот, и инструментов. Когда на тебя катит вал, сплошной звук, с которым ничего нельзя поделать. Оставалось только слушать боссов. Много блюз-гитаристов середины 1950-х – Алберт Кинг, Би Би Кинг – были однонотники. Ти-Боун Уокер одним из первых стал использовать двухструнную технику – щипать две струны вместо одной, а Чак многому научился у Ти-Боуна. Против законов музыки, но это работает. Ноты бьются друг о друга, бренчат. Ты трогаешь две струны одновременно и ставишь их друг к другу, так сказать, раком. У тебя все время что-то звенит поперек тона или гармонии. Чак Берри – одна большая двухструнная история. Он очень редко играет одиночными нотами. Почему черные лабухи, Ти-Боун и остальные, вообще начали так играть, так это по экономическим причинам – чтобы ликвидировать необходимость в духовой секции. С электрогитарой в руках можно было играть две гармонирующих ноты и, в общем, не беспокоиться, где взять деньги на два саксофона и трубу. И как раз из-за нее, из-за двухструнной игры, на меня косились первые месяцы в Сидкапе – меня считали не серьезным блюзовым музыкантом, а диковатым рок-н-ролльщиком. Все остальные отыгрывали свое по струнке за раз. Меня же это устраивало, потому что я много играл сам для себя, и две струны были лучше, чем одна. И еще они давали возможность провернуть эту штуку с диссонансом и ритмом, чего не сделаешь, когда колупаешь на одной струне. Это был тот же самый вечный поиск новых ходов. Аккорды ведь нужно находить. Всегда существует великий Пропавший Аккорд. Который никто никогда не нашел.

Мы с Брайаном корпели над нашими джиммиридовскими уроками. Когда совсем забывались в это дело и долбились как заведенные, Мик, конечно, чувствовал себя немного на отшибе. Тем более если учесть, что он и так проводил много времени в Лондонской школе экономики. Играть он ни на чем не умел. Поэтому он взялся за гармошку и маракасы. Брайан был первым, он очень быстро освоил гармошку, и, я думаю, Мик не хотел совсем уж отставать. Я не удивлюсь, если с самого начала его подстегивала элементарная конкуренция с Брайаном. Он хотел играть в группе как музыкант. И из Мика неожиданно получился потрясающий харпер – в удачный вечер спокойно поставил его на одну строчку с лучшими в мире. Все остальное, на что он способен, мы знаем, – он великий шоумен, но в музыкантской табели о рангах Мик Джаггер – это великий харпер. Фразировка у него бесподобная. Очень армстронговская, литтлуолтеровская точнее, что говорит о многом. Литтл Уолтер Джейкобс был один из лучших блюзовых вокалистов и мастер блюзовой гармоники номер один. Я практически не способен слушать его без благоговения. И в *Jukes*, его бэнде, люди тоже играли очень правильно чувствующие, настроенные на одну волну. Его пение, конечно, терялось из-за феноменального звучания гармошки, которое, кстати, строилось на куче корнетных проигрышей Армстронга. Литтл Уолтер улыбнулся бы в своей могиле, если бы услышал, как играет Мик. Мик с Брайаном играли совершенно в разной манере. Мик втягивал,

как Литтл Уолтер; Брайан выдувал, как Джимми Рид, – но бенды⁵⁰ любили оба. Когда так играешь, по-джиммиридовски, это называется “высокое тоскливоое”, и звук такой, что просто сердце тает. Мик – прирожденный харпер, один из лучших, кого я слышал. Его игра – то особенное место, где не чувствуется никакого расчета. Я к нему пристаю: “Почему ты так не поешь?” Он говорит, что это абсолютно разные вещи. Но какие ж они разные – так и так берешь свое сопло и создаешь поток воздуха.

* * *

Этот коллектив был еще совсем неокрепший, в светлое будущее никто не заглядывал. В смысле, мы движемся наперекор попсе, наперекор танцевальной музыке и хотим только одного – быть лучшим блюз-бэндом Лондона и показать всем, сука, как оно делается, потому что уж мы-то знаем как. И весь этот странный народ, кучковавшийся по разным местам, приходил и поддерживал нас. Мы и понятия не имели, откуда они появлялись и зачем и как они узнавали, где нас найти. Мы не предполагали, что нам светит что-то большее, чем просто приучать народ к Мадди Уотерсу, Бо Диддли или Джимми Риду. Никаких планов стать кем-то самим. Идеи сделать собственную запись даже и не возникало. Наши усилия на том этапе подпитывались исключительно идеализмом. Мы работали бесплатными пропагандистами чикагского блюза. Рыцари в невыносимо сияющих доспехах и все в таком духе. И еще по-монашески усердная учеба, по крайней мере в моем случае. С момента, когда ты вставал, до момента, когда ложился, – все время посвящалось разучиванию, слушанию и поискам, где бы раздобыть денег, – такое у нас было разделение труда. Идеал выглядел так, что, о'кей, у нас есть на что жить, немного монет на всякий экстренный случай и плюс ко всему, просто зашибись, есть эти три-четыре девчонки, Ли Мохамед и ее подружки, которые приходят к нам прибраться, приготовить поесть и просто так потусоваться. Что они в нас тогдаших находили, понятия не имею.

У нас не было никаких других интересов во внешнем мире, кроме, во-первых, чтобы не отключали электричество, и, во-вторых, как бы стырить чего-нибудь съестного в супермаркете. Женщины в этом списке на самом деле были только в-третьих. Электричество, еда – и смотри-ка, еще и такое счастье привалило. У нас были другие потребности: работать вместе, репетировать, слушать музыку, делать то, ради чего все это затевалось. Одно слово – мания. Бенедиктинцам со своим уставом было с нами не тягаться. Любой заблудший слишком далеко ради секса или даже перспективы секса воспринимался как предатель. Считалось, что ты должен проводить все свое время за изучением Джимми Рида, Мадди Уотерса, Литтл Уолтера, Хаулин Вулфа, Роберта Джонсона. Эта была твоя работа. Потратить даже момент на посторонние дела значило согрешить. Такая была атмосфера, в которой мы жили, такая установка. Так что женщинам, какие появлялись, отводилось место сугубо на периферии. Одержанность своим делом, которую мы делили втроем с Миком и Брайаном, была поразительной – беспрерывное учение. Конечно, совсем не в академическом смысле, дело было в том, чтобы поймать фишку. И уже потом, я думаю, как это бывает с любыми зелеными пацанами, к нам пришло осознание, что блюзу учатся не в монастыре. Ты должен выйти в мир и разбить себе сердце и вернуться обратно – вот тогда ты сможешь спеть свой блюз. И лучше проделать это несколько раз. А на том этапе мы воспринимали блюз в чисто музыкальной плоскости и не задумывались, что все эти парни пели о *чем-то*. Ведь сначала ты должен во *что-то* вляпаться. И тогда, дай бог, ты вернешься и споешь. Я думал, что любил свою мать, и ушел от нее. Она продолжала для меня стирать. И сердце мне тоже разбивали, но не так, как надо. Душой я по-прежнему был с Ли Мохамед.

⁵⁰ Бенд – прием игры на гармонике, позволяющий извлекать звуки, на которые она не рассчитана.

Концертные заведения, которые упоминаются в дневнике, – это клуб *Flamingo* на Уордор-стрит, где играл *Blues Incorporated* Алексиса Корнера; Илингский клуб, про него уже было сказано; “Ричмонд” обозначает клуб *Crawdaddy* в отеле *Station*, оттуда реально начался наш путь к вершинам; *Marquee*, который тогда еще был на Оксфорд-стрит, – там играл Сирил Дэвис со своими *R&B All-Stars* после того, как убежал от Корнера; *Red Lion* находился в Саттоне (лондонский район); наконец, *Manor House* – это паб на севере Лондона. Денежные суммы – жалкие гроши, которые нам платили за то, что мы выкладывались на сцене на всю катушку, хотя со временем ситуация стала поправляться.

* * *

По моему мнению, *Stones* никогда бы не сложились, если бы Иэн Стюарт их собственоручно не сложил. Он и никто другой снимал нам первые репетиционные точки, он командовал всем прибыть туда к определенному часу, без этого все осталось бы на уровне благих намерений. Мы в таких делах ни черта не смыслили. Это был его проект, его группа, и, по сути, он отобрал тех, кто будет в ней участвовать. Люди плохо представляют, что именно он был и вдохновителем, и мотором, и организатором, без которого на тех первых порах все бы просто развалилось. Потому что денег было не густо, зато полные штаны идеализма типа “мы научим Англию блюзу”, “это наше предназначение” – всякий такой наивняк. И у Стю были просто неимоверные запасы энтузиазма на эту тему. Он же стал отступником, порвал с людьми, с которыми играл раньше. Для него это на самом деле был прыжок в неизвестность, шаг поперек движения. С отлучением от его уютной музыкантской компании. Но без него нас бы не вынесло. Он был настоящим старожилом клубной сцены, а мы были салагами-новобранцами.

Одной из его первых тактических операций стала партизанская война с трад-джазерами. Общий климат менялся, и люди упирались. У чуваков, игравших традиционный джаз, он же диксиленд, битников и не совсем дела на тот момент обстояли очень-очень здорово. *Midnight in Moscow*⁵¹, Акер Билк и вся эта несметная кодла, которая просто подмяла под себя весь рынок. Музыканты они были отличные, Крис Барбер и остальные джазовые кадры. Короли сцены. Но им было не понять, что ситуация не стоит на месте и что пора уже как-то разнообразить свою музыку. С другой стороны, кто нам даст низложить диксилендовую мафию? Казалось, нет ни единой бреши в их обороне. И Стю придумал, что мы будем занимать перерыв – выходить играть в *Marquee*, пока Акер пьет свое пиво. Денег это бы не приносило, но таким образом мы могли забить первый клин. Такой у Стю был план боевых действий. Он периодически появлялся и говорил: *Marquee* (или *Manor House*) – денег не обещают, зато пустят сыграть в перерыве. И неожиданно перерывы сделались интересней, чем основная программа. Выпускаешь чуваков заполнить паузу, а они играют Джимми Рида. Пятнадцать минут. И реально хватило каких-то нескольких месяцев, чтобы монополия трад-джазеров сошла на нет. Нас ненавидели от всей души. “Хреновая ваша музыка. Не пойти ли вам лучше по танцам играть?” “Вы и идите. Лично мы остаемся”. Но что происходит какая-то смена эпох, мы, конечно, не подозревали – на это нам наглости не хватало. Мы просто были рады лишний раз выйти на сцену.

Один символический момент перехода власти от джаза к рок-н-роллу зафиксирован на пленке. Это “Джаз в летний день” – суперважный фильм для начинающих рок-музыкантов в то время, главным образом из-за Чака Берри, который появляется на Ньюпортском джазовом фестивале 1958 года и играет *Sweet Little Sixteen*. Там засветились Джимми Джуфф-

⁵¹ Переименованные “Подмосковные вечера”, которые в инструментальном исполнении ансамбля Кенни Болла (*Kenny Ball and his Jazzmen*) стали хитом 1961 года в Англии.

фре, Луи Армстронг, Телониус Монк, но мы с Миком, конечно, ходили смотреть на *нашего* чувака. Помню этот черный сюртук. Его выпустили – кто-то рискнул – с Джо Джонсом, великим джазовым ударником, который среди прочих играл у Каунта Бейси. Предполагаю, для Чака, когда он поднялся на сцену, это был почетнейший момент в жизни. Исполнение *Sweet Little Sixteen* было не ахти какое, но главное заключалось в отношении ветеранов за спиной – им было абсолютно не по нутру, ни как он выглядел, ни как он двигался. Они над ним потешались и старались всяко его подъебнуть. Джо Джонс поднимал палочку после каждого нескольких ударов и скалился, как будто это был такой детский сад. Чак понимал, что работает наперекор обстоятельствам. И если прислушаться, он справился не здорово – но все-таки номер свой он вытянул. Угодил в компанию, которой хотелось спихнуть его со сцены, и сумел оставить последнее слово за собой. Так что в итоге Джо Джонс лоханулся. Уж лучше б он послал Чака в открытую, чем такой подлый нож в спину. Чак все равно прорвался.

Описание первого этапа клубной активности и моего обалделого азарта по поводу нашего превращения в зарабатывающий коллектив присутствует в еще одном письме к моей тете Пэтти – потрясающей находке, которая объявилась, пока я писал эту книгу.

Среда, 19 дек.
Кит Ричардс
6, Спилман-роуд
Дартфорд

Дорогая Пэтти,
Спасибо за открытку на день рождения. Прибыла точно в срок 18-го пять с плюсом.

Надеюсь у вас обоих все хорошо и тому подобное, блин, блин⁵².
У меня тут веселье вовсю, почти все время живу в квартире друзей в Челси и наши музыкальные затеи начинают приносить неплохую прибыль. Следующая большая мания у местных это ритм-энд-блюз и на нас есть спрос. На этой неделе мы выторговали себе регулярные выступления в ночном клубе *Flamingo* на Уордор-стрит начиная со следующего месяца. В понедельник мы разговаривали с агентом который считает, что у нас очень товарное звучание и если все пойдет нормально и он не обычный брехун мы скоро можем зарабатывать 60–70 ф. в неделю, а еще одна компания звукозаписи начала слать нам письма на предмет устроить сессии в ближайшие пару-тройку месяцев. Пряником в Горячую сотню.

Ну хватит мне паясничать. У нас все выздоравливают, только моя проказа снова дает о себе знать, да у папы Паркинсон, и матушка слегла с сонной болезнью.

Ничего больше особенно в голову не приходит так что заканчиваю передачу всем славынова Р-ства
С любовью от Кифа, X

⁵² В оригинале “chiz, chiz”. *Chiz* – междометие и иногда существительное, изобретенное Найджелом Моулсвортом (см. выше) и употребляемое им в значении неодобрения, возмущенного удивления, досады и т. п., а также просто в качестве ничего не значащего слова-паразита.

Это первое задокументированное появление моего имечка Киф⁵³, и отсюда видно, что изначально оно пошло не от фанатов. Среди моей многочисленной родни у меня было прозвище “кузен Биф”⁵⁴, которое естественно превратилось в “Киф”.

* * *

Короткий период, который охватывает дневник, заканчивается ровно в тот момент, когда наше будущее наконец было гарантировано – мы получили регулярное место в клубе *Crawdaddy* в Ричмонде, откуда все понеслось дальше, по городам и весям. Слава в шесть недель. Для меня секретным ингредиентом всей этой военной кампании был Чарли Уоттс. Что опять приводит нас к Иэну Стюарту – “Мы должны достать Чарли Уоттса” – и всем авантюрам, на которые мы пошли ради Чарли. Мы недоедали, чтобы ему платить! Буквально. Обносили магазины, чтобы он был с нами. Блин, мы так его хотели, что урезали себе пайки. А теперь все, уже не отдаешься.

Поначалу у нас не было ни Билла, ни Чарли, хотя Билл упоминается уже во второй записи в дневнике:

Январь 1963

Среда, 2

Новый бас-гитарист пробуется с Тони. Одна из лучших репетиций за все время. Бас-гитара добавляет звукам мощности. Вместе с бас-гитаристом поступил в распоряжение усилитель Vox за 100 гин. Принято решение о программе в Marquee. Должно получиться ударно, чтобы в следующий раз дали больше времени.

У Билла были усилители! Он прибыл со всем снаряжением – музыкант полной комплектации. Мы тогда играли с парнем по имени Тони Чэпмен, который был просто резервным вариантом, и я не помню, не то Стю, не то сам Тони, на свою беду, сообщил: “Кстати, у меня есть один басила на пробу”, – имея в виду Билла. И Билл появился с собственным усилителем, который, хотите верьте, хотите нет, имел защитный каркас, собранный из детского конструктора, и даже крепеж на нем был обмазан какой-то зеленой фигней. Усилитель Vox AC30, владеть которым нам было совершенно не по средствам. Производства дартфордской фирмы Jennings. Мы на него молились. Видели его и тут же опускались на колени. Иметь в хозяйстве усилитель – это выводило нас на другой уровень. На первых порах я хотел отдельить Билла от усилителя. Но это было, когда он еще не начал играть с Чарли.

Четверг, 3

Marquee с Сирилом

Часовой сет (2 получасовых), 10–12 ф.

Отыграли отменно. Очень хорошо приняли Во Diddley⁵⁵, хлопали. 612 человек посетителей. 1-й сет – хороший разогрев. 2-й сет – свинг первосортный. Произвели впечатление на кое-кого из самых шишек. Получили 2 ф. Пол Понд⁵⁶: “Сногшибательно”.

⁵³ *Keef* – популярное прозвище Ричардса среди фанатов, близкое по звучанию имени *Keith* (Кит), как оно произносится по-английски.

⁵⁴ *Beef* – говядина, мясо.

⁵⁵ Песня Бо Диддли.

⁵⁶ Настоящее имя Пола Джонса, известного английского блюзового вокалиста того же поколения. В начале карьеры выступал как *P. P. Pond*.

Харолд Пендлтон попросил его представить. [Это был хозяин Marquee. Я его пару раз пытался убить – достать с размаху гитарой. Он ненавидел рок-н-ролл и вечно фыркал в нашу сторону.]

Пятница, 4

Реклама Flamingo: “Оригинальный звук чикагского ритм-энд-блюза в исполнении Rollin’ Stones” [А мы не забирались севернее Уотфорда.]

Играем в Red Lion в Сэттоне. Датчик распаялся.

Red Lion: Бэнд звучал плохо, тем не менее бешеный прием, особенно Во Diddley и Sweet Little 16. Тони безобразен. Обсуждали, с чем показаться во Flamingo.

Хорошая выдержка из MM [Melody Maker]

Приехали днем. Оставил бумажник с 30 шт.

Должны вернуть.

И первый намек на хоть какую-то запись в студии:

Суббота, 5

Бумажник вернули,

Ричмонд

Косяк. Мой звучок отошел окончательно. Брайан взял гармошку, я играл на его гитаре. Confessin’ the Blues, Diddley-Daddy, Jerome⁵⁷, Во Diddley прошли на ура. Бешено ругались с организатором из-за денег. Отказались там снова играть. Обсуждали будущий демодиск. Запись на этой неделе, даст Бог, не сорвется. Diddley-Daddy смотрелась хорошо. С Клео и подружками на подпевках. Бэнд заработал на неделе 37 ф.

Тридцать семь фунтов на пять человек!

Понедельник, 7

Flamingo

Стю, Тони и Горгонзола⁵⁸ требуют шлифовки.

Гитара вернулась в прекрасном рабочем состоянии. Во Flamingo на первый взгляд так себе. Но Джонни Ганнел более чем доволен. С Тони пора прощаться. Это значит Билл с Vox. Confessin’ the Blues прошла на ура. Ли приходила. Мое клеймо.

Здесь я, как видно, примеряю мантию музрука. Джонни Ганнел – один из братьев Ганнелов, которые управляли Flamingo. И мы наконец заполучили Билла с его Vox. Исторический день. Последние слова – это из Мадди Уотерса, “На тебе мое клеймо”⁵⁹. Я явно неровно дышал к Ли.

Вторник, 8

30 ф. 10 шт.!!!

Илинг

Бэнд звучал вполне. Во Diddley – абсолютная сенсация. Если сможем так же выступить в Marquee, будет весело.

⁵⁷ Diddley Daddy и Bring It to Jerome – песни Бо Диддли.

⁵⁸ Неизвестное лицо. Скорее всего, имеется в виду Колин Голдинг, периодически привлекавшийся в группу в качестве басиста, пока это место окончательно не занял Билл Уаймен.

⁵⁹ Перевод названия и припева песни I Got My Brand On You.

*Начинаем в Илинге в субботу. Look What You've Done⁶⁰ – подходяще.
6 и.!!!! На 50 % больше, чем на прошлой неделе.*

Четверг, 10

*12 ф. Нас оценил Тони Михэн. [Это был барабанщик *Shadows*.]*

Маркьюэй. Первый сет в 8:30 или 9:00 – по игре очень хорошо, но как-то не на месте. Второй сет 9:45–10:15 свинговали гораздо лучшие. Брайан и я сильно удручены недостатком громкости из-за рабочих на электростанции. Во Diddley – восторженные аплодисменты, как обычно. Приходила Ли с подругами. Обратились к Чарли на предмет постоянной работы.

Отыграли полсета, и вдруг отрубается свет. Крутейший облом. Мы так раскачались! Дальше нас переводят на половинную мощность – из-за какой-то отраслевой акции профсоюза энергетиков. И остается только тупо переглядываться, переводить глаза с наших усилителей на небо, то есть на потолок, и обратно.

Пятница, 11

Билл согласен остаться, даже если мы выгоняем Тони.

Понедельник, 14

Рассчитали Тони!

Flamingo

Сюрприз!!! Играли Рик и Карло. Без всякого сомнения, Rollin' Stones сегодня вечером были самым умопомрачительным коллективом из работающих в стране. Рик и Карло – двое лучших из лучших. Публика другая по сравнению с прошлопонедельной, а это главное. Деньги радуют еще не так сильно, всего 8 ф. Но все равно начинаем набирать обороты.

Рик и Карло! Карло Литтл был молотобоец, сбивал с ног своими барабанами, фонтан энергии. И Рики Фенсон на басу, тоже прекрасный. Они обесцветили себе волосы перед тем концертом. И кто был у них основной нанимателем? Скриминг Лорд, мать его, Сатч! Время от времени они нам подыгрывали – это еще когда не было Чарли, и как раз из-за них он решил к нам присоединиться, потому что слышал, что у нас такая горячая ритм-секция. Рики и Карло, если их отпустить солировать, слетали с катушек. Весь зал просто уносило – они почти смели нас со сцены, так круто они играли. Надо было видеть эту парочку! Когда Карло начинал вбухивать по своей бочке, то это было да, самое то. Рок-н-ролл! Нам, салагам, играть с этими парнями – они были старше только на два-три года, но вертелись тут уже давно – это было обалденно. Первый раз, когда они сели рядом – “О'кей, три-четыре, понеслась”, – и вдруг у меня за спиной эта ритм-секция, ух! Тогда я впервые и оторвался от земли на три фута, улетел в стратосферу. Это еще до того, как я начал работать с Чарли и Биллом, и всего остального.

И с самых первых дней я чувствовал, что на сцене я на своем месте. Люди нервничают перед тем, как выйти и показаться куче народа, но в моем случае ощущение было другое – типа выпустите тигра из клетки. Может быть, это просто еще один вариант мандражка. Вполне вероятно. Но мне всегда уютно на сцене, даже когда я, бывает, лажаю. Пока я здесь, со мной ничего не случится. Максимум выдам какую-нибудь ложь. В остальном провожу время в свое удовольствие.

Следующий день в дневнике – первое упоминание Чарли как члена команды:

Вторник, 15

⁶⁰ Песня Мадди Уотерса.

Все деньги группы по крайней за 2 недели пойдут на покупку усилителя и микрофонов.

Илинг – Чарли

Может, из-за моей простуды, но как-то мне не так звучало. Но опять же, и Мика, и Брайана, и меня еще шатает от озноба и температуры!!!

Чарли свингует нормально, но еще не поймал нужный звук. Завтра исправить!

Народ бедный. Никаких денег, сворачиваемся. Будет один выходной.

Рик и Карло играют в воск. и пон.

Итак, Чарли вливался в коллектив. Мы собирались пораскинуть мозгом и придумать, как отделить Билла от усилителя, но при этом остаться при своих. Но в то же время Билл и Чарли стали играть вместе, и что-то явно начало завязываться. Билл – исключительный басист, тут двух мнений быть не может. Я обнаружил это не сразу. Все тогда учились, набирались опыта. Никто не имел четкого представления, что они хотят, и истории у всех были немножко разные. Чарли пришел из джаза. Билл пришел из Королевских ВВС. Ну хоть за границей побывал.

Чарли Уоттс для меня всегда был как музыкальная постель, я укладывался в его звук, и увидеть эту запись выше насчет “исправления” кажется чем-то неправдоподобным. Однако, как и Стю, Чарли пришел к ритм-энд-блузу через джазовые дела. Через несколько дней я написал: “Чарли свингует очень недурно, но не качает. Фантастический парень при этом...” На том этапе он пока не освоил рок-н-ролл. Мне хотелось, чтобы он был помощнее. Для моих ушей он звучал еще слишком джазово. Мы знали, что он классный ударник, но сам Чарли, чтобы играть со Stones, взялся изучать Джимми Рида и Эрла Филлипса, ридовского ударника, – чтобы прочувствовать тему. Эту скромную, минималистичную манеру. И с ним так дальше и повелось. Чарли за барабанами – то, чего мы хотели, но, во-первых, можем ли мы его себе позволить? И во-вторых, откажется ли он для нас от кое-каких своих джазовых привычек?

Вторник, 22

0 ф.

Илинг – Чарли

Косяк № 2. К 8:50 появилось только 2 человека, и мы отправились домой. Тем не менее мы успели сделать пару номеров с маракасами, тамбурином, завывающей гитарой и Чарли, который выдавал мощный джунглевый ритм (из чего понятно, что он умеет, если хочет). На пути к квартире остановили копы. Обыскивали. Нудные уроды. Отдыхаем до суб.

Мощный джунглевый ритм – это был “бит Бо Диддли”, еще называется “Бриться и стричься, четвертной” и звучит примерно так же. “Bo Diddley, Bo Diddley, have you heard? / My pretty baby said she was a bird⁶¹».

Что касается обыска, я подумал, когда это прочитал: “Уже тогда?” Ничего такого у нас не было. Даже денег не было. Неудивительно, что, когда уже потом они доставали меня по настояющему, все было знакомо. Шмон ни за что ни про что. И реакция осталась одна и та же: ебаные нудные уроды. Обязательно нудным голосом. Если ты не зануда, не бывать тебе копом. “Так, лицом к стене, ноги раздвинули”. В те времена они могли хоть обыскаться, находить было нечего. Меня обшмонали раз сто перед тем, как я впервые подумал: “Блин, у меня же с собой эта фигня”.

⁶¹ “Бо Диддли, Бо Диддли, ты не слыхал – / Моя красавица сказала, что она птичка” – слова из песни Бо Диддли *Bo Diddley*, в оригиналe – пример ритма, о котором говорит Ричардс.

Четверг, 24

С Marquee облом

По словам Карло и Рика, Сирил напуган из-за того, как сильно нам хлопают. Нас отрезали на месяц. Если за это время никто не появится, пустят обратно. Потратили день на репетирование. Надеюсь, оно того стоило! Нужно продолжать долбить пальцевую игру. Чувствую, открываются возможности. Но, сволочная штука, не слушаются меня. Ощущение, что не пальцы, а паук с ногами какой-то.

Суббота, 26

16 ф.

Илинг – Рик и Карло

Бэнд немного со скрипом. Но вполне неплохо. Публики побольше. Жарко и тесно. И прекрасненько!!!

2 ф.

Ли тоже была.

Странно, никак не получается пристроить в общую картину мои отрепетированные хитрые куски. Не расслабиться как следует. Парни что-то стали в последнее время слишком язвить.

Понедельник, 28

Сестра Тосс сказала, что Ли с ума сошла со мной водиться, но не хочет выглядеть дурой, поэтому, может, я сделаю первый шаг. Я считаю, что повел себя правильно.

Мы с Ли перед тем разругались, и это было примирение по обоюдному согласию. “Тосс” – сокращенно от Тоска, она была ее подружкой.

Суббота, 2

16 ф.

Илинг

Чарли и Билл

Превосходный вечер, много народа. Звук отражался и гремел. Чарли великолепен.

К этому дню, второму февраля, мы играли окончательным составом, с Чарли и Биллом в качестве ритм-секции. Как те самые Stones.

Если бы не Чарли, я бы никогда не пошел дальше – вширь и в рост. Первое, что касается Чарли, – это какой у него “вкусный” бит. Уже тогда оно у него было, с самого начала. Он играет очень-очень по-своему, с массой тонкостей. Посмотрите на размеры его установки – смех один, если сравнить, с чем сегодня работает большинство ударников. Восседают за своими несусветными барабанными батареями как за крепостной стеной. Чарли делает все, что надо, одним своим классическим комплектом. Все так непрятязательно, а потом начинаешь слушать его, и он бьет наповал, без осечек. И с юмором тоже. Люблю следить за его ногой через плексиглас – даже если мне его не слышно, я могу играть по тому, что вижу. Другая вещь – это трюк, который Чарли заимствовал не то у Джима Келтнера⁶², не то у Эла Джексона⁶³. На хай-хэте вообще-то принято играть в каждую долю. Так вот, в отличие от большинства на второй и четвертой – слабых долях, которые очень много значат в рок-н-

⁶² Сессионный ударник, известный в первую очередь работой на сольных записях участников Beatles.

⁶³ Постоянный сессионный ударник фирмы грамзаписи “Стакс”, участник Booker T. & the M. G.'s.

ролле, – Чарли хэт не трогает, только задирает к нему палочку. Делает движение ударить и осекается. Из-за этого малому барабану достается весь звук, ничто не дребезжит фоном. Если за этим наблюдать, можно сердечную аритмию заработать. Он совершает целое движение, в котором абсолютно нет нужды. От этого размер притормаживает, потому что ему нужно сделать лишнее усилие. Так что частично ощущение расслабленности от игры Чарли объясняется этим необязательным махом каждые две доли. Это очень нелегко провернуть – остановить катящийся бит на одну только долю и потом впрыгнуть обратно. Дело еще в его строении, в том, через какое место тела он пропускает ритм. У каждого ударника собственный почерк в том, что касается зазора между хэтом и малым барабаном. Чарли опережает с хэтом и очень тянет с малым. И то, как он растягивает ритм и что мы поверх этого творим, есть секрет роллинговского звука. Чарли в сущности джазовый барабанщик, откуда следует, что и остальной бэнд есть в каком-то смысле джазовый ансамбль. И он в одной категории с лучшими: Элвином Джонсом, Филли Джо Джонсом⁶⁴. Он держит пульс, чувствует себя в нем раскованно и работает очень экономно. Поскольку он поиграл на свадьбах и бар-мицвах, он, если хочет, умеет делать “эффектно”. Все это благодаря раннему старту, временам, когда он работал по клубам еще совсем зеленым пацаном, – немного покрасоваться, притом что он вообще никакой не шоумен: “ба-БАМ”. И я приохотился играть с таким парнем. Сорок лет прошло, и мы с Чарли спаялись больше, чем можно передать словами, и даже, наверное, больше, чем мы сами осознаем. То есть до того, что мы иногда наглеем и начинаем друг друга задирать на сцене, в смысле музыкально.

Но в те времена я третировал Стю и Чарли за их джазовые штучки нещадно. Предполагалось, что мы усердно осваиваем блюз, и при этом я периодически заставлял Стю и Чарли слушающими тайком свой джаз. “Кончайте эту херню!” Мне ничего не нужно было, только поломать их привычки – блин, хотя бы сыграть состав как следует! “Вам надо блюз слушать. Надо у Мадди, вашу мать, учиться”. Я им даже не давал слушать Армстронга, а Армстронга я обожаю.

Билл всегда чувствовал, что на него смотрят сверху вниз, в основном из-за того, что его настоящая фамилия была Перкс. И он вертелся на этой своей бесперспективной работе где-то на юге Лондона. И еще он был женат. А у Брайана, видите ли, имелось сильно развитое классовое чутье. Для него Билл Перкс был какой-то там плебей. “Вот бы нам нового басиста, а это кто – ну реально Эрни хуев, да еще набриолиненный”, – так он говорил, по воспоминаниям Фелджа. Билл тогда еще был немножко тедди-боем, ходил с коком, как полагается. Но это все была такая фигня. Брайан же тогда строил из себя крысиного короля, главаря всей шайки.

К февралю мы уже могли покупать что-то в рассрочку. Лично я с перерывом меньше месяца обзавелся двумя гитарами.

25 янв.

Выходной

Покупаю новую гитару, Harmony или Hawk?

У Harmony цена ничего, но вот есть ли к ней гарантия? У Hawk есть, и еще прилагается кофр.

Обе модели по 84 ф.

У меня теперь два медиатора-“когтя” на большой палец – купил Hawk с двумя датчиками, расцветка “санберст”⁶⁵, в двухцветном кофре, 74 ф.

⁶⁴ Известные джазовые ударники эпохи пост-бопа.

⁶⁵ Метод лакировки, при котором центр корпуса имеет золотисто-желтый оттенок, переходящий в более темные тона (черный, вишневый) по краям.

Среда, 13 (февраля)

Репетиция

Купил новую гитару у Айвора!⁶⁶ Отличный инструмент!! Какой звук!!!

Новые номера: Who Do You Love? и Route 66⁶⁷. Класс! Переделали Crawdaddy шикарно (все идеи Брайана). [Что ж, этого у него не отнимешь.]

И погнали по клубам.

Суббота, 9

18:00

Пора вносить за усилитель

Илинг

Ночное мероприятие в Коллиерсе?⁶⁸ [Перечеркнуто.]

По виду, явка почти рекордная – народу под завязку, жарко, аж пар шел.

Бэнд перло на все сто. Смотрю, завелись настоящие фанатки-малолетки.

2 ф.

Заезжал на квартиру.

Отдал Биллу 6 ф. за Vox.

Понедельник, 11

Выходной. Скучница жуткая.

Последние две записи – вступление к дальнейшим нежданным-негаданным событиям. На горизонте нарисовались первая сессия в студии и ангажемент в Ричмонде.

Четверг, 14

Manor House

Неплохо. Народу жидковато. Blues by Six всех распугал.

Новая гитару еще не дается, нужно приноровиться. Новые вещи были, прошло на ура.

Стю говорит, что Глин Джонс будет нас записывать на той неделе в пон. или четв. Планирует продать демо Decca.

1 ф.

Пятница, 15

Red Lion

Нормального звука от этого места не добиться.

Драка во время песни

Получили предложение – отель Station в Ричмонде каждое воск. начиная со следующего. Наконец подвалило.

На внутренней стороне обложки дневника написано “Башляют шнягу”. А напротив, в разделе личной информации, где пропечатано: “При несчастном случае прошу известить”, я написал “мою маму”. Больше никаких подробностей.

“Башляют шнягу” – это говорилось, когда мы смотрели на весь этот народ, пляшущий, свисающий со стропил и вообще сходящий с ума. “Что они делают?” – “Башляют шнягу,

⁶⁶ Имеется в виду музыкальный магазин Айвора Майранца.

⁶⁷ Соответственно песня Боба Диддли и эстрадно-джазовый стандарт, прославившийся в исполнении Ната Кинга Коула.

⁶⁸ The College of Richard Collyer – старинная мужская (на тот момент) школа-пансион в Западном Суссексе.

что еще”. – “Ну хотя бы они нам шнягу башляют”. Это означало, что ты теперь зарабатывал. Залы забивались все плотнее, публика становилась все горячее. В Лондоне мы уже подняли со дна мощную волну. Когда у тебя, блин, люди топчутся от нетерпения в очереди, загибающейся два раза вокруг всего квартала, до тебя хочешь не хочешь дойдет, что что-то такое происходит. Всё, мольбы пустить нас поиграть остались в прошлом. Теперь нужно только одно – поддерживать огонь.

Места, где мы играли, были небольшие, и нам они были как раз. Лучше всего они подходили Мику. В таких ограниченных пространствах, когда яблоку негде упасть, было четко видно, какой он артист, – может быть, лучше, чем везде, где мы играли потом. Я думаю, его специальные движения родились в основном из-за того, что нам вечно приходилось работать на очень-очень тесных площадках. Со всем нашим хозяйством на сцене рабочей площади для всех иногда оставалось примерно с обеденный стол. Бэнд располагался в двух футах за спиной Мика, он оказывался прямо посередине, а ведь ни о каком разделении каналов с дилэем речь вообще не шла, и, поскольку у Мика было достаточно много гармошечных партий, он был одним из нас, игроком. Не могу вспомнить ни одного другого певца в Англии того времени, который бы играл на гармошке и одновременно отвечал за лид-вокал. Ведь гармошка была – и до сих пор бывает – очень важным элементом звучания, особенно когда пашешь на блюзовой ниве.

Дайте Мику Джаггеру сцену размером со стол, и он отработает на ней лучше, чем любой другой, может быть, не считая Джеймса Брауна. Изгибы с поворотами, и маракасы трясутся без остановки – только давай-давай. Мы обычно играли, сидя на табуретах, а ему приходилось отплясывать вокруг нас, потому что отдельного места для этого не было, махнешь ненароком гитарой – двинешь кому-то в лицо. Он раньше играл четырьмя маракасами, когда пел. Я уже давно вспоминаю ему эти маракасы. Он был блестящий артист. Даже в те времена я поражался, как он умудряется извлечь столько из такого маленького пространства. Это было как будто наблюдаешь за танцором фламенко.

В Ричмонде мы окончательно освоили ремесло. Именно там стало понятно, что у нас по-настоящему сыгранный коллектив и на пару часов мы способны дать людям расслабиться, и зарядить зал энергией, и получить ту самую отдачу. Потому что наше дело – не отработать номер. Что бы там себе ни думал Мик Джаггер.

* * *

Если вспоминать, моим любимым местом был ричмондский отель *Station* – просто потому, что оттуда все началось по-серьезному. Клуб *Ricky Tick* в Виндзоре – офигенная площадка. В зале отеля *Eel Pie* мы тоже чувствовали себя шикарно, потому что в принципе народ был один и тот же, просто перемещался между точками, где нам давали работу. Джорджо Гомельский – еще одно имя, всплывающее в связи с тем периодом, – человек, который вообще-то нас пас, устроил нам приглашения в *Marquee* и *Station* и который был очень важной фигурой во всей тогдашней тусовке. Иммигрант из России, большой медведеподобный дядя с неимоверным запасом энергии и энтузиазма. Брайан заставил Джорджа поверить, что тот фактически командует коллективом, которому, как мы-то считали, никакой командир не нужен. Джорджо творил всякие чудеса, обеспечивал нас работой, местами, но больше нам особенно было дать нечего. “Где бы сыграть, поинтересуйся у людей, может, кто-нибудь нас возьмет” – вот и все запросы. И Джорджо очень нам помог с этим на самых первых порах. А Брайан его бортанул, как только впереди замаячило что-то посолидней. Уму непостижимо, в какого манипулятора он мог превращаться, когда обстряпывал такие дела. Все время возникало подозрение, что Брайан надавал людям обещаний, о которых остальные были ни сном ни духом. Так что, когда обещания не выполнялись, сволочами выглядели мы все. В общем,

обещалка у Брайана работала на износ. Джорджо потом стал менеджером *Yardbirds*, клэптоновского состава, которые уже начинали занимать наши места в клубных расписаниях. А потом Эрик ушел из *Yardbirds*, отправился на полгода в отпуск и вернулся в звании бога, от которого ему все никак не откреститься.

Мик поменялся колossalно. Только прокручивая в голове те времена, я вспоминаю не без грусти, что мы с ним никогда не были настолько заодно, как в первые годы, когда *Stones* становились на ноги. Прежде всего, не было сомнений в цели. Мы безошибочно знали, где хотим оказаться, какой должен быть звук, поэтому не приходилось ни о чем договариваться – только соображать, как туда попасть. Разговаривать о глобальных задачах? Зачем, мы все о них знали. Задача, в общем, стояла простая – получить доступ к студии. Как обычно, время проходит, цели растут. Нашей первой целью под вывеской *Rolling Stones* было заработать титул лучшей ритм-энд-блюзовой команды Лондона с регулярным концертным расписанием на неделю. Но еще главное было наконец как-то начать писаться. Оказаться в настоящей студии – это было все равно что попасть за перегородку в святая святых. Как оттачивать звук, если не можешь сесть перед микрофоном и студийным аппаратом? Мы чувствовали, что уже набрали достаточный разгон, и какой следующий шаг? Дорваться до студии не мытьем, так катаньем. Джон Ли Хукер, Мадди Уотерс, Хаулин Вулф – они были такие, какие есть, потому что гнули свое. Они уперто хотели записывать свою музыку, точно как я, – это была еще одна связь между мной и ими. Сделаю все, только пустите в студию. На самом деле в этом было даже что-то от нарциссизма: нам элементарно не терпелось услышать, как мы звучим. Нам хотелось отдачи в звуке. Денежная отдача в расчет не входила, а услышать самих себя – это да, это была цель. В какой-то степени тогда попасть в студию и выйти с ацетатным демо⁶⁹ было все равно что получить аттестат. “Ты теперь офицер при звании” – в смысле, ты больше не рядовой музыкантской армии. Играть перед публикой было самой важной вещью в мире, но, если тебя записали, это было как знак качества. Заверено, скреплено и проштамповано.

Стю единственным из нас знал человека с доступом, у которого была возможность открыть студию ближе к ночи и дать нам час времени. В ту эпоху это было как отправиться с визитом в Букингемский дворец или заработать приглашение в Адмиралтейство. Попасть в студию звукозаписи – практически невыполнимая задача. Выглядит дико, учитывая, что сегодня каждый может записаться на любом углу и тут же выложить свои художества в интернете. А тогда это было как допрыгнуть до Луны – чистая фантазия. Вообще-то первая студия, в которую я попал, была студия Ай-би-си на Портленд-плейс – прямо через дорогу от Би-би-си, но, разумеется, никакой связи между ними. Все благодаря Глину Джонсу, который там звукоинженерствовал и исхитрился освободить для нас чуть-чуть времени. Но это было так, разовая акция.

А потом наступил день, когда Эндрю Луг Олдхэм приехал в Ричмонд нас послушать, и потом все понеслось с нечеловеческой скоростью. Примерно в двухнедельный срок мы уже имели на руках контракт на запись. Эндрю раньше работал у Брайана Эпстайна и как-то поучаствовал в создании битловского образа. Но они с Эпстайном из-за чего-то поцарапались, и его уволили. Он отошел от всех прежних дел и решил пробиваться в одиночку: “Ну ладно, вы у меня попляшете”. А мы стали его орудием мести Эпстайну. Мы – динамит, Эндрю Олдхэм – детонатор. Ирония судьбы заключается в том, что в самом начале этот великий автор роллинговского имиджа считал, что ничего хорошего не выйдет, если нас будут воспринимать как патлатых грязных грубиянов. Эндрю ведь был вполне себе мальчик-чистюля, и ему по-прежнему нравилась грандиозная идея про *Beatles* и одинаковые костюмчики, когда

⁶⁹ С 1930-х до начала 1950-х запись делалась на ацетатные диски. Ацетатный диск представлял собой алюминиевый диск, на поверхность которого был нанесен тонкий слой быстросохнущего лака из нитроцеллюлозы. Впоследствии эта технология, позволявшая делать единичные партии пластинок без участия пресса, использовалась в основном для записи демонстрационных дисков.

все под одну гребенку. Ему нравилась, а нам не очень. Короче, он подыскал нам сбрую, и на телевидение на запись “Благодари свою счастливую звезду” мы надели эти хреновы твидовые пиджаки в гусиную лапку. Но сразу после программы их выбросили, оставили только кожаные жилеты, которые Эндрю купил на Чаринг-Кросс-роуд. “Где твой пиджак?” – “А фиг его знает. Подружка взяла поносить”. И он очень быстро въехал, что вот теперь ему всегда придется иметь дело с таким отношением. А что ему оставалось? *Beatles* везде, торчат из каждого угла, аж глазам больно. И если у тебя еще одна классная группа, нехуй мучиться и тупо копировать *Beatles*. Так что нам, естественно, досталась роль анти-*Beatles*. Еще одна “фантастическая четверка” вiformах – нет, нам было в другую сторону. Но тогда Эндрю устроил из этого беспредел. Раз все такие сладкие и все одеваются по шаблону и кругом сплошная показуха, делай все против правил, по крайней мере с точки зрения шоу-бизнеса и Флит-стрит⁷⁰. То есть Эндрю взял идею того, что нужно как-то подавать себя публике, и превратил ее в черт знает что.

Само собой, мы ни в чем этом не волокли. “Чувак, мы слишком круты, нам кривляться западло. Мы, блин, блюзмены, в свои-то восемнадцать лет. Прошли всю Миссисипи, видали Чикаго”. Вот так дурачишь сам себя. И все же мы действительно были бельмом на глазу. Плюс, разумеется, по времени попадание было прямо в точку. Все знают *Beatles*, мамы их обожают и папы их обожают, а эти – вы разрешите своей дочери выйти замуж за такое? И тема с имиджем “назло всем” оказалось почти гениальной. То есть ни Эндрю, ни мы гениями не были, просто эта придумка попала точно в яблочко, и после того, как все всё про нас поняли, стало нормально – мы теперь были готовы включиться в игру под названием “шоу-бизнес” и оставаться самими собой. Не надо было подстригаться под того парня или под этого. Эндрю для меня всегда был абсолютным образцом пиарщика. Такая заточенная бритва. Мне он здорово нравился – при всех нервах и головняках по поводу секса. Родители отправили его учиться в публичную школу Уэллингборо, и со школой у него, как и у меня, не сложилось. У Эндрю внутри, особенно в те дни, всегда была такая мелкая дрожь, как у сервиса в буфете. Но он был абсолютно, железно уверен в себе и в том, что нам нужно делать, – при всей этой внутренней хрупкости. Само собой, он строил из себя крутого, как никто. Но мне нравилось, что он придумывал, мне вообще нравилось, как он думал. И поскольку у меня за плечами худо-бедно была худшкола и учеба на рекламщика, я мгновенно просек, что в том, чего он добивается, есть смысл.

Мы подписали контракт с *Decca* и через несколько дней – за чужие денежки! – сели писаться в *Olympic Studios*. Правда, большинство тогдашнего материала мы записали в другой студии – *Regent Sounds*. Одно название – “студия”: комнатенка, обитая контейнерами для яиц, с одиноким катушечным *Grundig*. Только, чтобы все выглядело как студия, его не поставили на стол, а повесили на стену. Считалось, если магнитофон на столе, значит, работают непрофессионалы. На самом деле все, чем они там занимались, это озвучивание рекламных роликов: “*Murray mints, Murray mints, the too-good-to-hurry mints*⁷¹». Мелкая джингл-студия, всего по минимуму, очень простая – это сильно облегчило мне задачу освоения азов звукозаписи. Мы выбрали ее в том числе из-за того, что она была моно – что слышишь, то и получаешь. Магнитофон всего с двумя дорожками. Я на нем выучился делать наложение, “пинг-pong”, как это называется, – когда ставишь только что записанный трек в одном канале и пишешься сверху на другой. Само собой, в плане звука таким путем теряешь целые поколения, пропускаешь пленку еще раз через все колеса, – но мы обнаружили, что в этом есть свои плюсы. В общем, первый альбом и многое вещей со второго плюс *Not Fade Away*,

⁷⁰ Переносное обозначение прессы в Британии – по названию улицы, на которой раньше располагались редакции большинства национальных газет.

⁷¹ “Мэрриминтс, Мэрриминтс – слишком вкусные, чтобы торопиться” – рекламный слоган серии мультипликационных роликов, рекламирующих мятные конфеты “Мэрриминтс”.

наш первый чартовый прорыв – № 3 в феврале 1964-го, – и *Tell Me* были изготовлены в окружении яичных контейнеров. Эти первые альбомы мы записали в нескольких студиях с участием немыслимых гостей вроде Фила Спектора, который отметился на басу в *Play with Fire*, и Джека Ницше – там же на клавесине. Заходили Спектор и Бо Диддли, и Джин Питни тоже – он записал одну из первых вещей, которую мы сочинили с Миком, *That Girl Belongs to Yesterday*.

Правда, контракт с *Decca* означал еще одну вещь: Стю должен был выйти из состава. Шестеро – это чересчур, и первый кандидат на вылет, разумеется, пианист. Такой вот жестокий бизнес. Поскольку Брайан подавал себя как главного, сообщить новость Стю досталось ему. Это было дико тяжело. Стю не удивился, я думаю, он уже заранее решил для себя, что будет делать, если вопрос всплынет. Он отнесся к этому с полным пониманием. Мы ждали от него что-нибудь типа “Ну спасибо, ебитесь сами”. Но в такой момент Стю показал всю огромность своего сердца. О’кей, раз так, он будет сидеть за рулем, будет нас возить. И он был с нами на каждой пластинке, потому что, кроме музыки, все остальное ему было неинтересно.

Уволен, но только не для нас, никогда. И он все прекрасно понимал. “Видок-то у меня не такой, как у вас, а?” Блин, у этого чувака было самое огромное сердце в мире. Он вложил всего себя, чтобы нас собрать, и он не намеревался вот так все бросить из-за того, что его задвинули на задний план.

Первый сингл мы выпустили очень скоро после подписания контракта – все делалось даже не за недели, за дни. Абсолютно просчитанный коммерческий вброс – *Come On* Чака Берри. Я не считал, что это лучшее, на что мы способны, но я знал, что с этой вещью можно отличиться. В плане записи она, кажется, даже лучше, чем я тогда думал. Просто у меня такое ощущение, что в тот раз мы воспринимали ее как единственный боевой патрон в нашей обойме. В клубах мы ее не играли, никакого отношения к тому, чем мы занимались, она не имела. Вообще в группе тогда еще держался остаточный туристский настрой, который я, естественно, не разделял. Блюз – моя любовь, но я видел, что и кроме блюза есть где копать. Я и поп-музыку тоже любил. И совершенно бессовестно смотрел на эту сорокапятку как на способ пробиться. Дорваться до студии и изготовить хорошо продаваемый товар. Наша версия ведь совсем не похожа на чакберриевскую; это, прямо скажем, очень “битлизированный” продукт. Но в режиме, в котором тогда выпускали музыку в Англии, у тебя особо не было времени рассусоливать: ты шел и выдавал хит. Думаю, в случае *Come On* все чувствовали, что у нее есть хорошие шансы выстрелить. И вообще, наши мысли были заняты одним: “Ого, у нас выходит диск, это ж охренеть можно!” И еще присутствовала такая легкая обреченность: “Черт, если первый сингл выстрелит, у нас два года, и все, на помойку. Ну и что нам потом делать?” Потому что дальше не держался никто. Твой срок годности в те времена был пара с половиной лет, да и сейчас в большинстве случаев то же самое. И, за исключением Элвиса, тогда этого еще никто не опроверг.

Смешная история: когда у нас вышла первая пластинка, мы, по сути, еще пребывали в ранге клубной команды. Думаю, что на тот момент забытый *Marquee* – это был наш рекорд посещаемости. Но сингл худо-бедно вскарабкался в первую двадцатку, и как-то резко, за неделю или около того, мы превратились в поп-звезд. Тяжкое испытание для чуваков, у которых был один дежурный ответ: “А пошли они все, да ну их на хуй”. Не успели оглянуться, и на вас уже какая-то гусинолапчатая срань, и вы несетесь на гребне непонятной дикой волны – не волны, цунами. В одну секунду у тебя предел мечтаний – сделать сингл, а дальше – вот твой сингл, вот он уже в первой двадцатке, и вот ты вылезаешь перед камерами на “Благодари свою счастливую звезду”. Телевидение – о нем ни у кого даже мысли не было. Нас туда просто вышвырнуло. Учитывая, что мы вообще-то враги шоу-бизнеса, от такого уже

хотелось притормозить: “Все, хорош, перебор”. Но до нас медленно дошло, что кое-какие уступки делать придется.

В такой ситуации нужно было решать, как себя вести. Пиджаки надолго не задержались. Может, для дебюта ход был хороший, но ко второй пластинке вся такая фигня пошла побоку. В *Crawdaddy* начался такой вал, что Гомельский передислоцировал клуб под крышу заведения при *Athletic Ground*, регбийном стадионе Ричмонда. В июле 1963 года мы таки наконец выбрались из столицы. Первый раз играли не в Лондоне – в йоркширском Мидлсбро – и первый раз хлебнули сумасшедшего дома. Начиная оттуда и до 1966-го – три года – мы играли практически каждый вечер, точнее, каждые сутки – иногда по два раза за день. Отыграли тысячу концертов с хорошим гаком, почти встык друг к другу, почти без перерывов и дай бог с одним десятидневным отпуском за весь период.

Может быть, если бы в июле 1963-го мы приехали в Кембриджшир в лапчатых пиджаках и выглядели такими куколками, мы бы не вывели из себя местных самцов, которые собрались на танцы при Уизбичской зерновой бирже. Мы были городскими, и наша музыка – городская музыка. Но вы бы попробовали поиграть ее в Уизбиче в 1963-м с Миком Джаггером у микрофона. Реакция была непривычная. Все эти деревенские парни с совершенно реальной соломиной в зубах – зерновая биржа в жопе на болотах. И замес начался, потому что местная деревенщина, мужская часть, не могла смириться, что их девчонки вовсю визжат и таращатся на этих лондонских чмошников: “Ну чисто пидоры, фу, тошнит аж!” Заваруха оказалась добротная, и нам сильно повезло вовремя смыться. По величайшему совпадению в истории рок-н-рольных мероприятий, в предыдущий вечер мы играли на дебютантском балу в пещерах Гастингса, который устраивала некая леди Лэмпсон. Стараниями Эндрю Олдхэма. Страшно пафосный народ, сливки общества – самая пенка, – которые устроили себе простонародную забаву в гастиングских пещерах, где вообще-то довольно много места. И мы были номером развлекательной программы. Нам сказали, что, когда мы не играем, нужно не маячить и отойти в сторону кухни. За нами присматривали, но мы не дергались, держались как ни в чем не бывало, пока один из них не подошел к Иэну Стюарту и не сказал: “Послушай, тапер, можешь нам изобразить *Moon River*? ” И тогда Билл его положил на пол – или как-то еще отдал, не помню. Лорд Лэмпсон, хотя, может, и какое-то другое сиятельство, разгневался: “Кто этот ужасный молодой человек?” Можешь играть на наших вечеринках, но мы будем обращаться с тобой как с черным. Меня это совершенно устраивало, я только гордился – в смысле, я обожаю, когда меня держат за черного. Однако Стю не повезло первому получить щелчок: “Послушай, тапер...”

На первых порах в нашей публике преобладал женский элемент – до конца 1960-х, когда ситуация выровнялась. Эти полчища одичавших цепляющихся девиц начали заполнять залы примерно посередине нашего первого британского тура, осенью 1963-го. Гастрольный состав был фантастический: *Everly Brothers*, Бо Диддли, Литтл Ричард, Микки Мост. Мы себя чувствовали как в Диснейленде, как на лучшем в жизни аттракционе. И одновременно нам достался уникальный шанс заценить, как работают вживую главные чуваки. Мы забирались под перекрытия во всех этих кинотеатрах, “Гомонтах” и “Одеонах”, чтобы не пропустить ни одного выхода Литтл Ричарда, Бо Диддли или *Everly Brothers*. Гастроли были на пять недель. Мы проехались по всем закоулкам: Брэдфорд, Клиторпс, *Albert Hall*, Финсбери-парк – большие концерты, маленькие концерты. Местами посещало легкое оғигение – ого, я в одной гримерке с Литтл Ричардом, наяву. Фанатская часть тебя говорит: “Офи-геть!” – но есть и другая: “Тебя пустили к крутым чувакам, так что смотри не опозорься”. Когда мы вышли на сцену на первом в туре концерте – это было в Лондоне, *New Victoria Theatre*⁷², – нам казалось, он уходит куда-то до самого горизонта. От такого пространства,

⁷² Современное название – *Apollo Victoria*.

размера зала, масштаба всего этого перехватывало дыхание. Мы чувствовали себя каким-то лилипутами на виду у всех. Играли мы, скорее всего, не ужасно, но я только помню, как мы переглядывались друг с другом в полном шоке. И вот занавес раздвигается, и а-а-а-ах... Это как выйти развлекать Колизей. К этому быстро привыкаешь, учишься, но в тот первый вечер я казался себе просто насекомым. И разумеется, звук оказывается совсем не такой, к какому мы привыкли в клубных зальчиках. Оказывается, что мы звучим, как оркестр оловянных солдатиков. Все новое, все нужно было хватать на лету. Натуральный прыжок в пропасть – ничего похожего ни до, ни после. На каких-то первых концертах мы, наверное, звучали просто безобразно, однако к тому моменту все уже завертелось. От публики шума стало больше, чем от нас, и в этом был определенный плюс. Первоклассный бэк-вокал – орущие девицы. Учились, можно сказать, под обстрелом из воплей и визгов.

Литтл Ричард давал шоу, которое не лезло ни в какие ворота и при этом было абсолютно гениальным. Ты никогда не знал, откуда он появится. Его бэнд мог завести *Lucille* и продолжать взбивать ее минут десять, что вообще-то долговато для такого риффа. А в зале постепенно гасили свет, так что видно было только таблички над выходами. И тогда он выныривал из-за спины у зрителей. Или – в другие разы – выбегал на сцену, убегал, а потом появлялся снова. Почти каждый вечер он разыгрывал вступление по-новому. Ты медленно догадывался, что Ричард заранее проинспектировал весь театр, поговорил с осветителями – откуда можно сделать выход? вон там наверху есть дверь? – и придумал, какое вступление будет самым убойным. Или – баах! – нагрянуть сразу, или оставить рифф крутиться пять минут и наконец выскоочить откуда-нибудь сверху. Вдруг оказывается, что ты больше не забойщик на клубной сцене, где подача и шоу ничего не значат, где не ступишь лишний шаг и нет места ни для каких выкрутасов. Вдруг ты видишь, как работают на сцене – и Ричард, и Бо Диддли тоже, – и от этого тебе срывает башню, как будто тебя непонятным чудом взяли на небо и дали возможность разговаривать с богами. *Lucille* накручивает обороты, бухтит и бухтит, и ты уже начинаешь сомневаться, что он вообще будет петь. Неожиданно прожектор выхватывает балкон, и вот оно – Преподобный является народу! Преподобный Пеннимен⁷³. А рифф крутится и крутится. Вот так мы учились у них искусству представления. К тому же Литтл Ричард был в этом деле мастер высшего разряда, и у кого еще учиться, как не у него.

Трюк со светом я часто использовал со своими *X-Pensive Winos* – мы затемняли сцену и всем бэндом садились в кружок, раскуривали косяк и выпивали, пока не началось. А народ не знал, что мы уже здесь. А потом огни зажигаются, и мы резко стараемся. Старый урок Литтл Ричарда.

Когда выходили Эверли, это было при мягком свете, музыканты играли тихо-тихо, и тогда вступали их голоса, этим невероятно прекрасным, почти мистическим рефреном – «*Dream, dream, dream...*⁷⁴» – который то выплывал из унисона и гармонии, то вплывал обратно. Блюграсса в этих парнях – выше ушей. У Дона Эверли было самое совершенное владение ритм-гитарой, какое я слышал. Никто об этом не задумывается, но их ритм-гитарные партии звучали идеально. Очень изящно расставлены и красиво подогнаны к голосам. Братья всегда держались подчеркнуто вежливо, всегда на расстоянии. Я лучше знал их состав: Джоуи Пейдж – он играл на басу, Дон Пик – на гитаре, а за ударными сидел Джимми Гордон, который тогда только-только окончил школу. Он потом стучал для *Delaney & Bonnie* и для *Derek and the Dominos*. Под конец у него случилась шизофрения, и он в припадке забил насмерть свою мать, за что в Калифорнии ему дали пожизненное. Но это другая история. Потом уже я узнал, что у братьев не все гладко между собой и что началось это еще раньше. Было в их братстве что-то немного похожее на нас с Миком. Вы держитесь вместе в радо-

⁷³ Пеннимен – настоящая фамилия Литтл Ричарда.

⁷⁴ «Мечтать, мечтать, мечтать» – слова из песни *All I Have to Do Is Dream*.

сти и в горести, это вырастает во что-то большое, и тогда уже появляется время и место рассмотреть, что же вам друг в друге не нравится. Да, потом еще об этом поговорим.

На этих гастролях случилась одна незабываемая сцена в гримерке. Я тепло отношусь к Тому Джонсу. Впервые я встретил его как раз тогда, рядом с Литтл Ричардом. Я провел с Ричардом в туре уже три-четыре недели, и с ним было легко, да и сейчас так же, и мы, бывало, болтали да перешучивались. Но в Кардиффе такие парни, как Том Джонс и его бэнд, *Squires*, – их часы отставали лет на пять. И вот они заходят в гримерку Литтл Ричарда, и на них все еще леопардовые сюртуки с черными бархатными воротниками и зауженные брючки – процессия тедди-боев с поклонами и расшаркиваниями. И Том Джонс натурально встает на колени перед Литтл Ричардом, как будто тот папа римский. И разумеется, Ричард в грязь лицом не ударил: “Мальчики мои!” Они не врубаются, что Ричард-то самый махровый пидор. Поэтому они не знают, как реагировать. “Деточка, да ты просто перчик Джорджий”. Абсолютная культурная нестыковка, но они настолько благоговели перед Ричардом, что были готовы съесть все, что он скажет. А он тем временем знай мне подмигивает. “Обожаю моих фанатов! Просто обожаю! Ах, деточки!” Преподобный Ричард Пенимэн. Не забывайте, он вышел из церковных госпелов, как и большинство. Мы все когда-то пели “Аллилуйя”. Эл Грин, Литтл Ричард, Соломон Берк – эти вообще приняли сан. Проповеди ведь налогами не облагаются. Тут божественные соображения были не главными, тут все решали денежки.

Джером Грин отвечал у Бо Диддли за маракасы. Он участвовал во всех его записях, а в жизни был тихий пьяница – один из милейших сукиных сынов, каких только можно встретить. Он мог взять и спокойно упасть тебе на руки. Для Бо он был как жена – они прошли вместе через все. Чуваки были в постоянном диалоге: “Эй, у тебя женщина такая страшная, пришлось выгонять ее страшной палкой⁷⁵». Джером наверняка много значил в жизни Бо, иначе тот давно бы от него отделался. Но маракасы в его руках работали потрясающе. Он обычно держал по четыре в каждой руке – восемь маракасов, очень по-африкански. И звучало все отменно, что в ужратом состоянии, что в трезвом. Такое у него было кредо: “Мне не выпить – можно и не играть”.

Само собой получилось, что я взял на себя роль личного джеромовского администратора. Мы как-то очень подошли друг другу, и с ним было офигенно весело. Такой здоровый дядя, немного вроде Чака Берри. Бывало, за кулисами вдруг кричат: никто не видел Джерома? И я говорил: зуб даю, знаю, где его искать. И он, конечно, оказывается в ближайшем к служебному выходу пабе. В ту пору знаменитости мне еще не хватало – на улицах никто не узнавал. Так что я мчался в ближайший паб, и этот красавец, конечно, сидел и чесал языками с местными, а они все его уговаривали, потому что, конечно, они нечасто встречали в жизни шестифутовых негров из Чикаго. Я его опекал: “Джером, пора на сцену, Бо тебя ищет”. “О господи, да иду уже”.

К концу тура ему довольно сильно поплохело. И тогда я догадался позвать врачей и взять дело в свои руки – пристроил к себе в квартиру. “Все, чувак, хватит с меня этой английской жратвы. Где здесь достать обычную, мать ее, американскую еду? Гамбургер хочу”. Я добегал до *Wimpy's*⁷⁶ за углом и приносил что он хотел. “Это что, по-твоему, гамбургер?” – “Ну извини, Джером”. Частично я занимался всем этим, потому что он был ходячий прикол, но притом он на самом деле был очень обаятельный мужик. И стрясти с тебя пару баксов тоже был не дурак. Плюс ты чувствовал, что, если тебя не будет рядом, он, на фиг, свалится

⁷⁵ *Ugly stick* – самодельный музыкальный инструмент из ручки швабры или метлы и других подручных средств. Идиоматическое выражение *beaten with the ugly stick* (“побитый страшной палкой”) означает “уродливый”.

⁷⁶ Сеть ресторанов быстрого питания.

под автобус или смоет сам себя в унитаз, если дорвется. Джером расстался с Бо довольно скоро после этого.

Странный был этот первый тур. Я никогда не был особенно уверен в собственной игре, но я знал, что между собой мы кое на что способны и что вообще кое-что начинает складываться. В начале тура мы открывали концерты, потом смеялись к перерыву, потом стали открывать второе отделение, а в конце шестой недели братья Эверли фактически дали нам понять, что, мол, парни, пора вас печатать сверху афиши. Всего за шесть недель. Плюс, пока мы обезжали Англию, начало происходить и кое-что другое. Начался девчачий ор. Тини-бопперы⁷⁷! Для нас, “блюзменов”, это ощущалось как... В общем, мы думали: атас, совсем опустились. Превращаться в очередную пиздопародию на *Beatles* – ну его на фиг. Мы так горбатились, чтобы стать лучшими из лучших, блюз-группой номер один. Но деньги – еще лучше, и незаметно, с таким валом народа, нравится или нет, вы больше никакая не блюз-группа, вы уже что-то такое, что все будут называть поп-группой. А это для нас было как грязное ругательство.

За считаные недели мы прошли путь от непонятно чего до лондонских триумфальных лавров. Не могли же одни *Beatles* заполнить все строчки хит-парадов. Вот мы и стали заполнителями промежутков на следующие год-два. В общем, *The Times They Are A-Changin'* (“Времена-то меняются”) – Боб Дилан там все сказал. Это было очевидно, просто витало в воздухе. И менялись они стремительно. Эверли – ничего не хочу сказать, я их люблю всем сердцем, но и они чуяли то же самое, понимали, что что-то происходит. Ну, правда, при всем их классе что прикажете делать братьям Эверли, когда выходишь в зал, а там три тысячи человек орут по складам: “Мы хотим *Stones*. Мы хотим *Stones*”? Перелом был резкий. А Эндрю Луг Олдхэм оказался человеком, который поймал этот момент – поймал, вскочил и поехал. Мы и сами знали, что запалили какой-то большой огонь – который мне до сих пор не унять, по правде говоря.

Мы тогда далеко не заглядывали – вся жизнь в пути, каждый божий день. Ну, может, удавалось урвать денек там, денек здесь, чтобы выбраться куда-то еще. Но и просто проезжая по улицам, мы всё замечали – в Англии, в Шотландии, в Уэльсе. За полтора месяца вперед это ловилось в воздухе. Мы гремели все шире и шире, окружающее безумие закипало все сильнее. На какой-то стадии нас уже, в сущности, волновало только одно: как прорваться на сцену и как потом вырваться наружу. Причем на само выступление уходило минут пять, от силы десять. В Англии, по моим подсчетам, года так за полтора мы не доиграли до конца ни одного шоу. Единственный вопрос по поводу любого концерта – что нас накроет сегодня: заваруха с кулаками, копы, которые полезут ее разнимать, перебор по части медицинских инцидентов – и как, мать его, из всего этого выпутаться. Большая часть времени уходила на планирование путей проникновения и отхода. О самом месте ты мог толком ничего и не узнать, день за днем один сплошной дурдом. В сущности, мы приезжали, чтобы послушать нашу публику! Ведь ничто так не покроет любую твою ложу, как солидный десяти-, а то и пятнадцатиминутный сеанс половозрелых женских воплей. Или три тысячи бросающихся на тебя малолетних тел – если их еще не вынесли на носилках. Начесы набекрень, юбки задраны до пояса, мокрые, красные, глаза навыкате. Так держать, девчонки! Нам такого только давай! В сет-листте – как будто это имело значение – у нас тогда фигурировали *Not Fade Away*, *Walking the Dog*⁷⁸, *Around and Around* и *I'm a King Bee*⁷⁹.

⁷⁷ Придуманное в 1950-х название для подростков, как правило девушек, слушающих поп-музыку, активно следящих за жизнью кумиров и потребляющих всю связанную с ними продукцию.

⁷⁸ Песня Руфуса Томаса.

⁷⁹ Песня Слима Харпо.

Иногда заботливое полицейское начальство сочиняло для нас всякие идиотские схемы эвакуации. В Честере после концерта, кончившегося очередным разгулом страстей, помню, как бегал за местным главным констеблем по городским крышам, словно в дурном диснеевском фильме – остальные растянулись цепочкой сзади, он сам карабкается впереди, одетый по полной форме, и еще один констебль на подхвате. А потом он, блядь, заблудился! И мы торчим над городом Честером, пока он соображает, где он походил не так в этом “Побеге из Кольдица”⁸⁰. А тут еще пошел дождь. Ни дать ни взять сцена из “Мэри Поппинс”. Выделили аж самого шефа полиции, при мундире и дубинке, только что не на парад – и такой вот гениальный план. Ведь в то время меня и мне подобных воспитывали в уверенности, что полицейские могут разобраться с чем угодно. Но ты быстро понимал, что эти ребята никогда не имели дела ни с чем похожим. Для них это было так же ново, как для нас. Мы тогда все были как малыши, заблудившиеся в лесу.

В некоторые вечера мы по приколу играли *Popeye the Sailor Man*⁸¹, и народ не замечал разницы, просто потому, что им было нас не слышно. То есть они реагировали не на музыку. На ритм – это может быть, потому что барабаны, ритмическую сетку чувствуешь всегда. Но на все остальное – нет, абсолютно исключено, никаких голосов или гитар в пределах слышимости. На что они реагировали, так это на попадание в одно замкнутое пространство с нами, с этой иллюзией из меня, Мика и Брайана. Музыка могла быть спусковым крючком, но что было пулей – этого никто не знает. Как правило, для них все обходилось без проблем. Другое дело для нас. Из многих тысяч приходивших кое-кто уходил с травмами и ушибами, было и несколько смертей. Одна девчонка на третьем ярусе прыгнула вниз и серьезно покалечила человека, на которого приземлилась, а сама насмерть сломала шею. Да, бывали и такие засады. Но одна вещь происходила обязательно – через десять минут после начала мимо нас уже выносили обмякшие, бесчувственные тела. А иногда их начинали складировать на сцене, сбоку от нас, просто потому, что уже неправлялись с количеством. Как в окопах на западном фронте. И хуже всего было в провинциях, на еще не освоенных территориях. Гамильтон в Шотландии, в нескольких милях от Глазго – там перед нами натянули проволочную сетку. Все из-за заточенных монет и пивных бутылок, которые в нас швыряли парни, недовольные, что их девиц так распирает от нашего присутствия. И еще поставили рядом на сцене людей с собаками. Проволочные перегородки тогда были обычным делом в некоторых районах, особенно вокруг Глазго. На самом деле это была не новость. То же самое можно было наблюдать в клубах по всему американскому Югу и Среднему Западу. Уилсон Пикетт, который *Midnight Hour*, – у него на сцене стояла стойка с дробовиками по одну сторону и стойка с дробовиками по другую. И дробовики присутствовали не в качестве реквизита. Они были заряжены – каменной солью, кажется, ничем таким серьезным. Но и одного вида их было достаточно, чтобы отбить охоту швыряться всякой фигней или срываться с катушек. Такая мера предосторожности.

В один из вечеров где-то на севере – кажется, в Йоркшире, но это могло быть где угодно – мы решили задержаться в здании театра на пару часов и заодно перекусить. Просто выждать, пока все отправятся по домам спать, и спокойно уехать. Я вспоминаю, как вышел на сцену после окончания концерта, все уже было подметено и убрано, трусики и прочее барахло, и остался только один старик-вахтер, который мне говорит: “Отличное шоу. Ни одного сухого сиденья в зале”.

Может, конечно, с Фрэнком Синатрой, Элвисом Пресли творилось то же самое. Но я не думаю, что фанатство когда-нибудь доходило до такого беспредела, как в битловско-рол-

⁸⁰ Название популярной настольной игры, созданной бывшим английским военнопленным, который в 1942 году сумел сбежать из лагеря в замке Кольдица на территории Германии.

⁸¹ “Попай-морячок” – заглавная песня из серии мультфильмов про популярного персонажа комиксов, выходивших в начале 1930-х.

линговские времена, по крайней мере в Англии. Атмосфера была, как будто кто-то где-то сорвал стоп-кран. Девчонок 1950-х воспитывали правильными как линейка, чтобы радовали маму. А потом, такое ощущение, что-то щелкнуло, и они решили, что все, пора оторваться по полной. А что, возможности для этого как раз появились, и кто бы теперь им мог что-нибудь запретить? Вся эта девчоночья масса сочилась вожделением, правда, что с ним делать, они не понимали. И ты неожиданно оказываясь для них громоотводом. Чистое исступление. Их тормоза уже отпущены, и на тебя прет стихия невъебенной мощности. Шансов остаться живым не больше, чем в речке с пираньями. А они дорывались до чего-то, о чем буквально не мечтали, и переставали понимать, что дальше делать. К концу концерта они выходили, похожие черт знает на что: откуда-то капает кровь, одежда в клочья, описанные трусики, – и это воспринималось как должное. Это и был “концерт”. Честно говоря, на моем месте среди них мог оказаться кто угодно. Им было абсолютно плевать на мои блюзменские амбиции.

Когда с разгону погружаешься в такой угар, парням вроде Билла Перкса это сильно сбивает мушку. Однажды, не то в Шеффилде, не то в Ноттингеме, мы застукали его с девицей в угольном сарае. Парочка была прямо как из “Оливера Твиста”. “Билл, поехали, время уже”. Это, конечно, Стю его нашел. Но что ты будешь делать в таком возрасте, когда почти все тинейджерское население страны решило, что свет сошелся клином на тебе? Натиск был невообразимый. А еще полгода назад у меня не было шансов. Переспать со мной – разве что за деньги.

* * *

Живешь, и ни одной тебе девчонки в мире. Не-а, и не мечтай, ла-ла-ла-ла-ла. А через мгновение они уже тут как тут, навострили ушки. И ты думаешь, хуя себе, когда это я успел сменить “Олд Спайс” на “Аби Руж”⁸²? Дела-то, смотри, налаживаются. Но чего они хотят? Славы? Денег? Или это по-настоящему? И конечно, если тебе раньше не слишком везло с красавицами, становишься мнительным.

Девчонки меня выручали в жизни чаще, чем пацаны. Иногда просто близостью – прижать к себе, поцеловать, без всяких дальнейших. Просто согреть друг друга, пролежать ночь обнявшись, когда тяжело, когда черная полоса. Я допытывался: “Черт, зачем я вообще тебе сдался, я же просто еще один мудак, которого завтра ветром сдует?” “Не знаю, наверное, ты того стоишь”. – “Ну ладно, я спорить не буду”. Первый раз я испытал на себе такое отношение с теми североанглийскими девчонками во время первого тура. Оказываясь после концерта в пабе или гостиничном баре, а чуть позже с тобой в комнате сидит какая-нибудь добрая душа, которая учится в Университете Шеффилда, занимается социологией и которой почему-то захотелось тебя приласкать и обогреть. “А я думал, ты умная. Я же гастролер с гитарой, здесь у вас не задержусь”. – “Ну да, но ты мне нравишься”. “Нравишься” иногда лучше, чем “люблю”.

* * *

К концу 1950-х тинейджеры стали отдельным рынком, целевой группой для рекламщиков. Ведь само слово “тинейджер” – их изобретение, тупой технический термин⁸³. От названия этих пацанов и девчонок тинейджерами у них самих рождалось особое самовос-

⁸² Популярный лосьон после бритья, выпускавшийся с 1938 года американской фирмой *Shulton Company*, и престижный французский мужской парфюм, выпущенный в 1965 году французской фирмой *Guerlain*.

⁸³ Слово *teenager*, вошедшее в обиход после Второй мировой войны, образовано от словосочетания *teen age* – “возраст *teen*”, где *teen* – часть английских числительных от 13 до 19.

приятие. И это создало специальный рынок не только для одежды и косметики, но и для музыки, литературы и всего остального – возрастной группе был отведен собственный загон. И одновременно – демографический взрыв, появление огромного половозрелого выводка. Битломания и роллингомания. Эти юные особы умирали от желания чего-то нового и непривычного. Четверо или пятеро худосочных парнишек стали для них громоотводом, но они могли найти его в ком угодно.

О том, на какие подвиги способны тинейджеры женского пола – тринадцати-, четырнадцати-, пятнадцатилетние, – особенно когда они сбиваются в ораву, я буду помнить всю жизнь. Они меня однажды чуть не прикончили. Никогда я так не боялся за свою жизнь, как случайно угодив в беснующуюся толпу малолеток с перспективой быть задушенным или разорванным на куски. Трудно передать, какого страху они могли на тебя нагнать. Ты был готов лучше отправиться на фронт под вражеские снаряды, чем подставиться под эту неудержимую, крушащую все волну похоти и желания, или что там в них кипело – они и сами этого не знали. Полицейские убегают, и ты оказываешься лицом к лицу с диким, неуемным буйством эмоций.

По-моему, дело было в Миддлсбро. Мне было никак не попасть в машину, “остин принсесс”, как сейчас помню, я стараюсь влезть внутрь, а эти бешеные сучки раздирают меня на части. Проблема в том, что, когда они до тебя дорвались, они не знают, что с тобой делать. Они почти задушили меня моими бусами: одна тянет за один конец, другая – за другой, и обе орут: “Кит, Кит” – и одновременно меня душат. Я хватаюсь за ручку двери, которая отрывается и остается в моей руке, а машина, дернувшись, уносится вперед, и я стою с этой сраной ручкой. Называется, бросили на растерзание. Это водитель запаниковал: остальные чуваки уже были внутри, и он больше не мог терпеть, ему срочно надо было вырваться из этого дурдома. И меня оставили окруженным стаей гиен. Следующий кадр – я прихожу в сознание у того же служебного выхода в переулок, и копы, очевидно, уже оттеснили толпу подальше. Я вырубился, задохнулся, и меня обработали от души. Ну что, родные, дорвались? И что ж вы будете со мной делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.